

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (26) 2017

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2017

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (26) 2017

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2017

CONTENTS

No 3 (26) 2017

Maria Amelina. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels	7
Tatiana Bondarenko. Passivization of matrix predicates in the light of constructions with accusative subjects: the case of Barguzin Buryat	117
Anna Dybo. Again on the subject of the history of personal-numeral conjugation in Turkic languages	127
Yulia Normanskaya, Natalia Kosheliuk. Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slovtsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi	151
Fanuza Nurieva. A linguistic monument of the Sergach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century.....	161
Indira Semenova. Quantitative description of the Karachay-Balkar vocabulary (based on the material of the Concise Karachay-Balkar-Russian dictionary)	174
Olesya Khanina. Advantages of digital technologies: a description of front vowel allophones, of a glottal stop, and of verbal object cross-reference in Enets	186
Vitaly Shabykov, Raisiya Kudryavtseva. Linguistic situation in the Mari El Republic in early 2010s: a sociolinguistic analysis.....	208

DISCUSSIONS

Nikolay Urtegeshev, Iraida Selyutina, Tatyana Ryzhikova. Phonetic transformations in the sandhi positions in the Tuvan analytic constructions	230
Anna Dybo, Valeriya Lemskaya. A polemic note to the article "Phonetic transformations in the sandhi positions in the Tuvan analytic constructions" by N. S. Urtegeshev et al.	243

PERSONALIA

Arzhana Mayzina. Taisiya Makarovna Toshchakova, the first linguist of Altay (for the 115th anniversary)	253
Style sheet	259

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (26) 2017

М. К. Амелина. Ударение в непроезженных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов.....	7
Т. И. Бондаренко. Пассивизация матричных предикатов в свете конструкций с аккузативным субъектом на примере баргузинского диалекта бурятского языка	117
А. В. Дыбо. Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках.....	127
Ю. В. Норманская, Н. А. Кошелюк. Архивный пелымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словоцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи.....	151
Ф. Ш. Нуриева. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века	161
И. Д. Семенова. Квантитативная характеристика лексики карачаево-балкарского языка (на материале малого карачаево-балкарско-русского словаря)	174
О. В. Ханина. Возможности цифровых технологий: описание аллофонов передних гласных, гортанного смычного и объектного согласования глагола в энецком языке	186
В. И. Шабыков, Р. А. Кудрявцева. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ.....	208

ДИСКУССИИ

Н. С. Уртегешев, И. Я. Селютина, Т. Р. Рыжикова. Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях.....	230
А. В. Дыбо, В. М. Лемская. Дискуссионная заметка к статье Н. С. Уртегешева, И. Я. Селютиной и Т. Р. Рыжиковой «Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях».....	243

PERSONALIA

А. Н. Майзина. Таисия Макаровна Тошакова — первый алтайский ученый-лингвист (к 115-летию со дня рождения).....	253
Требования к оформлению статей.....	259

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широбокова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schöning (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Ударение в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка.

Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов¹

Введение

Тундровый ненецкий язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи и распадается на три основных диалектных группы: западную, центральную и восточную. Гыданский диалект, наряду с надымским, тазовским и таймырским (енисейским), является одним из крайневосточных идиомов восточной диалектной группы [Терещенко 1965, 2008: 8—11]. В работе [Salminen 1998: 16] приводится соответствие обозначений диалектов тундрового ненецкого языка по изданиям [Терещенко 1965] и [Lehtisalo 1956]: так, крайневосточным диалектам по [Терещенко 1965] территориально наиболее близки тазовские говоры (Т) в записи Т. Лехтисало [Lehtisalo 1956: СИИ].

В данной статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, собранные в ходе работы с носителями гыданского диалекта Т ненец. в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа в сентябре 2011 г.² Полевые данные были собраны нами по специальной анкете, нацеленной на выявление акцентных характеристик непроеизводных имен разных слоговых структур и вокалических составов. Каждое из интересующих нас слов трижды было повторено носителями в изолированном произнесении, а также в различных контекстах (в разных грамматических формах).

Данная статья посвящена анализу акустических коррелятов ударения в непроеизводных³ именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. В недавних статьях [Амелина 2016а] и [Амелина 2016б] нами уже были рассмотрены акустические корреляты ударения в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего, среднего и верхнего подъёмов, в ямальском диалекте (одном из восточных идиомов) тундрового ненецкого языка. В этих работах мы подробно коснулись особенностей комбинаторики акустических коррелятов ударения в ямальском диалекте, а также выявили его экспираторно-квантитативный характер. В данной статье представлен аналогичный просодический анализ на материале другого, хотя и довольно близкого (более восточного), диалекта — гыданского.

В работах [Амелина 2012: 8—9; Амелина 2016а: 8; Амелина 2016б: 8] вопрос о системе вокализма и количестве гласных фонем тундрового ненецкого языка уже был рассмотрен нами подробно. Мы придерживаемся точки зрения Т. Салминена, который выделяет следующие фонемы в системе вокализма Т ненец.: пять «нейтральных» по длительности монофтонгов (*i, u, e, o, a*), один краткий монофтонг (*ø = ə*), при чередовании с которым по правилам редукции реализуется также “schwa phoneme”^o, один дифтонгоид *æ* и два долгих монофтонга (*ī = i* в обозначении Т. Салминена, *ū = u* в обозначении Т. Салминена) [Salminen 1997]. В работах [Амелина 2012: 8—9; Амелина 2016а: 9—11; Амелина 2016б: 9—10] нами также уже были подробно проанализированы основные характеристики ударения в тундровом ненецком языке, выделявшиеся ранее учеными.

Подробно о типах «оценок выраженности ударения», которыми мы руководствуемся при определении места словесного акцента, см.: [Амелина 2012: 9; Амелина 2016а: 14; Амелина 2016б: 7] («оценка по максимуму» [Кривнова 2004: 6; Кодзасов 1991: 108—109], «оценка выраженности ударения по контрасту» и «оценка выраженности ударения по временному эталону» [Кривнова 2004: 3]). Так как обычно

¹ Сбор материала для статьи был выполнен при поддержке проекта РГНФ № 14-04-12019в «Создание мультимедийных словарей самодийских языков» (рук. Ю. В. Норманская), а анализ материала осуществлялся при поддержке проекта РНФ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения» (рук. В. М. Алпатов).

² Мы выражаем искреннюю благодарность информантам, которые деятельно помогали нам в течение полевой работы на Гыданском полуострове: Салиндер (Яптунай) Ульяне Григорьевне, Яптунаю Николаю Ханзотавичу, Яр Нине Ябиновне, Лапцуй (Салиндер) Анжелике Ляликовне, Яр (Лапцуй) Галине Ванзовне, Вэнго Зое Торневне, — а также Яру Иосифу Пияковичу — за помощь в организации экспедиции.

³ Под «непроеизводными» здесь и далее мы понимаем слова, которые не являются производными по продуктивным моделям в современном тундровом ненецком языке, при этом на прасамодийском или протоненецком уровнях они могут быть производными и образованными по типичным словообразовательным моделям.

принято выделять три фонетических компонента ударения (по преобладанию одного из них определяется фонетический тип ударения): 1) интенсивность, «достигаемую увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха», 2) высоту голосового тона и 3) длительность [ЛЭС 1990: 530], — то ниже мы подробно останавливаемся именно на этих трех параметрах, анализируя их комбинаторику и значимость каждого из них.

Собранные полевые данные по гыданскому диалекту были проанализированы нами с помощью экспериментально-фонетической программы “Praat” (версия 5.3.61 by Paul Boersma and David Weenink; официальный сайт: www.praat.org). Настройки спектрографирования (Spectrogram settings): тип фильтра (Window length) — широкополосный (время реакции, отклика — 5 мсек.), диапазон частот (View range) — от 0 до 5000 Гц, динамический диапазон (Dynamic range, настройка яркости/затемненности спектра) — 70 дБ. Настройки визуализации частоты основного тона (Pitch settings): диапазон основной частоты голоса (Pitch range) — от 75 до 500 Гц. Подробно об акустическом анализе с помощью программы “Praat” и использовании этой программы в лингвистических целях см. [Boersma 2013, 2014; Styler 2017].

В качестве основных средств визуализации речевого сигнала и акустического анализа нами были использованы осциллограммы (waveforms) и динамические широкополосные спектрограммы (dynamic broadband spectrograms). На широкополосных динамических спектрограммах в программе “Praat” желтой тонкой линией также отображается контур интенсивности (в децибелах, дБ), а голубой толстой линией — частоты основного тона (в герцах, Гц). Красными точками визуализированы форманты⁴ и области формантных переходов. Таблицы, представленные ниже, состоят из девяти колонок:

1) порядковый номер фонетического слова с буквенным указанием на диалект (Г — гыданский диалект);
2) в колонке «слово» дается запись слова в фонологической (без скобок) и фонетической (в квадратных скобках с отмеченным ударением) транскрипциях, в круглых скобках строчкой ниже приводится примерная общая длительность произнесения слова в мсек. (с точностью до 5 мсек.);

3) в колонке «Д1» указаны абсолютная длительность гласного первого слога в мсек. с точностью до 1 мсек. (без скобок) и его относительная длительность в процентах по отношению к усредненной длительности каждого сегмента (в круглых скобках);

4) в колонке «И1» приводятся данные по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности гласного первого слога — в децибелах с точностью до 0,01 дБ; числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласного приводятся за пределами скобок, а средней — в круглых скобках;

5) в колонке «ЧОТ1» указаны данные по частоте основного тона гласного первого слога — в герцах с точностью до 1 Гц (см. комментарий ниже);

6) в колонке «Д2» указаны абсолютная длительность гласного второго слога в мсек. с точностью до 1 мсек. (без скобок) и его относительная длительность в процентах по отношению к усредненной длительности каждого сегмента (в круглых скобках);

7) в колонке «И2» приводятся данные по максимальной (пиковой) и средней (суммарной) интенсивности гласного второго слога — в децибелах с точностью до 0,01 дБ; числовые показатели максимальной (пиковой) интенсивности гласного приводятся за пределами скобок, а средней — в круглых скобках;

8) в колонке «ЧОТ2» указаны данные по частоте основного тона гласного второго слога — в герцах с точностью до 1 Гц (см. комментарий ниже);

9) в последней колонке («инф.») указаны инициалы информантов, в произнесении которых были записаны фонетические слова, привлекаемые к анализу (полные данные об информантах приводятся в конце статьи); номер в круглых скобках после инициалов диктора обозначает порядковый номер произнесения при анализе.

Если частота основного тона значительно изменяется на протяжении произнесения гласного звука, то через дефис приводятся несколько числовых показателей (1); если же ЧОТ остается практически неизменной, приводится только средняя ЧОТ (2); в случае одновременного указания на (1) и (2) данные по средней ЧОТ приводятся в круглых скобках, а данные по динамике ЧОТ — за пределами скобок.

В формулах слоговых структур *С* обозначает любой согласный, а *У* — любой гласный звук; «мягкость» в фонологической транскрипции обозначается прямым апострофом с наклоном ('), а в фонетической — символом для обозначения палатализации [̑] в верхнем регистре.

Осциллограммы, спектрограммы, контуры (огигающие) интенсивности и контуры частоты основного тона (мелодические кривые) для рассматриваемых фонетических слов в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка в форме именительного падежа единственного (редко множественного) числа (NOM.SG / NOM.PL) представлены в *Приложении* в конце статьи. Все осциллограммы, спектрограммы,

⁴ Форманты — это резонансные максимумы передаточной функции речевого тракта. Они формируют фонетические различия между звуками.

контуры интенсивности и частоты основного тона снабжены указанием на порядковый номер слова, диалект, фонетическую и фонологическую транскрипции, произнесшего это слово информанта и номер конкретного произнесения: например, (1Г) Т гыдан. [láta] *lata* [СУГ: 1].

Ударение в производных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка

Различия по длительности ударного гласного (УГ) и безударного гласного (БГ) отражаются наиболее последовательно, когда эти звуки являются аллофонами одной и той же фонемы [Бондарко 1977; Кривнова 2004: 3]. Таким образом, анализ акустических характеристик ударения фонетических слов с однородным вокалическим составом — с одинаковыми гласными в первом (1С) и втором (2С) слогах, т. е. гласными, обладающими одинаковой ингерентной длительностью, — представляется наиболее показательным и наименее спорным, т. к. дает возможность опираться на оценку выраженности ударения по временному эталону: длительность любого безударного гласного меньше длительности «виртуального» ударного аллофона той же фонемы.

1. Акцентные характеристики фонетических слов с аллофонами гласной фонемы нижнего подъёма (а) в первом и втором слогах в гыданском диалекте

Нам кажется целесообразным начать анализ акцентных характеристик фонетических слов (ФС) с однородным вокалическим составом с имен, в которых как в первом, так и во втором слоге представлен аллофон гласной фонемы нижнего подъёма (а). Это связано с тем, что принцип оценки ударения по максимуму (т. е. когда ударный гласный выделен максимальной длительностью и наибольшей интенсивностью на фоне остальных гласных в фонетическом слове) зависит от фонемного качества ударного гласного: «чем ниже подъём гласного и, следовательно, больше его собственная длительность, тем реже принцип максимума нарушается» [Кривнова 2004: 6].

Таким образом, акустические корреляты ударения в ФС с вокалической слоговой структурой *a—a*⁵ представляются менее сложными для анализа, чем ФС с гласными верхнего и среднего подъёмов. Кроме того, в тундровом ненецком языке представлено значительное число производных имен с гласными *a* в первом и втором слогах, и их количество превышает количество ФС с одинаковыми гласными верхнего и среднего подъёмов в 1С и 2С.

1.1. В *Таблице 1* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах фонетических слов, где оба слога открытые, т. е. слоговой структуры *CaCa*, представленной подвидными: [CaCa] / [CaCe]⁶, [CaCa] / [CaCz]⁷, [CaCa] / [CaCe]⁸, [CaCa] / [CaCz]⁸, [CaCa] / [CaCe]⁸, [CaCa] / [CaCz]⁸ = [CaCe], — где 1) оба согласных твердые (слова 1Г, 2Г), 2) первый согласный твердый, а второй мягкий⁹ (3Г), 3) первый согласный мягкий, а второй твердый (4Г, 5Г), 4) оба согласных мягкие (6Г). Осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона (всего 23) произнесений этих фонетических слов см. в *Приложении*, (1Г)—(6Г). Как примеры слов данных слоговых структур ниже приводятся следующие имена.

[CaCa] / [CaCe]:

(1Г) *лата* I ‘доска; пол (в чуме)’, *лата* II ‘широкий, свободный, обширный; плоский’ [Терещенко 1965, 2008: 178], *lata* (N *a→ø*)¹⁰, LAQTA [Salminen 1998: 208], O, Sj., MB *lāṭṭṭ*, OP *lāṭṭṭ*, T₁, U, M *lāṭṭṭ*

⁵ Через длинное тире обозначается слоговая структура слова: буквенные символы перед тире обозначают гласные первого слога, а буквенные символы после тире — гласные второго слога.

⁶ Символом *e* здесь и далее обозначен ненапряженный, редуцированный [a].

⁷ Символом *z* (или *ʒ*) здесь и далее обозначен ненапряженный, редуцированный [a], продвинутый вверх и вперед (средне-нижнего подъёма, “open-mid”).

⁸ Точкой над гласным обозначено некоторое продвижение языка вперед при произнесении гласного после палатализованного или палатального («мягкого») согласного.

⁹ Под «мягкими» здесь и далее понимаются как палатализованные, так и палатальные согласные.

¹⁰ В круглых скобках приводится указание на морфонологическое чередование в форме аккумулятива множественного числа (ACC.PL) по [Salminen 1998].

‘breit; Brett; Fussboden, Diele’ <‘широкий; доска; пол’> [Lehtisalo 1956: 223a]; ср. Л *ла’та* ‘пол (в доме, чуме); деревянный настил нарты’ [Бармич, Вэлло 2002: 59, 241] (но: *ла’тку* ‘доска’ [Бармич, Вэлло 2002: 57]), *ла’та* ‘широкий, просторный, обширный’ [Бармич, Вэлло 2002: 56, 284], *lata*¹¹ ‘ширина’ [Попова 1978: 43], Lj., Nj. *rā’tt̥p̥ə* ‘Brett; Fussboden, Diele’ <‘доска; пол’> [Lehtisalo 1956: 223a];

(2Г) *хада* ‘бабушка; прабабушка; свекровь; невестка (жена старшего брата мужа); все женщины из рода отца и рода матери, старше их; бабушка (обращение к любой старой женщине)’ [Терещенко 1965, 2008: 714], *xada* (N *a→ə*), ХАТА¹ [Salminen 1998: 177], О, Оks. *χāδp̥*, Sj. *χāDp̥*, К, U, U-Ts. *χāδæ* ‘Grossmutter (z. B. Mutter der Mutter, Mutter des Vaters, ältere Schwester der Mutter u. a.)’ <‘бабушка (например, мать матери, мать отца, старшая сестра матери и т. д.)’> [Lehtisalo 1956: 175b]; ср. Л *kāta* ‘бабушка, прабабушка; свекровь; обращение к любой старой женщине; тетя (старшая сестра матери или отца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 45], *kāta* ‘бабушка’ [Попова 1978: 33], Lj. *kātt̥p̥ə* ‘Grossmutter, Mutter der Mutter, ältere Schwester der Mutter, Frau des älteren Bruders der Mutter, Mutter des Vaters, Frau des älteren Bruders des Vaters, ältere Schwester des Vaters, ältere Schwester des Mannes, Frau des älteren Bruders des Mannes, Mutter (vom Erwachsenen so genannt)’ <‘бабушка, мать матери, старшая сестра матери, жена старшего брата матери, мать отца, жена старшего брата отца, старшая сестра отца, старшая сестра мужа, жена старшего брата мужа, мать’> [Lehtisalo 1956: 175a—176b] < ПС **kātā* [Janhunen 1977: 62].

[CaCia] / [CaCj3] = [CaCjē]:

(3Г) *халя* ‘рыба’, ‘рыбный’ [Терещенко 1965, 2008: 729], *xalya* (N *ya→e*), ХАЛЯ [Salminen 1998: 232], О, Т₂, Т₇, Sj., Оks., U-Ts. *χāl’l’e*, К *χāl’l’e*, ОР *χāl’l’ə*, N *χāl’l’ə*¹² ‘Fisch’ <‘рыба’> [Lehtisalo 1956: 165b]; ср. Л *кәля* ‘рыба; рыбный’ [Бармич, Вэлло 2002: 41], *kāl’a* ‘рыба; рыбный’ [Попова 1978: 28], Lj., S, Ni., P₂ *kāl’l’əp̥*, Nj. *kār’r’əp̥* ‘Fisch’ <‘рыба’> [Lehtisalo 1956: 165b] < ПС **kālā* [Janhunen 1977: 59].

[CiaCa] / [CjāCa] / [CjāCē]:

(4Г) *няба* ‘мачеха; золовка, жена старшего брата (по отношению к младшим сестрам и братьям мужа); тетка, жена младшего брата отца; жена двоюродного брата (старше говорящего)’ [Терещенко 1965: 335—336], *nyaba* (N *a→ə*¹²), NYAPA [Salminen 1998: 172], О, Sj., К, U, U-Ts., MB *n’āB̥p̥*, Т₁, N *n’āB̥p̥* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders’ <‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата’> [Lehtisalo 1956: 309b]; ср. Л *ана* ‘старшая сестра; тетя (младшая сестра отца)’ [Бармич, Вэлло 2002: 10, 261, 271], *нара* ‘жена старшего брата’ [Попова 1978: 62], Lj. *n’āB̥p̥p̥ə*, P *n’āB̥p̥* ‘Stiefmutter, zweite Frau des Vaters, Frau des älteren Bruders; Frau des jüngeren Bruders der Mutter, Frau des Sohnes des älteren Bruders der Mutter’ <‘мачеха, вторая жена отца, жена старшего брата; жена младшего брата матери, жена сына старшего брата матери’> [Lehtisalo 1956: 309b] < ПС **āpā* [Janhunen 1977: 21];

(5Г) *няда* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)’ [Терещенко 1965, 2008: 337], *nyada* (N *a→ə*), NYATA [Salminen 1998: 177], О *n’āδp̥*, ОР *n’āδp̥* ‘Renntierflechte’ <‘ягель’> [Lehtisalo 1956: 310b]; ср. Л *нята* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей); мох’ [Бармич, Вэлло 2002: 90], *ната* ‘ягель (лишайник, служащий кормом для оленей)’ [Попова 1978: 62], Lj., Nj. *n’ātt̥p̥ə*, P *n’ātt̥p̥* ‘Renntierflechte’ <‘ягель’> [Lehtisalo 1956: 310b] < ПС **nācā* [Janhunen 1977: 105].

[CiaCia] / [CjāCjā] / [CjāCj3] = [CāCjē]:

(6Г) *яля* ‘день; свет, освещение’ [Терещенко 1965, 2008: 838], *yalya* (N *ya→e*), ЪАЛЯ [Salminen 1998: 232], О *jāl’l’e*, ОР, Т₁, Sj., U, Оks., MB, N *jāl’l’e*, Sjo. *jāl’l’əp̥* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [Lehtisalo 1956: 91b]; ср. Л *дяля* ‘день; свет, освещение; солнце’, ‘светлый, яркий; ясный’ [Бармич, Вэлло 2002: 35], *hal’a* ‘солнце; свет, день’ [Попова 1978: 11—12], Lj., S *jāl’l’əp̥*, P *jāl’l’əp̥*, Kis₂ *jāl’l’əp̥*, Ni. *jēl’l’əp̥*, Nj. *jār’r’əp̥* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [Lehtisalo 1956: 91b—92a] < ПС **jālā* [Janhunen 1977: 40].

Отдельно следует оговорить, что здесь мы не рассматриваем слово *нява* ‘заяц’ [Терещенко 1965: 336] (*nyawa* (N *a→ə*), NYAWA [Salminen 1998: 226, 492], О, Sj., К, U-Ts., М *n’āB̥p̥p̥* ‘Hase’ <‘заяц’> [Lehtisalo 1956: 300b]) < ПС **nāmā* [Janhunen 1977: 105—106], которое было приведено нами в статье [Амелина 2016а: 17—18] для ямальского диалекта (6Я), т. к. в гыданском диалекте оно не употребляется: в его значении — ‘заяц’ — в Т гыдан. используется только слово *təwas’i* букв. ‘бесхвостый’ (ср. *təwāsi* ‘бесхвостый, куций’, (вост.) ‘заяц’ [Терещенко 1965, 2008: 685] < *təwā* ‘хвост (животного)’ [Терещенко 1965, 2008: 684]; ср. *təwasyi* [Salminen 1998: 274, 518] < *təwa* [Salminen 1998: 226]).

¹¹ В издании [Попова 1978] ударение обозначается символом ‘ перед ударным слогом.

¹² Символ *ə* с подчеркиванием в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *ə* (ə), но, возможно, также с *a* [Salminen 1998: 18].

Таблица 1

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>)								
<i>CaCa</i> [CaCa] ([CaCɛ])								
1Г	<i>lata</i> [láta] ¹³ ‘доска, пол’ (433 мсек.)	81 (75%)	83,29 (81,69)	240-218 (230)	133 (123%)	85,87 (83,19)	279	СУГ (1)
	<i>lata</i> [láta] ‘доска, пол’ (457 мсек.)	102 (89%)	84,67 (82,74)	216-190 (206)	104 (91%)	87,88 (82,07)	265-245- 264-255 (254)	СУГ (2)
	<i>lata</i> [látɛ] ‘широкий’ (630 мсек.) ¹⁴	100 (63%)	84,88 (83,71)	206-223 (217)	93 [с глухим призв. — 215] (59%)	85,21 (81,97)	177-159- [без голоса]	СУГ (3)
	<i>lata</i> [látɛ] ‘широкий’ (695 мсек.) ¹⁵	109 (63%)	85,17 (83,95)	209-220-214 (215)	82 [с глухим призв. — 206] (47%)	81,65 (79,58)	162	СУГ (4)
2Г	<i>xada</i> [xáɖɛ] (575 мсек.)	181 (126%)	83,99 (82,71)	200	157 (109%)	83,05 (80,38)	220-232-197 (222)	СУГ (1)
	<i>xada</i> [xáɖɛ] (370 мсек.)	103 (111%)	83,98 (82,36)	198	65 (70%)	79,99 (78,09)	193-167 (174)	СУГ (2)
	<i>xada</i> [xáɖɛ] (477 мсек.)	99 (83%)	83,69 (83,08)	206-232 (221)	117 (98%)	82,67 (77,54)	232-201-173 (191)	СУГ (3)
	<i>xada</i> [xáɖɛ] (477 мсек.)	149 (125%)	85,07 (83,27)	160-197-185	119 (100%)	86,11 (82,75)	164-115	ЯГВ (1)
	<i>xada</i> [xáɖɛ] (487 мсек.)	164 (135%)	87,03 (83,17)	152-179-169 (170)	152 (125%)	83,87 (80,72)	154-132-118	ЯГВ (2)
	<i>xada</i> [xáɖɛ] (413 мсек.)	144 (139%)	82,61 (81,40)	200	95 (92%)	78,46 (76,46)	172	ВЗТ (1)
<i>CaC'a</i> [CaC'a] ([CaC'ɛ]=[CaC'ɛ])								
3Г	<i>xal'a</i> [xál'ɛ] ([xál'ɛ]) (475 мсек.)	115 (97%)	85,58 (82,43)	229-225-232 (228)	137 (115%)	83,23 (80,61)	194-146	ВЗТ (1)
	<i>xal'a</i> [xál'ɛ] ([xál'ɛ]) (515 мсек.)	123 (96%)	86,41 (82,05)	220-245	179 (139%)	83,11 (80,63)	205-139	ВЗТ (2)

¹³ Подстрочной дужкой здесь и далее обозначена апиальная («кончиковая») артикуляция смычного согласного.¹⁴ Указана длительность фонетического слова без глухого призвукa в абсолютном конце. Длительность фонетического слова с глухим призвукa в конце составляет 757 мсек. Относительная длительность сегментов рассчитывается с учетом общей длительности фонетического слова как 630 мсек.¹⁵ Указана длительность фонетического слова без глухого призвукa в абсолютном конце. Длительность фонетического слова с глухим призвукa в конце составляет 815 мсек. Относительная длительность сегментов рассчитывается с учетом общей длительности фонетического слова как 695 мсек.

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
	<i>xal'a</i> [xálʲɜ́] ([xálʲɛ̃]) (493 мсек.)	136 (110%)	86,38 (82,27)	227-261	150 (122%)	83,50 (81,11)	205-149	ВЗТ (3)
	<i>xal'a</i> [xálʲɜ́] ([xálʲɛ̃]) (422 мсек.)	117 (111%)	84,40 (83,09)	168-199	105 (100%)	83,72 (82,16)	164-132-109- [без голоса]	ЯГВ (1)
	<i>xal'a</i> [xálʲɜ́] ([xálʲɛ̃]) (433 мсек.)	128 (118%)	86,61 (82,65)	189-205-184 (198)	91 (84%)	83,83 (82,92)	157-115	ЯГВ (2)
C'aCa [C'aCa] ([C'aCa], [C'aCɛ̃])								
4Г	<i>n'aba</i> [n'ábɛ̃] (447 мсек.)	132 (118%)	79,76 (79,44)	187-201-190 (195)	83 (74%)	76,62 (73,49)	168-151 (158)	СУГ (1)
	<i>n'aba</i> [n'ábɛ̃] (430 мсек.)	140 (130%)	81,34 (80,31)	185-206-190 (197)	126 (117%)	79,29 (75,27)	185-154 (166)	СУГ (2)
	<i>n'aba</i> [n'ába] (547 мсек.)	142 (104%)	83,02 (81,59)	192-242	224 (164%)	80,38 (79,62)	228-154	СУГ (3)
	<i>n'aba</i> [n'ába] (473 мсек.)	116 (98%)	82,80 (81,96)	195-230	186 (157%)	81,49 (79,77)	209-155	СУГ (4)
5Г	<i>n'ada</i> [n'ádɛ̃] (440 мсек.)	131 (119%)	85,16 (84,48)	188	147 (134%)	82,84 (81,55)	189	ЛАЛ (1)
	<i>n'ada</i> [n'ádɛ̃] (415 мсек.)	114 (110%)	81,95 (81,36)	174	155 (149%)	82,44 (81,55)	183-189-156 (179)	ЛАЛ (2)
C'aC'a [C'aC'a] ([C'aC'a], [C'aC'ɜ́]=[C'aC'ɛ̃])								
6Г	<i>jal'a</i> [jálʲá] (640 мсек.)	189 (118%)	84,30 (81,75)	198	212 (133%)	83,71 (82,38)	188-193- 173-151 (184)	ЛАЛ (1)
	<i>jal'a</i> [jálʲá] (540 мсек.)	205 (152%)	83,77 (82,77)	207-188 (196)	162 (120%)	83,43 (81,95)	191	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах, можно отметить следующее.

Во многих из рассмотренных выше произнесений длительность гласного первого слога превышает длительность гласного второго слога: на 12—30 мсек. (на 10—25%) в произнесениях слов *lata* (произн. 4), *xada* (произн. 1) и *n'aba* (произн. 2) диктором СУГ и слов *xada* (произн. 1 и 2) и *xal'a* (произн. 1) диктором ЯГВ, а также примерно на 40—50 мсек. (на 32—47%) в произнесениях слов *xada* (диктор СУГ, произн. 2; диктор ВЗТ), *xal'a* (диктор ЯГВ, произн. 2), *n'aba* (диктор СУГ, произн. 1) и *jal'a* (диктор ЛАЛ, произн. 2).

Однако длительность аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге может и не превышать длительность гласного второго слога, что обусловлено открытостью второго слога перед паузой, позволяющей произнести гласный в абсолютном конце фонетического слова более длительно, т. к. его не ограничивает никакой согласный звук. В таких случаях гласные первого и второго слогов оказываются сопоставимы

по длительности, т. е. темпоральные различия не превышают дифференциального порога¹⁶: например, в произнесении слова *lata* (произн. 2) диктором СУГ.

При более протяжном произнесении открытого второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой длительность гласного второго слога может даже превышать длительность первого гласного: как незначительно, на 14—23 мсек. (на 15—22%), в произнесениях слов *xal'a* диктором ВЗТ (произн. 1 и 3), *xada* диктором СУГ (произн. 3), *n'ada* (произн. 1) и *jal'a* (произн. 1) диктором ЛАЛ, так и более значительно — примерно на 40—55 мсек., т. е. на 39—48% (*lata*, диктор СУГ, произн. 1; *xal'a*, диктор ВЗТ, произн. 2; *n'ada*, диктор ЛАЛ, произн. 2), и даже на 70—80 мсек. (примерно на 60%) в двух произнесениях слова *n'aba* информантом СУГ (произн. 3 и 4).

Числовые показатели максимальной (пиковой) и средней интенсивности аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге в большинстве рассмотренных случаев превосходят соответствующие показатели гласного второго слога. Так, максимальная интенсивность *a* первого слога превышает пиковую интенсивность второго гласного на 0,7—4 дБ в 15-ти произнесениях: *lata*, диктор СУГ, произн. 4; *xada*, диктор СУГ, произн. 1—3; *xada*, диктор ЯГВ, произн. 2; *xada*, диктор ВЗТ; *xal'a*, диктор ВЗТ, произн. 1—3; *xal'a*, диктор ЯГВ, произн. 1 и 2; *n'aba*, диктор СУГ, произн. 1—4; *n'ada*, диктор ЛАЛ, произн. 1. В этих случаях средняя интенсивность аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге превосходит среднюю интенсивность второго гласного на 1—6 дБ.

Однако редко встречаются также случаи, когда максимальная интенсивность гласного второго слога сопоставима с пиковой интенсивностью *a* первого слога (*jal'a*, диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2) или даже превышает ее на 0,3—3,2 дБ, но не более (особенно это заметно, когда второй гласный следует за глухим смычным взрывным *t*): *lata* в произнесении диктора СУГ (произн. 1—3), *xada* в произнесении ЯГВ (произн. 1) и *n'ada* в произнесении ЛАЛ (произн. 2). Средняя интенсивность гласного второго слога в таких случаях может быть количественно сопоставима со средней интенсивностью аллофона гласной фонемы *a* в первом слоге (*n'ada*, диктор ЛАЛ, произн. 2), меньше его средней интенсивности на 0,5—1,8 дБ (*lata*, диктор СУГ, произн. 2 и 3; *xada*, диктор ЯГВ, произн. 1; *jal'a*, диктор ЛАЛ, произн. 2) или больше ее примерно на 0,6—1,5 дБ (*lata*, диктор СУГ, произн. 1; *jal'a*, диктор ЛАЛ, произн. 1).

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного в произнесениях информанта СУГ составляет 0,3—2 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,4—5,8 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного. В произнесениях дикторов ЯГВ, ВЗТ и ЛАЛ наблюдается несколько иная картина: разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного в их произнесениях составляет примерно 0,6—4 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — примерно 0,9—3,3 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Из тональных особенностей следует отметить повышение частоты основного тона (на 10—25 Гц и даже на 30—50 Гц) на аллофоне гласной фонемы *a* в первом слоге, наблюдаемое в большинстве рассмотренных выше произнесений фонетических слов дикторами СУГ, ЯГВ и ВЗТ: *lata* (диктор СУГ, произн. 3 и 4), *xada* (диктор СУГ, произн. 3; диктор ЯГВ, произн. 1 и 2), *xal'a* (диктор ВЗТ, произн. 2 и 3; диктор ЯГВ, произн. 1 и 2) и *n'aba* (диктор СУГ, произн. 1—4). При этом частота основного тона понижается к концу произнесения этих фонетических слов (по сравнению с ЧОТ в начале их произнесения) на 50—90 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ЯГВ и даже на 100—110 Гц в идиолекте информанта ВЗТ. В тех произнесениях, где тон не повышается на аллофоне гласной фонемы *a* в первом слоге, понижение частоты основного тона к концу фонетических слов составляет 30—80 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ВЗТ и не превышает 50 Гц в идиолекте информанта ЛАЛ. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Из особенностей, свойственных конкретным информантам, можно отметить, что наиболее резкое и заметное падение частоты основного тона к концу произнесения фонетических слов характерно для диктора ВЗТ, а наименьшее — для диктора ЛАЛ. При этом диктор ЛАЛ не выделяет гласный первого слога тонально, в отличие от информантов СУГ, ЯГВ и ВЗТ. Отметим также меньшую частоту основного тона как в начале, так и в конце произнесения фонетических слов в речи диктора ЯГВ (по сравнению с информантами СУГ, ВЗТ и ЛАЛ); диктор ЯГВ имеет более низкий голос, чем другие опрошенные нами носители.

Для рассмотренных выше слов структуры *CaCa* характерно ударение на первом слоге. Акустически ми коррелятами словесного акцента являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и

¹⁶ Подробнее о дифференциальном пороге см. [Lehiste 1970; Кривнова 2004: 4].

большая интенсивность (как пиковая, так и средняя) ударного гласного по сравнению с безударным. Для речи конкретных носителей (дикторов СУГ, ЯГВ и ВЗТ) характерно также тональное выделение ударного гласного первого слога (повышение частоты основного тона на нем), которое можно считать дополнительным акустическим коррелятом ударения.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить некоторую «экономия» в использовании просодических средств при выделении ударного гласного первого слога, характерную для информанта ЛАЛ: в идиолекте ЛАЛ ударный гласный первого слога выделяется менее значительно экспираторно, чем в речи других носителей, и совсем не выделяется тонально (в отличие от идиолектов дикторов СУГ, ЯГВ и ВЗТ).

О том, что ударение в словах (1Г)—(6Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы аккузатива единственного числа (о том, что ударение не перетягивается на слог вправо в форме ACC.SG, подробно см. [Амелина 2016а: 10—13; Амелина 2016б: 9—10]): (1Г) [látəm(?)] (*lata-m*)¹⁷ ‘доска’-ACC.SG; (2Г) [xádəm(?)] (*xada-m*) ACC.SG; (3Г) [xálʒm(?)] / [xálʒəm(?)] (*xalya-m*) ACC.SG; (4Г) [nʲábəm(?)] (*nyaba-m*) ACC.SG; (5Г) [nʲádəm(?)] (*nyada-m*) ACC.SG; (6Г) [jálʒm(?)] / [jálʒəm(?)] (*yalya-m*) ACC.SG [СУГ, ЯГВ, ВЗТ, ЛАЛ].

В гыданском диалекте, помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие производные имена слоговой структуры *CáCa*, в которых также ударение падает на первый слог, например:

pápa [pápe], *nana* ‘младший брат или младшая сестра, племянник или племянница (сын или дочь старшего брата); все младшие родственники по отцовской линии (по отношению к говорящему)’ [Терещенко 1965, 2008: 445], *papa* (N *a*→*ø*), PAQPA [Salminen 1998: 200], O, T₁, U, Oks., U-Ts. *pāppp* ‘jüngerer Bruder, Sohn des älteren Bruders’ ‘младший брат, сын старшего брата’ [Lehtisalo 1956: 348a]; (ср. Л *pāpa* [p^əäpp^əu] ‘младший брат или младшая сестра; племянник; все младшие родственники со стороны отца по отношению к говорящему’ [Попова 1978: 94]¹⁸);

sáda [sáde], *cada* ‘лу́жа’ [Терещенко 1965, 2008: 521], *sada* (N *a*→*ø*), SATA [Salminen 1998: 177], O, T₄, T₅, Sj. *šāḍp*, OP, M *šāḍe* ‘Pfütze’ ‘лу́жа’ [Lehtisalo 1956: 407b]; ср. Л *xāta* [x^əä^hto] ‘лу́жа’ [Попова 1978: 138], S *χāttṗā* ‘nasses, nicht schwappendes Moor’ ‘болото, трясина’, P *χāttā* ‘1) Sumpfmoss (wird getrocknet und zerkleinert in die Wiege gelegt), 2) kleiner moosbewachsener Tümpel, Grube im Morast (kann wasserlos sein)’ ‘1) болотный мох (сушится, измельчается и кладется в колыбель), 2) небольшие лужи, влажные ямы, поросшие мхом’ [Lehtisalo 1956: 407b];

wáda [βáde], *vada* ‘слово (звуковое выражение понятия о предмете); слово (разговор, высказывание); слово, выступление, речь; слово (в противоположность делу); слово, мнение’, ‘язык, речь’ [Терещенко 1965, 2008: 30—31], *wada* (N *a*→*yi*), WATA¹ [Salminen 1998: 177], O, T₇, Sj., Oks., N *βāḍp*, OP *βāḍē* ‘Wort, Sprache’ ‘слово, язык (речь)’ [Lehtisalo 1956: 57a]; ср. Л *vāma* ‘слово; язык, речь; ответ’ [Бармич, Вэлло 2002: 13], *βā, tā* [βā^htā] ‘слово’ [Попова 1978: 145], Lj., S, Nj. *βāttṗā*, P *βāttṗ* ‘Wort, Sprache’ ‘слово, язык (речь)’ [Lehtisalo 1956: 57a] < ПС **wāḍcā* / **wāḍtā* (? **wāḍtā*) ‘Wort’ ‘слово’ [Janhunen 1977: 171] < дер. ПС **wāḍ-* ‘sprechen, versprechen’ ‘говорить, обещать’ [Janhunen 1977: 170].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в Таблице 2, где Д1, И1, ЧОТ1 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного первого слога соответственно, а Д2, И2, ЧОТ2 — длительность, интенсивность и частота основного тона гласного второго слога соответственно.

Таблица 2

<i>CáCa</i>		
[CáCa] / [CáCe], [CáCja] / [CáCʒ] = [CáCʒ], [CáCa] / [CáCa] / [CáCe], [CáCja] / [CáCʒ] / [CáCʒ] = [CáCʒ]		
[á], [ǎ] первого слога		[a], [e], [ʒ]=[ʒ] второго слога
Д1	>	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о большей длительности и большей интенсивности ударного гласного первого слога в рассмотренных выше словах структуры *CáCa* в гыданском диалекте подтверждается также данными,

¹⁷ В круглых скобках приводится запись в нотации Т. Салминена (по [Salminen 1998]).

¹⁸ Это слово зафиксировано для Л ненец. только в словаре Я. Н. Поповой [Попова 1977], но отсутствует в [Бармич, Вэлло 2002] и [Lehtisalo 1956].

зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров тазовского диалекта (Т), наиболее близкого к гыданскому: (1Г) Т₁ *lāitae* [Lehtisalo 1956: 223a]; (3Г) Т₂, Т₇ *χāl'l'e* [Lehtisalo 1956: 165b]; (4Г) Т₁ *n'āb̄p̄* [Lehtisalo 1956: 309b]; (6Г) Т₁ *jāl'l'e* [Lehtisalo 1956: 91b]¹⁹; ср. также Т₁ *pārpp̄* [Lehtisalo 1956: 348a]; Т₄, Т₅ *šād̄p̄* [Lehtisalo 1956: 407b]; Т₇ *βād̄p̄* [Lehtisalo 1956: 57a].

Таким образом, в словаре [Lehtisalo 1956] *á* первого слога в этих словах в говорах тазовского диалекта обозначается символами с диакритикой долготы над ними: *ā* (между твердыми согласными, *C_C*), *ā̄* (после твердого согласного перед мягким, *C_C'*), *ā̇* (после мягкого согласного перед твердым, *C'_C*) и *ā̈* (между мягкими согласными, *C'_C'*), — т. е. с указанием на долготу (длительность) этого гласного по сравнению с гласным второго слога. Гласный второго слога передается в этих словах в словаре [Lehtisalo 1956] как *p̄* или *æ* (после *īt* в говоре Т₁) после твердых согласных и как *e* (Т₁, Т₂, Т₇) после мягких, что дает нам право говорить о меньшей интенсивности и, следовательно, редукции гласного второго слога по сравнению с *á* первого слога не только в современном гыданском диалекте, но и в близком к нему тазовском диалекте времен записи Т. Лехтисало (а также о переходе [Cia#] > [Ciz#] > [Cie#] в безударной позиции).

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 16—22].)

1.2. В Таблице 3 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах фонетических слов слоговой структуры **CaCCa**, представленной подвидом [CaCCa] / [CaCCe], а также **CaC°Ca**, представленной подвидом [CaC°Ca] / [CaC°Ce]. Осциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона (всего 11) этих фонетических слов см. в Приложении, (7Г)—(10Г). Как примеры слов данной слоговой структуры ниже приводятся следующие имена.

[CaCCa] / [CaCCe], **CaCCa**:

(7Г) тарка ‘отросток; ответвление, разветвление; развилка’ [Терещенко 1965, 2008: 634], *tarka* (N *a→yi ~ →ø*), TARXA [Salminen 1998: 183, 517], O, Sj. *tārkk̄p̄*, OP *tārkk̄p̄*, M *tārkk̄æ* ‘Gabelung (z. B. am Baum, des Weges), Gabelholz (z. B. an den Hals des Renntiers gehängt), Gabel (der Russen beim Essen)’ ‘ответвление (ветка дерева, развилка дороги), деревянное разветвление (которое вешается на шею оленю), вилка’ [Lehtisalo 1956: 471b]; ср. Л *та́рка* ‘отросток, ветвь, ответвление’ [Бармич, Вэлло 2002: 122], *'talka* [tā'lk̄p̄]²⁰ ‘отросток’ [Попова 1978: 125], Lj. *tārčkk̄p̄*, Nj. *tarčkk̄p̄* ‘Holzgabel, die dem Fahrrenntier an den Hals gehängt wird (wenn es wild ist oder damit es nicht durchgeht)’ ‘деревянная вилка (деревянное разветвление), которая(-ое) вешается на шею оленю’ [Lehtisalo 1956: 471b] < ПСС **tārka ~ *cārka* [Janhunen 1977: 152];

(8Г) хамба ‘волна’ [Терещенко 1965, 2008: 730], *xampa* (N *a→ø*), XAMPA [Salminen 1998: 200, 530], O, Sj. *χāmp̄p̄*, Oks. *χāmb̄p̄* ‘Welle, Woge’ ‘волна’, N *χāmb̄æ*²¹ ‘die Wellen’ ‘волны’ [Lehtisalo 1956: 169]; ср. Л *ка́мпа* ‘волна’ [Бармич, Вэлло 2002: 42], *'kām.pa* ‘волна’ (с отмеченным просодическим выделением второго слога) [Попова 1978: 30] < ПСС **kāmp̄a* [Janhunen 1977: 59];

(9Г) жарка ‘большой, крупный, рослый; взрослый, старший; важный, значительный, великий’ [Терещенко 1965, 2008: 385—386], *ngarka*²¹ (N *a→i, ~ →ø*), NGARXA [Salminen 1998: 183], O, T₁, Sj. *ñārkk̄p̄*, OP *ñārkk̄p̄*, U, Oks., Sjo., N *ārkk̄p̄* ‘gross’ ‘большой’ (< O, OP, T₁, T₉, Sj. *ñār* ‘Grösse’ ‘размер’)) [Lehtisalo 1956: 16b]; ср. Л *жа́рка* ‘большой, крупный; рослый; взрослый; старший; могучий’ [Бармич, Вэлло 2002: 92], *'ñalka* ‘большой’ [Попова 1978: 71], S, Nj., Ni. *ñarčkk̄p̄* ‘gross’ ‘большой’ [Lehtisalo 1956: 16b] < ПС **ārka* (der. korr.) < ПС **ār̄* [Janhunen 1977: 19].

[CaC°Ca] / [CaC°Ce], **CaC°Ca**:

(10Г) найха ‘(зоол.) сырок; пелядь’ [Терещенко 1965, 2008: 435], *pay°xa* (N *a→i*), PAÿØXA [Salminen 1998: 227, 501], O *pā̄l̄x̄ā* ‘ein Lachs-fisch, russ. (рус.) сырок (Coregonus vimba)’, Sj. *pā̄l̄x̄ā*, K *pā̄l̄x̄p̄*, U, U-Ts. *pā̄l̄x̄æ* ‘пелядь (Coregonus peled)’ [Lehtisalo 1956: 344b—345a]; ср. Л *па́дья* ‘сырок (рыба)’ [Бармич, Вэлло 2002: 103], Lj. *pā̄d̄'d'eχ̄p̄*, S *pā̄jjeχ̄p̄*, P *pā̄d̄'d'eχ̄p̄* ‘ein Lachs-fisch, russ. (рус.) сырок (Coregonus vimba)’ [Lehtisalo 1956: 345a].

Здесь следует оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (10Г) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру **CaC°Ca** с особой фонемой ° во втором слоге: *pay°xa* (N *a→i*), PAÿØXA [Salminen 1998: 227, 501]. Что касается наших полевых материалов по гыдан-

¹⁹ Слова (2Г) и (5Г) не представлены в записи Т. Лехтисало для говоров тазовского диалекта.

²⁰ В издании [Попова 1978] символом *p̄* обозначен ненапряженный, редуцированный [a].

²¹ В записи Т. Салминена согласная фонема *ŋ* обозначается как диграф *ng*.

скому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух нами не было обнаружено гласного звука или призвука в консонантном сочетании [jx] в слове (10Г) [paɟxɐ] / [paɟyɐ], поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное, т. е. в одном ряду с другими фонетическими словами слоговой структуры [CaCCa] / [CaCCɐ].

Таблица 3

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>) <i>CaCCa</i> <i>[CaCCa]</i> (<i>[CaCCɐ]</i>)								
7Г	<i>tarka</i> [tárka] (470 мсек.)	108 (115%)	82,98 (82,65)	207	136 (145%)	83,54 (81,62)	211-153	ЛАЛ (1)
	<i>tarka</i> [tárkɐ] (440 мсек.)	122 (139%)	83,50 (82,64)	199	96 (109%)	83,44 (81,59)	200-177-154 (181)	ЛАЛ (2)
8Г	<i>xampa</i> [xámpɐ] (557 мсек.)	63 (57%)	85,32 (84,18)	234	92 (83%)	78,69 (75,09)	192-149	СУГ (1)
	<i>xampa</i> [xámpɐ] (390 мсек.)	73 (94%)	84,45 (81,91)	230-250	74 (95%)	76,26 (73,72)	187-149	СУГ (2)
	<i>xampa</i> [xámbɐ] (577 мсек.)	112 (97%)	85,05 (84,02)	160-188	121 (105%)	83,60 (82,64)	133-110-89	ЯГВ (1)
	<i>xampa</i> [xámbɐ] (557 мсек.)	116 (104%)	85,72 (84,92)	168-186-178 (180)	165 (148%)	84,40 (81,29)	145-101	ЯГВ (2)
9Г	<i>ɲarka</i> [ɲárkʰɐ] ²² (583 мсек.)	83 (71%)	84,23 (82,97)	215-232	80 [с глухим призв. — 226] (69%)	81,67 (79,91)	205-155	СУГ (1)
	<i>ɲarka</i> [ɲárka] (710 мсек.) ²³	120 (85%)	83,88 (83,25)	213-231	97 [с глухим призв. — 198] (68%)	81,52 (80,10)	204-158	СУГ (2)
	<i>ɲarka</i> [ɲárkʰɐ] (555 мсек.)	91 (82%)	84,28 (81,50)	195-211	90 (81%)	77,00 (74,96)	191-161	СУГ (3)
<i>[CaCʰCa]</i> (<i>[CaCʰɐ]</i>) // <i>CaC°Ca</i> (<i>CaC°ɐ</i>), по [Salminen 1998: 227, 501]								
10Г	<i>paɟ°xa</i> [páɟxɐ] ²⁴ (403 мсек.)	103 (128%)	85,36 (82,53)	220	115 (143%)	80,01 (77,17)	173-179-155 (168)	ВЗТ (1)
	<i>paɟ°xa</i> [páɟyɐ] (450 мсек.)	119 (132%)	85,84 (83,05)	214	122 (136%)	81,06 (79,43)	170-152-140 (159)	ВЗТ (2)

²² В таблице указана длительность произнесения фонетического слова без учета глухого призвука в абсолютном конце. Длительность ФС с учетом глухого призвука в абсолютном конце составляет примерно 730 мсек.

²³ В таблице указана длительность произнесения фонетического слова без учета глухого призвука в абсолютном конце. Длительность ФС с учетом глухого призвука в абсолютном конце составляет примерно 813 мсек.

²⁴ Относительная длительность гласных в двух рассмотренных произнесениях фонетического слова (10Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

Длительность *a* первого слога превышает длительность второго гласного всего в двух из рассмотренных выше случаев: на 26 и 23 мсек. (на 30% и 17%) в произнесениях слова *tarka* диктором ЛАЛ (произн. 2) и *ɣarka* диктором СУГ (произн. 2). В большинстве случаев длительность гласного *a* первого слога не превышает длительность второго гласного, что обусловлено закрытостью первого слога (позиция гласного между двумя согласными) и открытостью второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой, позволяющей произнести конечный гласный более длительно и протяжно. В таких случаях гласные первого и второго слогов оказываются сопоставимы по длительности (разница составляет менее 10 мсек., 1—8%, т. е. не превышает дифференциального порога), например: *xampa* (диктор СУГ, произн. 2; диктор ЯГВ, произн. 1), *ɣarka* (диктор СУГ, произн. 1 и 3) и *paj°xa* (диктор ВЗТ, произн. 2). При более протяжном произнесении открытого второго слога в абсолютном конце фонетического слова перед паузой длительность второго гласного может даже превышать длительность *a* первого слога (примерно на 12—50 мсек., примерно на 15—45%), например: *tarka* (диктор ЛАЛ, произн. 1), *xampa* (диктор СУГ, произн. 1; диктор ЯГВ, произн. 2), *paj°xa* (диктор ВЗТ, произн. 1).

Числовые показатели максимальной (пиковой) и средней интенсивности гласного *a* первого слога в абсолютном большинстве рассмотренных случаев превосходят соответствующие показатели гласного второго слога. Исключением являются только два произнесения слова *tarka* диктором ЛАЛ (произн. 1 и 2), где показатели пиковой интенсивности двух гласных оказываются количественно сопоставимы, при этом средняя интенсивность гласного *a* первого слога все же превосходит среднюю интенсивность второго гласного, хотя и не очень значительно — на 1 дБ; как уже было отмечено выше, для идиолекта информанта ЛАЛ не характерно значительное экспираторное выделение гласного первого слога. Во всех остальных случаях максимальная интенсивность первого *a* превышает пиковую интенсивность гласного второго слога примерно на 1,5—2,5 дБ (*xampa*, диктор ЯГВ, произн. 1 и 2; *ɣarka*, диктор СУГ, произн. 1 и 2), на 5—6,5 дБ (*xampa*, диктор СУГ, произн. 1; *paj°xa*, диктор ВЗТ, произн. 1 и 2) и даже на 7—8 дБ (*xampa*, диктор СУГ, произн. 2; *ɣarka*, диктор СУГ, произн. 3); в этих случаях средняя интенсивность *a* первого слога превосходит среднюю интенсивность второго *a* примерно на 1,5—3,5 дБ и даже на 5,5—9 дБ. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,3—2,8 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — обычно 1—3,6 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается немного быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного.

Из тональных особенностей следует отметить локальное повышение частоты основного тона (на 15—30 Гц) на гласном *a* первого слога, наблюдаемое в большинстве рассмотренных выше произнесений фонетических слов дикторами СУГ и ЯГВ: *xampa* (диктор СУГ, произн. 2; диктор ЯГВ, произн. 1 и 2) и *ɣarka* (диктор СУГ, произн. 1—3). При этом частота основного тона понижается к концу произнесения этих фонетических слов (по сравнению с ЧОТ в начале их произнесения) на 50—100 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ЯГВ. В тех произнесениях, где тон не повышается на гласном *a* первого слога, понижение частоты основного тона к концу фонетических слов составляет 65—80 Гц в идиолектах дикторов СУГ и ВЗТ и не превышает 50 Гц в идиолекте информанта ЛАЛ. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Из особенностей, свойственных конкретным информантам, можно отметить, что наименьшее падение частоты основного тона к концу произнесения фонетических слов характерно для идиолекта диктора ЛАЛ. При этом диктор ЛАЛ не выделяет гласный первого слога тонально, в отличие от информантов СУГ и ЯГВ. Отметим также меньшую частоту основного тона как в начале, так и в конце произнесения фонетических слов в речи диктора ЯГВ (по сравнению с информантами СУГ, ВЗТ и ЛАЛ); диктор ЯГВ имеет более низкий голос, чем другие опрошенные нами носители.

Для рассмотренных выше слов структуры [CaCCa] / [CaCCɐ] характерно ударение на гласном первого слога. Первым основным акустическим коррелятом словесного акцента является большая интенсивность (как пиковая, так и средняя), а вторым — большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Следует при этом отметить, что в словах структуры CaCa ([CaCa] / [CaCɐ], [CaCa] / [CaCɪ] = [CaCɪ], [CaCa] / [CaCɐ] / [CaCɐ], [CaCa] / [CaCɪ] / [CaCɪ] = [CaCɪ]) ударный гласный первого слога обычно заметнее выделен темпорально, чем в словах структуры [CaCCa] / [CaCCɐ], что связано с закрытостью первого слога (позицией первого гласного перед двумя согласными) во втором случае. Для речи конкретных носителей (дикторов СУГ и ЯГВ) характерно также тональное выделение ударного гласного первого слога (повышение частоты основного тона на нем), которое можно считать дополнительным акустическим коррелятом ударения.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить некоторую «экономичность» в использовании просодических средств при выделении ударного гласного первого слога, характерную для информанта ЛАЛ: в идиолекте ЛАЛ ударный гласный *a* первого слога выделяется менее

значительно экспираторно, чем в речи других носителей (особенно дикторов СУГ и ВЗТ), и совсем не выделяется тонально (в отличие от идиолектов СУГ и ЯГВ).

О том, что ударение в словах (7Г)—(10Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (7Г) [tárkəm(?)] (*tarka-m*) ACC.SG; (8Г) [xámpəm(?)] / [xámbəm(?)] (*xampa-m*) ACC.SG; (9Г) [nárkəm(?)] (*ngarka-m*) ACC.SG; (10Г) [pájxəm(?)] / [pájxəm(?)] (*pay°xa-m*) ACC.SG [СУГ, ЯГВ, ВЗТ, ЛАЛ].

В гыданском диалекте, помимо подробно рассмотренных нами выше, встречаются также другие непроизводные имена слоговой структуры [CáCCa] / [CáCCe], в которых также ударение падает на первый слог, например: *jábtá* [jábtə] / [jápte], *ябта* ‘тонкий, узкий; тонкий, высокий; тонкий, прямой, стройный; прямо стоящий, прямо держащийся; (перен.) скудный; бедный, бедненький (употребляется при выражении сожаления)’ [Терещенко 1965, 2008: 822], *yabta* (N *a*→*yi* (→*ø*)), ЁАРТА [Salminen 1998: 215].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных в произнесениях рассмотренных фонетических слов обобщены нами в Таблице 4.

Таблица 4

CáCCa, CáC°Ca [CáCCa] / [CáCCe], [CáC°Ca] / [CáC°Ce]		
[á] первого слога		[a], [e] второго слога
Д1	> (/ =)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о большей длительности и большей интенсивности ударного гласного первого слога в рассмотренных выше словах структур [CáCCa] / [CáCCe] и [CáC°Ca] / [CáC°Ce] в гыданском диалекте подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для говоров тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (9Г) Т₁ *nārkkp* [Lehtisalo 1956: 16b]; Т₃ *jāptae* [Lehtisalo 1956: 102a]. (К сожалению, слова (7Г), (8Г) и (10Г) не представлены в записи Т. Лехтисало для говоров тазовского диалекта, но зафиксированы для говоров другого восточного диалекта — ямальского: (7Г) О *tārkkp*, ОР *tārkkp* [Lehtisalo 1956: 471b]; О *xāmp* [Lehtisalo 1956: 169].)

Таким образом, в словаре [Lehtisalo 1956] *á* первого слога в этих словах в тазовском диалекте обозначается символом *ā* (между твердыми согласными, C_C) или *ā̃* (после мягкого согласного перед твердым, C' _C) с указанием на долготу (длительность) этого гласного по сравнению с гласным второго слога; гласный второго слога при этом передается как *p* (Т₁) или *æ* (Т₃, после *t*), что дает нам право говорить о меньшей интенсивности и, следовательно, редукации гласного второго слога (*a*) по сравнению с *á* первого слога не только в современном гыданском диалекте, но и в близком ему тазовском диалекте времен записи Т. Лехтисало.

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 22—27].)

1.3. В гыданском диалекте Т ненец. зафиксированы также слова слоговых структур [CaCiaC] / [CaCiaC] / [CeCiaC] (*CaCaC(°)*)²⁵ и [CaCaCC] / [CeCaCC] / [CəwāCC] = [CəwāCC]²⁶ (*CaCaCC(°)*). В Таблице 5 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *a* в первом и втором слогах следующих фонетических слов данной слоговой структуры (см. семь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и ЧОТ в Приложении, (11Г) и (12Г)):

(11Г) *паяр* (тайм.)²⁷ ‘прыщ, нарыв, чирей’ [Терещенко 1965, 2008: 455] (~ *naep* [Терещенко 1965, 2008: 434]), *payar* (N *r+o*), ПАҮАР [Salminen 1998: 345] ~ *payar°* (N *ø≡*), ПАҮАҮАҮ [Salminen 1998: 131] (~ *payer* (N *r+o*), ПАҮЕР [Salminen 1998: 350] ~ *payer°* (N *ø≡*), ПАҮЕРØ [Salminen 1998: 132, 501]), О, Sj., К *pājjer*²⁷, Т₁ *pājjer*²⁷, U-Ts. *pājjer* ‘Geschwür, Geschwulst’ <‘нарыв, опухоль’> [Lehtisalo 1956:

²⁵ Здесь в круглых скобках приводится запись слоговых структур в фонологической интерпретации Т. Салмина, по данным [Salminen 1998].

²⁶ Символом *e* (или *ë*) здесь и далее обозначен ненапряженный, редуцированный огубленный [a] (средне-нижнего подъема, “open-mid”).

²⁷ В словаре Н. М. Терещенко это слово снабжено пометой «тайм.», т. е. оно было зафиксировано в таймырском диалекте, однако, по нашим полевым данным, оно встречается не только в таймырском, но и в близком ему другом крайневосточном диалекте — рассматриваемом здесь нами гыданском.

344b)²⁸; ср. Л *pā'hel* 'нарыв, волдырь; родинка' [Попова 1978: 88], Лj. *pāḍ'd'ēr*, S *pajjēr*, Nj. *pājjjēr*, Р *pāḍ'd'ēr* 'Geschwulst; Geschwür' <'опухоль; нарыв'> [Lehtisalo 1956: 344b];

(12Г) *наванг* 'жировая пленка в брюшине упитанного животного' [Терещенко 1965, 2008: 281], *nawangk°* (N $\emptyset \equiv$), NAWANXØ [Salminen 1998: 72], ОР *ṇāḃḃāṇk°* 'Fett in den Eingeweiden' <'внутренний жир'> [Lehtisalo 1956: 282b]; ср. Л Lj., S *nāmmāk*, Kis. *nāmmāk°*, Р *nāmmāṇk* 'Fett in den Eingeweiden' <'внутренний жир'> [Lehtisalo 1956: 282b].

Как пример слова слоговой структуры [CaCiāC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC] (*CaCaC°*) мы рассматриваем здесь имя (11Г) [pajār] / [pejār]. Отметим, что это диалектный вариант слова, характерный для крайневосточных говоров: в словаре Н. М. Терещенко этот диалектный вариант снабжается пометой «тайм.» <таймырское> [Терещенко 1965, 2008: 455], однако, по нашим полевым данным, он характерен также для гыданского диалекта. В словаре Т. Салминена этот диалектный вариант также зафиксирован, при этом указаны две разных фонологических интерпретации этого слова — как двусложного (*payar* (N $r+o$), PAÿAR [Salminen 1998: 345]) и как трехсложного (*payar°* (N $\emptyset \equiv$), PAÿARØ [Salminen 1998: 131]). Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце слова (11Г), поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное, т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [CaCiāC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC] (при этом сонорный *r* в позиции конца слова часто оглушается).

В статье [Амелина 2016a] это имя не было рассмотрено нами для ямальского диалекта как слово с однородным вокалическим составом слоговой структуры [CaCiāC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC], т. к. в ямальском, как и в большинстве других (кроме крайневосточных) диалектов, оно представлено в варианте [pajer] / [pejer]: ср. *наер* [Терещенко 1965, 2008: 434]; *payer* (N $r+o$), PAÿER [Salminen 1998: 350] ~ *payer°* (N $\emptyset \equiv$), PAÿERØ [Salminen 1998: 132, 501]; О, Sj., К *pājjēr*²⁷, Тj. *pājjēr*²⁷, U-Ts. *pājjēr* [Lehtisalo 1956: 344b]. Отметим, что если в словарях Н. М. Терещенко и Т. Салминена приведены оба варианта (как структуры [CaCiāC] / [CaCiāC] / [CɛCiāC], так и [CaCiēC] / [CɛCiēC]), то в словаре Т. Лехтисало — только вариант с *e* во втором слоге (в том числе и для тазовского диалекта). К тому же, в [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта (близкого гыданскому) приводится вариант с гортанным смычным в абсолютном конце слова: Тj. *pājjēr*²⁷ [Lehtisalo 1956: 344b], — однако, по нашим полевым данным, по крайней мере в гыданском диалекте этот согласный звук в слове (11Г) не представлен.

Как пример слова слоговой структуры [CaCaCC] / [CɛCaCC] / [CɛwāCC]=[CɛwāCC] (*CaCaCC°*) мы рассматриваем здесь имя (12Г). Следует оговорить, что, по мнению Т. Салминена, слово (12Г) является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру *CaCaCC°*: *nawangk°* (N $\emptyset \equiv$), NAWANXØ [Salminen 1998: 72]. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце этого слова, поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное, т. е. как фонетическое слово слоговой структуры [CaCaCC] / [CɛCaCC] / [CɛwāCC]=[CɛwāCC]. Ср. также запись этого слова как двусложного в словарях Н. М. Терещенко и Т. Лехтисало: *наванг* [Терещенко 1965, 2008: 281]; ОР *ṇāḃḃāṇk°* [Lehtisalo 1956: 282b] (для ямальского диалекта).

Таблица 5

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>)								
[CaCiāC] ([CaCiāC], [CɛCiāC]) // <i>CaCaC</i> ~ <i>CaCaC°</i> , по [Salminen 1998: 131, 345]								
11Г	<i>pajar</i> (°) [pejār] ²⁹ (527 мсек.)	118 (112%)	83,66 (82,03)	237	165 (157%)	82,69 (82,09)	255-265- 223-201	ЛАЛ (1)
	<i>pajar</i> (°) [pejār] (540 мсек.)	120 (111%)	83,63 (83,29)	208	149 (138%)	83,09 (82,12)	222-156	ЛАЛ (2)
	<i>pajar</i> (°) [pejār] ³⁰ (575 сек.)	119 (103%)	86,35 (83,20)	226-209 (218)	206 (179%)	82,52 (81,71)	214-141	ЛАЛ (3)

²⁸ Гортанный смычный согласный в слове [Lehtisalo 1956] обозначается символом ²⁷.

²⁹ Относительная длительность гласных в пяти рассмотренных произнесениях фонетического слова (11Г) вычисляется с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести возможных фонем.

³⁰ В произн. 3 и 5 слова (11Г) диктором ЛАЛ конечный сонорный согласный [г] звучит без голоса. Глухость обозначена подстрочной диакритикой _̤ под символом для согласного звука.

	<i>pajar</i> ^(°) [pejár] (545 мсек.)	127 (117%)	85,56 (82,72)	201-206-189 (200)	153 (140%)	82,69 (81,20)	170-144 (154)	ЛАЛ (4)
	<i>pajar</i> ^(°) [pejár̥] (503 мсек.)	100 (99%)	84,25 (82,98)	199-184 (193)	160 (159%)	81,87 (80,66)	163-135 (148)	ЛАЛ (5)
слова с <i>a</i> в 1С и 2С (<i>a—a</i>) [CaCaCC] ([CɛCaCC], [CəCəCC]=[CɛCəCC]) ([CewəCC]=[CɛwəCC]) // CaCaCC°, по [Salminen 1998: 72]								
12Г	<i>nawajk</i> ^{°31} [nəβáj̥kʰ] ([nəβáj̥kʰ]) (695 мсек.)	90 (78%)	82,39 (81,66)	211-221 (217)	160 (138%)	82,32 (80,90)	219-166	СУГ (1)
	<i>nawajk</i> [°] [nəβáj̥kʰ] ([nəβáj̥kʰ]) (980 мсек.)	118 (72%)	81,66 (80,82)	198	167 (102%)	83,49 (82,16)	229-277-222	СУГ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам аллофонов гласной фонемы *a* в первом и втором слогах, можно отметить следующее.

Так как данные слова заканчиваются на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. Во всех рассмотренных выше произнесениях слов (11Г) и (12Г) дикторами ЛАЛ и СУГ длительность *a* второго слога превосходит длительность первого гласного примерно на 25—50 мсек. (на 23—45%) и даже примерно на 60—85 мсек. (на 60—76%). Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного *a* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных произнесениях составляет: (11Г) 1:1,4 [ЛАЛ: 1]; 1:1,2 [ЛАЛ: 2]; 1:1,7 [ЛАЛ: 3]; 1:1,2 [ЛАЛ: 4]; 1:1,6 [ЛАЛ: 5]; (12Г) 1:1,8 [СУГ: 1]; 1:1,4 [СУГ: 2], — т. е. обычно длительность гласного *a* второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,2—1,8 раза в произнесениях информантов ЛАЛ и СУГ.

В большинстве произнесений максимальная и средняя интенсивность гласного первого слога превышает интенсивность второго *a*, что связано также с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова более громко и экспираторно выделенно, чем его конец: максимальная — примерно на 0,5—2,5 дБ и даже на 3—4 дБ (слово (11Г), диктор ЛАЛ, произн. 3 и 4); средняя — обычно на 0,8—2,3 дБ. Также возможно произнесение данных фонетических слов с численно сопоставимой интенсивностью обоих гласных звуков: так, показатели по средней интенсивности первого и второго гласных сопоставимы в произн. 1 слова (11Г) диктором ЛАЛ (при разнице показателей по максимальной интенсивности менее 1 дБ), а показатели по пиковой интенсивности первого и второго гласных сопоставимы в произн. 1 слова (12Г) информантом СУГ (при разнице по средней интенсивности в 0,8 дБ). В идиолекте диктора СУГ возможен также вариант произнесения слова (12Г) с большей интенсивностью гласного *a* второго слога: так, пиковая интенсивность *a* второго слога превышает максимальную интенсивность первого *a* на 1,8 дБ, а средняя — на 1,3 дБ (слово (12Г), диктор СУГ, произн. 2).

При этом разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет примерно 0,3—1,5 дБ (и даже около 3 дБ в произнесениях диктора ЛАЛ), а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,6—1,5 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее и не значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного, а часто даже медленнее. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов дикторами ЛАЛ и СУГ в *Приложении*.

Можно отметить два разных способа тонального оформления данных фонетических слов. Тон может постепенно понижаться к концу фонетического слова — на 55—85 Гц (если сравнивать частоту основного тона в начале и в конце слова): слово (11Г) в произнесениях диктора ЛАЛ (произн. 3—5) и слово (12Г) в произнесении диктора СУГ (произн. 1). Также при более отчетливом произнесении возможно повышение частоты основного тона на гласном *a* второго слога по сравнению с ЧОТ на гласном первого

³¹ Относительная длительность гласных в двух рассмотренных произнесениях фонетического слова (12Г) вычитывается с учетом шести фонетических сегментов, а не семи фонем.

слога — на 15—25 Гц в речи ЛАЛ (слово (11Г), произн. 1 и 2) и даже на 80 Гц в идиолекте СУГ (слово (12Г), произн. 2); последующее понижение тона к концу фонетического слова составляет при этом 55—65 Гц в произнесениях обоих информантов (ЛАЛ и СУГ). См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов дикторами ЛАЛ и СУГ в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов слоговых структур $[CaC^i aC]$ / $[CaC^i \grave{a}C]$ / $[C\grave{e}C^i \grave{a}C]$ ($CaCaC(^{\circ})$) и $[CaCaCC]$ / $[C\grave{e}CaCC]$ / $[Cew^{\grave{a}}CC]=[C\grave{e}w^{\grave{a}}CC]$ ($CaCaCC(^{\circ})$) характерно ударение на гласном *a* второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь оказывается бо́льшая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом экспираторный параметр (параметр интенсивности) отходит на второй план и даже иногда перестает быть значимым при маркировании словесного ударения, что связано с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. Экспираторное и тональное выделение ударного гласного второго слога (повышение частоты основного тона на нем) можно считать дополнительными акустическими коррелятами ударения, реализующимися при отчетливом произнесении фонетических слов.

Отметим при этом, что, возможно, тональный параметр при маркировании ударения на гласном второго слога оказывается более значимым, чем при маркировании ударения на гласном первого слога (так, для диктора ЛАЛ ранее не отмечалось повышение тона на ударном гласном первого слога, но отмечается на ударном гласном второго слога), тогда как экспираторный параметр, наоборот, оказывается ослаблен. При отчетливом произнесении ударный гласный второго слога может быть маркирован в гыданском диалекте по всем трем просодическим параметрам (темпоральному, экспираторному и тональному), при менее отчетливом произнесении — по двум (темпоральному и тональному), при наименее отчетливом — по одному (темпоральному), т. е. в этом случае самым значимым является темпоральное маркирование ударного гласного, а наименее значимым — экспираторное.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить некоторую «экономия» в использовании просодических средств при выделении ударного гласного второго слога, характерную для информанта ЛАЛ (аналогичная «экономия» уже отмечалась для идиолекта этого диктора и при выделении ударного гласного первого слога): в идиолекте ЛАЛ ударный гласный *a* второго слога выделяется менее значительно тонально, чем в речи носителя СУГ, и обычно совсем не выделяется экспираторно.

О том, что ударение в словах (11Г) и (12Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (11Г) $[pej\acute{a}r^{\circ}m(^{\circ})]$ ($payar^{\circ}-m$) ACC.SG; (12Г) $[ne\beta\acute{a}ŋk^{\circ}m(^{\circ})]$ ($[ne\beta\acute{a}ŋk^{\circ}m(^{\circ})]$) / $[ne\beta\acute{a}ŋg^{\circ}m(^{\circ})]$ ($[ne\beta\acute{a}ŋg^{\circ}m(^{\circ})]$) ($nawang^{\circ}-m$) ACC.SG [ЛАЛ, СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 6*.

Таблица 6

$CaCaC(C)^{\circ}$ $[CaC^i \acute{a}C]$ / $[CaC^i \grave{a}C]$ / $[C\grave{e}C^i \acute{a}C]$ ($CaCaC(^{\circ})$), $[CaCaCC]$ / $[C\grave{e}CaCC]$ / $[Cew^{\grave{a}}CC]=[C\grave{e}w^{\grave{a}}CC]$ ($CaCaCC(^{\circ})$)		
$[a]$, $[e]$, $[e]=[e]$ первого слога		$[\acute{a}]$, $[\acute{a}]$, $[\acute{a}]$ второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> / = /) <	И2
ЧОТ1	> / <	ЧОТ2

Однако наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структур $[CaC^i \acute{a}C]$ / $[CaC^i \grave{a}C]$ / $[C\grave{e}C^i \acute{a}C]$ ($CaCaC(^{\circ})$) и $[CaCaCC]$ / $[C\grave{e}CaCC]$ / $[Cew^{\grave{a}}CC]=[C\grave{e}w^{\grave{a}}CC]$ ($CaCaCC(^{\circ})$) в гыданском диалекте не подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта (Т₇). Так, для слова (11Г) приводится фиксация Т₇ $p\acute{a}j\acute{j}er^{''\acute{a}}$ [Lehtisalo 1956: 344b] — с диакритикой долготы над первым гласным, а не вторым (ср., однако, запись с диакритиками долготы над обоими гласными для большеземельского и ямальского диалектов: О, S_j, К $p\acute{a}j\acute{j}er^{''\acute{a}}$ [Lehtisalo 1956: 344b]); к тому же, в этой фиксации мы наблюдаем диалектный вариант с неоднородным вокалическим составом, в отличие от варианта структуры $[CaC^i \acute{a}C]$ / $[CaC^i \grave{a}C]$ / $[C\grave{e}C^i \acute{a}C]$ ($CaCaC(^{\circ})$), который рассматривался нами выше для гыданского диалекта. Слово (12Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, но представлено для одного ямальского говора: ОР $n\grave{a}\beta\beta\grave{a}ŋk^{k\acute{x}}$ [Lehtisalo 1956: 282b]; здесь оба гласных обозначены одинаковыми символами ($\grave{a}$) без указания на их долготу.

О том, что в словах (11Г) и (12Г) ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салмином: (11Г) *payar*^o (N $\emptyset \equiv$), PAÿARØ [Salminen 1998: 131]; (12Г) *nawangk*^o (N $\emptyset \equiv$), NAWANXØ [Salminen 1998: 72]. По мнению Т. Салмина, слог, предшествующий слогу с фонемой / $\emptyset$ / (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350]. Таким образом, в системе Т. Салмина [a] второго слога в рассмотренных нами словах должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой / $\emptyset$ /, что согласуется с нашими полевыми данными.

(Ср. анализ слов данных слоговых структур в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 27—30].)

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основными акустическими коррелятами ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего подъема (слоговых структур *CáCa* и *CáCCa*, а также *CáC^oCa*), являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность) и бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного; тональная выделенность (повышение частоты основного тона) является при этом распространенным дополнительным акустическим коррелятом ударения. В словах с ударением на втором слоге (слоговых структур *CaCáC^o* и *CaCáCC^o*) параметр экспираторной выделенности отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного остается в таком случае доминирующим акустическим коррелятом словесного ударения, а экспираторное и тональное маркирование — второстепенными (дополнительными).

2. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными среднего подъема переднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

2.1. В Таблице 7. приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных [e] ([э])³² в первом и втором слогах фонетических слов, где оба слога открытые, т. е. имеющих слоговую структуру [CeCe] ([C^eeCe] / [C^eeC^ə]). Как примеры такой слоговой структуры нами были выбраны для анализа следующие слова (см. шесть осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в Приложении, (13Г) и (14Г)):

(13Г) *сехэ* ‘большой ком снега; твердый снег’ [Терещенко 1965, 2008: 550], *syexa* (N $a \rightarrow y\bar{i}$), SYEXA¹ [Salminen 1998: 227, 512], О *šëxè*, ОР *šixè*, Sj. *šexè* ‘harder Schnee’ ‘твердый снег’ [Lehtisalo 1956: 435b];

(14Г) *мехэ* ‘тот дальний, тот отдаленный (о месте или времени)’ [Терещенко 1965, 2008: 652], *tyexa*³³ (N $a \rightarrow \emptyset$), TYEXA [Salminen 1998: 227, 521], О *t^eexè*, ОР *tⁱxān*, Sj. *t^exè*, К *tⁱxī*, U, U-Ts. *t^exī* ‘jener dort’ ‘тот (дальний)’ [Lehtisalo 1956: 504a]; ср. Л *чахи* ‘тот, та, то (дальний)’ [Бармич, Вэлло 2002: 143], *tⁱxā* ‘тот дальний’ [Попова 1978: 132] < ПС der. corr. *tā(-) ~ *te(-) [Janhunen 1977: 152].

В первую очередь следует оговорить, что для этих слов Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного не как *e*, а как *a*: (13Г) *syexa* (N $a \rightarrow y\bar{i}$), SYEXA [Salminen 1998: 227, 512]; (14Г) *tyexa* (N $a \rightarrow \emptyset$), TYEXA [Salminen 1998: 227, 521]. Однако в гыданском диалекте (как и в ямальском, см. подробнее [Амелина 2016а: 30—31]) мы имеем дело с фонетическими последовательностями (13Г) [siexə] ([siexə]) / [siɛyɛ] ([siɛyɛ]) и (14Г) [t^eexə] ([t^eexə]) / [t^eeyɛ] ([t^eeyɛ]) с однородным вокалическим составом, а не [siexa] (вариант [siexa] характерен, например, для канинского диалекта тундрового ненецкого языка) и [t^eexa], что подтверждают в частности данные словарей: (13Г) *сехэ* [Терещенко 1965, 2008: 550] (ср. О *šëxè*, ОР *šixè*, Sj. *šexè* [Lehtisalo 1956: 435b]); (14Г) *мехэ* [Терещенко 1965, 2008: 652] (ср. О *t^eexè*, Sj. *tⁱxā* [Lehtisalo 1956: 504a]; ср. также Л ненец. *tⁱxā* [Попова 1978: 132]).

На фонетические последовательности (13Г) [siexə] ([siexə]) / [siɛyɛ] ([siɛyɛ]) и (14Г) [t^eexə] ([t^eexə]) / [t^eeyɛ] ([t^eeyɛ]) с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой форманты (F1) гласных: так, F1 гласного второго слога в произнесениях слов (13Г) и (14Г) дикторами ЛАЛ и СУГ оказывается меньше величин, характерных для *a*. Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением своего рода сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*, о которой см. подробнее [Амелина 2016а: 31], а также [Терещенко 1966: 378; Терещенко 1965, 2008: 864—865].

³² Символом $\bar{e}$ обозначен немного сдвинутый назад ненапряженный, редуцированный [e].

³³ Символ $\bar{a}$ с подчеркиванием в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *a*, но, возможно, также с $\emptyset$ [Salminen 1998: 18].

Таблица 7

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[e] в 1С и [e]/[э] во 2С ([e]—[e]/[э]) // (e—a), по [Salminen 1998: 227, 512, 521] [C'eCe] ([C'eCэ]) // CeCa (C'eCa), по [Salminen 1998: 227, 512, 521]								
13Г	(s'exa) [s'ɛyɔ] (525 мсек.)	114 (87%)	83,92 (82,87)	213-166	152 (116%)	79,93 (78,50)	155-162-138 (156)	ЛАЛ (1)
	(s'exa) [s'ɛyɔ] (545 мсек.)	110 (81%)	83,75 (82,74)	210-168	178 (131%)	82,68 (80,98)	152-167-144 (156)	ЛАЛ (2)
	(s'exa) [s'ɛxɔ] (455 мсек.)	58 (51%)	82,71 (80,61)	232-200	77 (68%)	71,73 (70,95)	[без голоса]- 201-176	СУГ (1)
	(s'exa) [s'ɛxɔ] (475 мсек.)	68 (57%)	82,78 (80,42)	236-220-204	81 (68%)	74,52 (72,10)	184-163 (172)	СУГ (2)
14Г	(t'exa) [t'ɛyɔ] (467 мсек.)	71 (61%)	81,46 (80,33)	269-277-268 (273)	211 (181%)	79,37 (74,73)	189-136	СУГ (1)
	(t'exa) [t'ɛxɔ] (375 мсек.)	69 (74%)	80,87 (79,94)	284-270-261 (277)	134 (143%)	75,60 (72,19)	170-178-147 (166)	СУГ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Длительность гласного второго слога, являющегося открытым и конечным, превышает длительность первого гласного как незначительно, примерно на 13—20 мсек., 11—17% (слово (13Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2), так и более значительно — примерно на 40—70 мсек., 29—69% (слово (13Г), диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2; слово (14Г), диктор СУГ, произн. 2), и даже на 140 мсек., т. е. на 120% (слово (14Г), диктор СУГ, произн. 1), что, однако, связано с протяжным произношением перед паузой. Во всех случаях длительность гласного конечного открытого слога оказывается больше длительности гласного [e] первого слога (ср. аналогичную ситуацию в ямальском диалекте [Амелина 2016а: 31]).

Следует, однако, отметить, что гласный второго слога, хоть и произносимый длительно, звучит со значительно меньшей интенсивностью, чем гласный [e] первого слога. Так, максимальная интенсивность гласного [e] первого слога превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога на 1—2 дБ (слово (13Г), диктор ЛАЛ, произн. 2; слово (14Г), диктор СУГ, произн. 1), на 4—5 дБ (слово (13Г), диктор ЛАЛ, произн. 1; слово (14Г), диктор СУГ, произн. 2) и даже на 8—11 дБ (слово (13Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2), а средняя интенсивность — примерно на 2—5,5 дБ и даже на 8—10 дБ. При этом в некоторых случаях наблюдается следующая закономерность: чем значительнее интенсивность гласного [e] первого слога превосходит интенсивность второго гласного, тем меньше длительность второго гласного превышает длительность первого. Разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет обычно 1—2,5 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — примерно 1,5—4,5 дБ (в речи СУГ однократно 0,8 дБ), что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается обычно быстрее, чем на протяжении произнесения первого гласного. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Что касается динамики частоты основного тона на протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов, то она обычно довольно резко (примерно на 25—50 Гц) падает на гласном [e] первого слога, после чего тон остается относительно ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова (условно движение тона можно изобразить как ___). Общее падение частоты основного тона (от начала до конца) на протяжении произнесений слова (13Г) (диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2; диктор СУГ, произн. 1 и 2) составляет 55—75 Гц, а слова (14Г) (диктор СУГ, произн. 1 и 2) — даже 140 Гц. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структуры [C'eCe] / [C'eCэ] (C'eCa) характерно ударение на гласном [e] первого слога. Основным акустическим коррелятом ударения при выделении гласного [e] первого

слога в данном случае в первую очередь оказывается большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Видимо, как дополнительный акустический коррелят ударения в этих фонетических словах можно рассматривать заметно понижающийся высокий тон на ударном гласном первого слога. На то, что словесное ударение маркирует гласный первого, а не второго слога указывает также и явление сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*, в результате которого гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого.

При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить большую экспираторную выделенность ударного гласного первого слога, т. е. большую редукцию безударного гласного второго слога, в идиолекте СУГ.

О том, что ударение в словах (13Г) и (14Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (13Г) [sʲéxɛm(?)] ([sʲéxɛm(?)] / [sʲéyɛm(?)] ([sʲéyɛm(?)]) (*syexa-m*) ACC.SG; (14Г) [tʲéxɛm(?)] ([tʲéxɛm(?)] / [tʲéyɛm(?)] ([tʲéyɛm(?)]) (*tyexa-m*) ACC.SG [СУГ, ЛАЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 8*.

Таблица 8

<i>C'éCa</i>		
[C'éCe] / [C'éCə], где второй согласный — <i>x</i>		
[é] первого слога		[e], [ə] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в гыданском диалекте ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структуры [C'éCe] / [C'éCə] (*C'éCa*) не выделен темпорально по сравнению с гласным открытого второго слога, не подтверждается напрямую данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956]: в этом издании для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, слова (13Г) и (14Г) не зафиксированы. Для говоров другого восточного диалекта — ямальского — эти слова в [Lehtisalo 1956] приводятся без диакритики долготы над символом, обозначающим первый гласный, и иногда даже с диакритикой долготы над символом для гласного второго слога (О ē) или с дифтонгом во втором слоге (ОР âp): О šëxē, ОР šëxē [Lehtisalo 1956: 435b]; О t'ëxē, ОР t'ixâp [Lehtisalo 1956: 504a]. Ср. также указание на долготу гласного второго слога (а не первого) в варианте слова (14Г) для большеземельского и малоземельского диалектов: Sj. t'ëxē, K t'ixī, U, U-Ts. t'exī [Lehtisalo 1956: 504a].

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 30—33].)

2.2. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются также слова слоговой структуры [CeCeC] (*CeCeC°*), представленной в том числе подвидами [C'eCeC] (*C'eCeC°*), где первый и третий согласные мягкие, а второй твердый (15Г, 16Г), и [C'eC'eC] (*C'eC'eC°*) (17Г), где все три согласных мягкие. В *Таблице 9* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в первом и втором слогах фонетических слов этой слоговой структуры. Как примеры слов такой слоговой структуры нами были выбраны для анализа следующие имена (см. семь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (15Г)—(17Г)):

(15Г) едэй ‘новый; молодой (недавно появившийся)’ [Терещенко 1965, 2008: 89], *yedey°* (N ø≡), YETEY(Ø) [Salminen 1998: 160, 539], О jēdāi, ОР jēdāēi, Т jēdāi, U jēdāi, N jēdēi ‘neu’ ‘новый’ [Lehtisalo 1956: 120a]; ср. Л *деты* ‘новый; свежий’ [Бармич, Вэлло 2002: 26, 226], *he'taj* ‘новый’ [Попова 1978: 21];

(16Г) ненэй ‘настоящий, подлинный; ненецкий’, ‘серебро; (зап.) деньги; серебряный’ [Терещенко 1965, 2008: 299, 300], *nyeney°* (N yø≡), NYENA→eY(Ø) [Salminen 1998: 161, 493], О n'ēññāi, ОР n'ēññāi, Oks. n'ēññāi, N n'āññāi, Sj. n'ēññāi ‘richtig, echt; Silber, Silbergeld’ ‘настоящий, действительный; серебро, серебряные деньги’ [Lehtisalo 1956: 317]; ср. Л *ненэй* ‘настоящий, подлинный; истинный’, ‘ненецкий’, ‘серебряный’ [Бармич, Вэлло 2002: 81], *he'naj* [ñennāi] ‘настоящий’ [Попова 1978: 65], Nj. n'ēññāi ‘richtig; Silber’ ‘настоящий; серебро’ [Lehtisalo 1956: 317a] < ПС *enāĵ (? ~ *enāĵlā) < der. ПС *enā- [Janhunen 1977: 23];

(17Г) сересь (~ *сересь'(н)*) ‘напильник’ [Терещенко 1965, 2008: 547], *syeryesy°* (N yø≡), SYERYESYØ [Salminen 1998: 156, 512] (~ *syeryesy°h* (N ng+yē³⁴), SYERYESYØNG [Salminen 1998: 264]),

³⁴ Символ *ē* с подчеркиванием в непервом слоге в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *e*, но, возможно, также с *i* [Salminen 1998: 18].

О, Sj. *šērēš* 'Feile' <'напильник') [Lehtisalo 1956: 438b]; ср. Л *шедеша* 'напильник' [Бармич, Вэлло 2002: 152], *še'lejš(аη)* 'подпилок' [Попова 1978: 117], S *šēlāš'ē*, Kis. *šēlāš'ē*, Nj. *šēr'ēš*, P *šēlān's* 'Feile' <'напильник') [Lehtisalo 1956: 438b].

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, все эти слова являются фонологически трехсложными, а не двусложными и имеют слоговую структуру *CeCeC°*: (15Г) *yedey°* (N *ø*≡) [Salminen 1998: 160, 539]; (16Г) *nyeney°* (N *yø*≡) [Salminen 1998: 161, 493]; (17Г) *syeryesy°* (N *yø*≡) [Salminen 1998: 156, 512] (ср. также трехсложную структуру когната слова (17Г) в лесном ненецком языке: Л *шедеша* [Бармич, Вэлло 2002: 152], *še'lejš(аη)* [Попова 1978: 117], S *šēlāš'ē*, Kis. *šēlāš'ē* [Lehtisalo 1956: 438b]). В словаре Н. М. Терещенко представлена интерпретация этих слов как фонетически двусложных: (15Г) *едэй* [Терещенко 1965, 2008: 89]; (16Г) *ненэй* [Терещенко 1965, 2008: 299, 300]; (17Г) *сересь* [Терещенко 1965, 2008: 547].

Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвука в абсолютном конце этих слов (а в слове (16Г) последний согласный *j* даже произносится без голоса), поэтому далее мы рассматриваем эти имена как фонетически двусложные.

Таблица 9

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
<i>e</i> в 1С и 2С (<i>e—e</i>) // (<i>e—e—°</i>), по [Salminen 1998: 160, 539; 493; 156, 512] [<i>CeCeC</i>] ([<i>CieCeCj</i>], [<i>CieCeCj</i>], [<i>CieCieCj</i>]) // <i>CeCeC°</i> (<i>C'eCeC°</i> , <i>C'eC'eC°</i>), по [Salminen 1998: 160, 539; 493; 156, 512]								
15Г	<i>jedej</i> ³⁵ [jedéj] (750 мсек.)	123 (82%)	83,59 (82,43)	226-239 (234)	248 (165%)	83,10 (81,12)	230-198	СУГ (1)
	<i>jedej°</i> [jedéj] (657 мсек.)	79 (60%)	82,50 (80,26)	223	283 (215%)	82,73 (81,87)	223-182 (202)	СУГ (2)
	<i>jedej°</i> [jédéj] ³⁶ (467 мсек.)	59 (63%)	74,10 (73,49)	93	121 (130%)	82,28 (81,53)	105-218- 236-227 (197)	СУГ (3)
16Г	<i>n'enej</i> ³⁷ [n'ēnēj ³⁸] (903 мсек.)	113 (63%)	83,41 (82,56)	222-208 (215)	176 (97%)	82,82 (80,90)	195-165	СУГ (1)
	<i>n'enej°</i> [n'ēnēj ³⁹] (555 мсек.)	84 (76%)	83,36 (82,65)	192	172 (155%)	82,83 (82,03)	193-167	СУГ (2)
17Г	<i>s'er'es</i> ⁴⁰ [s'eriésj] (1140 мсек.)	233 (102%)	83,22 (82,05)	255-228 (236)	298 (131%)	83,32 (81,31)	235-171	СУГ (1)
	<i>s'er'es°</i> [s'eriésj] (960 мсек.)	154 (80%)	83,84 (81,97)	237	249 (130%)	83,75 (81,82)	234-156	СУГ (2)

³⁵ Относительная длительность гласных звуков в слове (15Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

³⁶ Обращаем внимание на длительное произношение конечного [j].

³⁷ Относительная длительность гласных звуков в слове (16Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

³⁸ Обращаем внимание на фрикативный шум в абсолютном конце фонетического слова (16Г) в обоих произнесениях диктора СУГ.

³⁹ В таблице указана длительность фонетического слова без фрикативного шума в абсолютном конце. Длительность произнесения фонетического слова с учетом фрикативного шума составляет примерно 773 мсек.

⁴⁰ Относительная длительность гласных звуков в слове (17Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *e* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данные слова фонетически заканчиваются на согласный звук, определение длительности гласного второго слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. Во всех произнесениях этих фонетических слов диктором СУГ длительность гласного *e* второго слога превосходит длительность гласного первого слога: примерно на 60—95 мсек., т. е. примерно на 30—80% (слово (15Г), произн. 3; (16Г), произн. 1 и 2; (17Г), произн. 1 и 2), и даже на 125 мсек. (на 83%) и на 204 мсек. (155%) — слово (15Г), произн. 1 и 2. Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного *e* второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в рассмотренных произнесениях составляет: (15Г) 1:2 [СУГ: 1]; 1:3,6 [СУГ: 2]; 1:2,1 [СУГ: 3]; (16Г) 1:1,6 [СУГ: 1]; 1:2 [СУГ: 2]; (17Г) 1:1,3 [СУГ: 1]; 1:1,6 [СУГ: 2], — т. е. обычно длительность гласного *e* второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,3—2,1 раза, а иногда даже в 3,6 раза.

В некоторых произнесениях средняя интенсивность гласного *e* первого слога превышает среднюю интенсивность второго *e* примерно на 0,7—1,7 дБ (слово (15Г), произн. 1; (16Г), произн. 1 и 2; (17Г), произн. 1), что, однако, не является значительной разницей, учитывая тот факт, что начальный слог фонетического слова всегда произносится с большей громкостью и интенсивностью, чем конечный; максимальная интенсивность гласного *e* первого слога при этом либо количественно сопоставима с пиковой интенсивностью второго *e* (слово (17Г), произн. 1 и 2), либо незначительно превышает ее — примерно на 0,5 дБ (слово (15Г), произн. 1; (16Г), произн. 1 и 2). В меньшем количестве произнесений средняя интенсивность гласного *e* первого слога количественно уступает средней интенсивности второго *e*: как незначительно, примерно на 1,5 дБ (слово (15Г), произн. 2), так и намного заметнее — примерно на 8 дБ (слово (15Г), произн. 3). Следует указать при этом, что такое значительное экспираторное выделение (на 8 дБ) гласного *e* второго слога характерно для «расслабленного», «ненапряженного» (третьего) произнесения слова (15Г): так, средняя интенсивность начального слога не превышает в этом случае 74 дБ. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Частота основного тона в абсолютном большинстве произнесений постепенно понижается к концу фонетического слова — на 25—55 Гц и даже на 80 Гц. Повышение частоты основного тона на втором слоге зафиксировано только для «ненапряженного» (третьего) произнесения слова (15Г), в котором гласный первого слога произносится с очень низким тоном (не более 100 Гц). См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структуры [CeCeC] / [CieCeC] / [C^ěCeC] / [C^ěCieC] (CeCeC°) характерно ударение на гласном *e* второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь оказывается большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом экспираторный параметр (большая интенсивность ударного гласного второго слога) и тональный параметр (повышение частоты основного тона на ударном гласном второго слога) отходят на второй план, что связано в том числе с общей речевой тенденцией произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и более высоким тоном, чем его конец. Оба этих параметра можно считать дополнительными, второстепенными акустическими коррелятами ударения.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 10*.

Таблица 10

CeCeC°		
[CeCéC] / [CieCéC] / [C ^ě CéC] / [C ^ě CieC]		
[e], [ě] первого слога		[é] второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> / = / <	И2
ЧОТ1	> / <	ЧОТ2

Однако наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренных выше словах структуры [CeCéC] (CeCéC°) в гыданском диалекте не подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956]. В словаре Т. Лехтисало приведена запись слова (15Г) для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: T₁ jēðài [Lehtisalo 1956: 120a], — где с помощью диакритики отмечена долгота первого, а не второго гласного, а над вторым гласным находится диакритика

гравис, которая может обозначать иное просодическое выделение этого гласного. В словаре Т. Лехтисало отсутствует запись слов (16Г) и (17Г) для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, но приведена диалектная форма этих слов, свойственная ямальским говорам: (16Г) О *n'èññàì*, ОР *n'èññàj* [Lehtisalo 1956: 317]; (17Г) О *šērēš* [Lehtisalo 1956: 438b]. Мы видим, что для слова (16Г) в ямальских говорах оба гласных обозначены символами без диакритики долготы⁴¹, а для слова (17Г) — с диакритикой долготы (*ē*).

Однако о том, что в этих словах ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этих имен, сделанная Т. Салминеном: (15Г) *yedey*^o (N *ø*≡) [Salminen 1998: 160, 539]; (16Г) *nyeney*^o (N *yø*≡) [Salminen 1998: 161, 493]; (17Г) *syeryesy*^o (N *yø*≡) [Salminen 1998: 156, 512]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой /*ø*/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359].

(Ср. анализ слов данной слоговой структуры в ямальском диалекте в [Амелина 2016а: 34—36].)

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным гласными среднего подъема переднего ряда (слоговой структуры [C^éCe] / [C^éCə], C^éCa), является бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а возможным факкультативным — тональная выделенность. В словах с ударением на втором слоге (слоговой структуры CeC^éC^o) параметр экспираторной выделенности, наоборот, отходит на второй план в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное маркирование ударного гласного оказывается в этом случае основным акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторное и тональное маркирование — второстепенными (дополнительными).

3. Акцентные характеристики фонетических слов с гласными среднего подъема заднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

3.1. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются слова следующих слоговых структур: 1) [CoCo] / [CoCə]⁴² / [CoCə]⁴³ (CoCa), где оба согласных твердые (18Г и 19Г), 2) [C^oCo] / [C^oCə]⁴⁴ (C^oCa), где первый согласный мягкий, а второй твердый (20Г) и 3) [CoC^o] / [CoC^o]⁴⁵ (CoC^o), где первый согласный твердый, а второй мягкий (21Г). В Таблице 11 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных в первом и втором слогах таких фонетических слов. Как примеры слов этих слоговых структур нами были выбраны для анализа имена (18Г)—(20Г) с неисконно однородным вокалическим составом (см. подробнее ниже) и (21Г) с исконно однородным вокалическим составом (см. 11 осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в Приложении, (18Г)—(21Г)):

(18Г) нохо ‘песец’ [Терещенко 1965, 2008: 317], *ноха* (N *a→yi*), NOXA [Salminen 1998: 227], О, Т₁, U, Oks. *noχō*, Sj., U-Ts. *nōχō*, K, M *nōχō* ‘Polarfuchs, Eisfuchs’ ‘песец’ [Lehtisalo 1956: 289b—290a]; ср. Л *нохо* ‘песец’ [Бармич, Вэлло 2002: 84], *но'хо* ‘песец’ [Попова 1978: 68], Lj., Nj. *noχpā*, P *noχōv* ‘Polarfuchs, Eisfuchs’ ‘песец’ [Lehtisalo 1956: 290a] < ПС **nokā* [Janhunen 1977: 84];

(19Г) сохо ‘высокая остроконечная сопка с широким основанием’ [Терещенко 1965, 2008: 567], *soxa* (N *a→yi*, ~ *→ø*), SOXA [Salminen 1998: 227, 510], ОР *soχō* ‘hoher, runder, spitz zulaufender Erdhügel’ ‘высокая остроконечная сопка’ [Lehtisalo 1956: 415a]; ср. Л *šo'xo* [šqxō] ‘гора’ [Попова 1978: 122], Lj. *χōχāā*, Kis. *χōχp*, Nj. *χōχpā*, P *soχop* ‘hoher, runder, spitz zulaufender Erdhügel’ ‘высокая остроконечная сопка’ [Lehtisalo 1956: 415a] < ПС **sok* (~ **sokā*, ? **sokā*) [Janhunen 1977: 143];

(20Г) нёхо ‘пот’ [Терещенко 1965, 2008: 308], *nyoxa* (N *a→yi*⁴⁶), NYOXA [Salminen 1998: 227]; ср. Л *нёхо* ‘пот’ [Бармич, Вэлло 2002: 82, 245], *'нохо* ‘пот’ [Попова 1978: 68] < ПС **nōjkā* ~ **nūjkā* (? **nōjkā* (~ **nōjkā*) ~ **nūjkā* (~ **nūjkā*)) [Janhunen 1977: 103];

⁴¹ Ср., однако, обозначение второго гласного как дифтонга, т. е. как долгого по существу, в записи этого слова для западных диалектов — канинского и малоземельского: Oks. *n'èññāēi*, N *n'āññāēi* [Lehtisalo 1956: 317].

⁴² Символом *ə* обозначен «о-открытый», лабиализованный звук средне-нижнего подъема (open-mid) заднего ряда.

⁴³ Символом *ɔ* обозначен лабиализованный звук более нижнего подъема (более открытый), чем *ə*.

⁴⁴ Точкой над *o* обозначена продвинутость гласного [o] вперед после «мягкого» согласного.

⁴⁵ Символом *ø* обозначен лабиализованный ненапряженный, редуцированный гласный звук.

⁴⁶ Символ *i* с подчеркиванием в позиции конца слова в издании [Salminen 1998] обозначает, что, скорее всего, мы имеем дело с *i*, но, возможно, также с последовательностью *i^o* [Salminen 1998: 18].

(21Г) *морё* ‘жар, горячие угли’ [Терещенко 1965, 2008: 259], *moryo* (N *yo*→*yi*), MORØ¹→*yO* [Salminen 1998: 312], О *mōr'ù*, Т₇ *mōr'ò*, Sj., К *mōr'ò* ‘Feuerbrand’ ‘головня’ [Lehtisalo 1956: 262a]; ср. Л *mōl'u* [m⁵⁰l'u] ‘жар’ [Попова 1978: 56]⁴⁷.

В первую очередь следует оговорить, что для слов (18Г)—(20Г), как аналогично для имен (13Г) и (14Г), разобранных подробно выше, и ряда других подобных, Т. Салминен избирает фонологическую интерпретацию конечного гласного как *a*: (18Г) *ноха* (N *a*→*yi*), NOXA [Salminen 1998: 227]; (19Г) *соха* (N *a*→*yi*, ~ →*ø*), SOXA [Salminen 1998: 227, 510]; (20Г) *нюха* (N *a*→*yi*), NYOXA [Salminen 1998: 227], — на что указывает в частности отмеченное типичное чередование *a* / *i* (N *a*→*yi*). Ср. также гласный **ā* во втором слоге этих слов в прасамодийской реконструкции Ю. Янхунена: (18Г) ПС **nokā* [Janhunen 1977: 84]; (19Г) ПС **sok* (~ **sokā*, ? **sokā*) [Janhunen 1977: 143]; (20Г) ПС **nōjkā* ~ **nūjkā* (? **nōjkā* (~ **nōjkā*) ~ **nūjkā* (~ **nūjkā*)) [Janhunen 1977: 103].

Однако в гыданском диалекте, как и в ямальском, мы имеем дело с фонетическими последовательностями [нохо] ([noχɔ]) / [ноуо] ([noyɔ]), [сохо] ([soχɔ]) / [соуо] ([soyɔ]) и [н'охо] ([n'ɔχɔ]) / [н'оуо] ([n'ɔyɔ]) с однородным вокалическим составом, а не [поха] / [поуа], [соха] / [соуа] и [н'оха] / [н'оуа], что подтверждают в частности данные словарей Н. М. Терещенко и Т. Лехтисало: (18Г) *нохо* [Терещенко 1965, 2008: 317], Т₁ *нохò* (ср. также О, U, Oks. *нохò*, Sj., U-Ts. *нохò*, К, М *нохò*) [Lehtisalo 1956: 289b—290a]; (19Г) *сохо* [Терещенко 1965, 2008: 567] (ср. ОР *soxò* [Lehtisalo 1956: 415a]); (20Г) *н'ехо* [Терещенко 1965, 2008: 308].

На фонетические последовательности [нохо] ([noχɔ]) / [ноуо] ([noyɔ]) и [н'охо] ([n'ɔχɔ]) / [н'оуо] ([n'ɔyɔ]) с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте указывают также средние данные по числовым значениям первой форманты (F1) гласных. Так, средняя величина F1 гласных второго слога в произнесениях диктора ЛАЛ (18Г и 20Г) составляет примерно 520 Гц, что не превышает F1 гласных первого слога и однозначно соответствует «открытому о» (ɔ), а не *a* (F1 которого обычно составляет в среднем около 850 Гц). Таким образом, здесь мы имеем дело с проявлением своего рода сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *χ* (см. подробнее выше).

Таблица 11

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[o]/[ɔ] в 1С и [o]/[ɔ]/[ɐ] во 2С ([o]/[ɔ]—[o]/[ɔ]/[ɐ]) // (o—a), по [Salminen 1998: 227] [CoCo], [CoCɔ], [CoCɐ], [CɔCo], [CɔCɔ] // CoCa (CoCa, C'oCa), по [Salminen 1998: 227]								
18Г	(<i>ноха</i>) [n'ɔχɔ] (457 мсек.)	106 (93%)	84,76 (83,75)	231-238-209	195 (171%)	85,12 (81,62)	189-200-162 (189)	ЛАЛ (1)
	(<i>ноха</i>) [n'ɔyɔ] (550 мсек.)	131 (95%)	84,31 (83,26)	209-180	228 (166%)	84,21 (81,16)	179-186-156 (179)	ЛАЛ (2)
	(<i>ноха</i>) [n'ɔχɔ] (433 мсек.)	87 (80%)	83,39 (82,61)	216-191	202 (187%)	84,03 (82,14)	181-195-152 (183)	ЛАЛ (3)
19Г	(<i>соха</i>) [s'ɔχɔ] (510 мсек.)	94 (74%)	85,22 (82,27)	197-160	123 (96%)	79,23 (76,52)	120-92 (102)	ЯНХ (1)
	(<i>соха</i>) [s'ɔyɔ] (460 мсек.)	99 (86%)	82,83 (81,88)	132-112 (126)	124 (108%)	76,40 (73,11)	98	ЯНХ (2)
20Г	(<i>н'оха</i>) [n'ɔχɔ] (570 мсек.)	130 (91%)	83,19 (82,26)	221-178	203 (142%)	79,79 (78,49)	154	ЛАЛ (1)
	(<i>н'оха</i>) [n'ɔyɔ] (470 мсек.)	148 (126%)	83,49 (82,92)	202-159	158 (134%)	79,95 (78,19)	154	ЛАЛ (2)
	(<i>н'оха</i>) [n'ɔχɔ] (570 мсек.)	160 (112%)	83,21 (82,65)	225-232-186	194 (136%)	83,79 (79,46)	195-151 (162)	ЛАЛ (3)

⁴⁷ Это слово не зафиксировано в словаре [Бармич, Вэлло 2002].

o в 1С и 2С ($o—o$) <i>CoCo</i> (<i>CoC'o</i>) <i>[CoC'io]</i> , <i>[CoC'ie]</i>								
21Г	<i>mor'o</i> [mõr'ie] ⁴⁸ (525 мсек.)	131 (100%)	83,58 (83,07)	183-159	173 (132%)	78,00 (74,93)	146	СУГ (1)
	<i>mor'o</i> [mõr'ie] (587 мсек.)	164 (112%)	83,32 (81,90)	179-155 (165)	208 (142%)	77,46 (72,49)	146	СУГ (2)
	<i>mor'o</i> [mõr'ie] (583 мсек.)	196 (134%)	82,61 (80,64)	167-146 (156)	178 (122%)	72,93 (71,92)	157-134-139 (145)	СУГ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В большинстве случаев длительность гласного второго слога, являющегося открытым и конечным, превышает длительность первого гласного как незначительно, на 10—45 мсек., т. е. на 8—32% (слово (19Г), диктор ЯНХ, произн. 1 и 2; (20Г), диктор ЛАЛ, произн. 2 и 3; (21Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2), так и более значительно — примерно на 70—115 мсек., т. е. на 51—107% (слово (18Г), диктор ЛАЛ, произн. 1—3; (20Г), диктор ЛАЛ, произн. 1). Только в третьем произнесении слова (21Г) *mor'o* информантом СУГ длительность первого гласного оказывается больше длительности второго гласного на 18 мсек. (12%).

Следует, однако, отметить, что гласный второго слога, хоть и произносимый длительно, обычно звучит с меньшей интенсивностью, чем гласный *o* первого слога. Так, средняя интенсивность гласного *o* первого слога во всех произнесениях превышает среднюю интенсивность гласного второго слога: примерно на 0,5—2 дБ (слово (18Г), произн. 1—3) и на 3—4,7 дБ (слово (20Г), произн. 1—3) в произнесениях диктора ЛАЛ, примерно на 6 и 9 дБ в произнесениях диктора ЯНХ (слово (19Г), произн. 1 и 2) и на 8—9,5 дБ в речи информанта СУГ (слово (21Г), произн. 1—3). При этом максимальная интенсивность гласного *o* первого слога в большинстве произнесений превышает пиковую интенсивность гласного второго слога: примерно на 3,5 дБ в произнесениях диктора ЛАЛ (слово (20Г), произн. 1 и 2), на 5,5—6,5 дБ в произнесениях информантов ЯНХ и СУГ (слово (19Г), диктор ЯНХ, произн. 1 и 2; (21Г), диктор СУГ, произн. 1 и 2) и даже более чем на 9,5 дБ в третьем произнесении слова (21Г) *mor'o* информантом СУГ. Также в *Таблице 11* зафиксировано четыре произнесения, в которых максимальная интенсивность гласного второго слога либо численно сопоставима с пиковой интенсивностью гласного *o* первого слога (слово (18Г), диктор ЛАЛ, произн. 1 и 2), либо превосходит ее, правда, совсем незначительно — не более чем на 0,6 дБ (слово (18Г), диктор ЛАЛ, произн. 3; (20Г), диктор ЛАЛ, произн. 3).

При этом можно отметить следующую закономерную тенденцию: чем значительнее интенсивность гласного *o* первого слога превосходит интенсивность второго гласного, тем меньше длительность второго гласного превышает длительность первого. Разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет при этом примерно 0,5—3 дБ, а между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 1—5 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается быстрее и значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного. См. контуры интенсивности произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Что касается динамики частоты основного тона на протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов, то она часто повышается на гласном *o* первого слога и сразу же начинает резко понижаться на нем, после чего тон остается относительно ровным, равномерно понижаясь к концу фонетического слова. Общее понижение тона от начала к концу произнесения фонетических слов составляет обычно 30—80 Гц, а в одном произнесении диктора ЯНХ (слово (19Г), произн. 1) — даже 100 Гц. Для идиолекта диктора ЛАЛ характерно озвончение [x] > [y] в интервокальной позиции. См. контуры частоты основного тона произнесений данных фонетических слов в *Приложении*.

Для рассмотренных выше слов структур *[CoCo]* / *[CoCə]* / *[CoCə]* (*CoCa*), *[CioCo]* / *[CioCo]* / *[CioCə]* (*C'oCa*) и *[CoCio]* / *[CoCie]* (*CoC'o*) характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается бо́льшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. Видимо, как дополнительные акустические корреляты ударения в этих фонетиче-

⁴⁸ Символом «тильда» (˜) обозначена назализация гласного звука.

ских словах можно рассматривать высокий тон на ударном гласном первого слога и его темпоральное выделение (не перед *x*). На то, что словесный акцент маркирует гласный первого, а не второго слога в словах (18Г)—(20Г) указывает также и явление сингармонизма (прогрессивной дистантной ассимиляции) гласных после *x*, в результате которого гласный второго слога «подстраивается» под гласный первого. При этом из особенностей произношения конкретных дикторов можно отметить большую экспираторную выделенность ударного гласного первого слога, т. е. большую редукцию безударного гласного второго слога, в идиолектах информантов ЯНХ и СУГ по сравнению с идиолектом ЛАЛ.

О том, что ударение в словах (18Г)—(21Г) падает на первый слог, а не на второй, свидетельствуют также формы винительного падежа единственного числа: (18Г) [nóxom(?)] ([nóxəm(?)]) / [nóyom(?)] ([nóyəm(?)]) (*noxa-m*) ACC.SG; (19Г) [sóxom(?)] ([sóxəm(?)]) / [sóyom(?)] ([sóyəm(?)]) (*soxa-m*) ACC.SG; (20Г) [níxom(?)] ([níxəm(?)]) / [níyom(?)] ([níyəm(?)]) (*nyoxa-m*) ACC.SG; (21Г) [mórɛm(?)] / [mórɛm(?)] (*moryo-m*) ACC.SG [ЛАЛ, ЯНХ, СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных произнесений разобранных фонетических слов обобщены нами в *Таблице 12*.

Таблица 12

CóCa, C'óCa, где второй согласный — <i>x</i> (Cóxa, C'óxa) [CóCo] / [CóCɔ] / [CóCɒ] ([Cóxo] / [Cóxɔ] / [Cóxɒ]), [C'óCo] / [C'óCɔ] / [C'óCɒ] ([C'óxo] / [C'óxɔ] / [C'óxɒ])		
[ó], [ɔ] первого слога		[o], [ɔ] ([ɒ]) второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2
CóC'o, где второй согласный — не <i>x</i> [CóCo] / [CóCɔ]		
[ó] первого слога		[ə] второго слога
Д1	> (/ = / <)	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в гыданском диалекте ударный гласный первого слога в рассмотренных выше словах структуры [Cóxo] / [Cóxɔ] / [Cóxɒ] // [Cóyo] / [Cóyɔ] / [Cóyɒ] (*Cóxa*, с фонемой *x* во втором слоге) не выделен темпорально по сравнению с гласным открытого второго слога, подтверждается также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: (18Г) T₁ *noχò* [Lehtisalo 1956: 289b], — в этой словарной фиксации не отмечена длительность гласного первого слога. Слово (19Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало для тазовского диалекта, но зафиксировано для другого восточного диалекта — ямальского: (19Г) OP *soχò* [Lehtisalo 1956: 415a]; в этой фиксации ни один из символов для гласных также не снабжен диакритикой, обозначающей долготу⁴⁹.

Что касается слов структуры [CóCo] / [CóCɔ] (*CóC'o*), где второй согласный — не *x* (21Г), то в словаре Т. Лехтисало находится подтверждение нашему выводу о том, что ударный гласный первого слога в этих случаях может превосходить второй гласный по длительности: (21Г) T₇ *mṛ'ṛ* [Lehtisalo 1956: 262a]. В этой словарной фиксации для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому, первый гласный передается символом с диакритикой долготы (*ṛ*), а второй гласный не имеет такой диакритики (*ṛ*).

3.2. В *Таблице 13* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных *o* в первом и втором слогах фонетического слова слоговой структуры **CoCoC°**, представленной подвидом [CoCoC] / [CəCoC] (*CoCoC°*), где первый и второй согласные твердые, а третий мягкий. Как пример слова такой слоговой структуры нами было выбрано для анализа следующее (см. три осциллограммы, спектрограммы, контура интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (22Г)):

(22Г) *uonoy* (числ. колич.) 'один, одна, одно' [Терещенко 1965, 2008: 398], *ngoroy*° (N 0~y̯ə, ~ y̯ə≡), NGOP0←MPO+Y̯(Ø) [Salminen 1998: 168, 498], O, T₁, S_j, I *uõrṛòì*, OP *uõppṛṛṛṛ*, U-Ts., Oks. *õrṛṛṛṛṛ*, U, N, Sjo. *arṛṛṛṛṛ* 'einer' 'один' [Lehtisalo 1956: 39a]; ср. Л *uon*, *uo'noy* 'один, одна, одно' [Бармич, Вэлло 2002: 97],

⁴⁹ Слово (20Г) не зафиксировано в словаре Т. Лехтисало ни для одного из говоров тундрового ненецкого языка.

ηōp(?) [ηōp(?) = (*η*)*o'poj* [(η)ōp^oɔi] ‘один’ [Попова 1978: 82], Lj., Nj., Ni., Р *ηōp* ‘eins, einer’ <‘один’> [Lehtisalo 1956: 38b] < der. ПС **op* (? **oāp*) < der. ПС **o-* (? **oā-*) [Janhunen 1977: 28]⁵⁰.

Следует, однако, оговорить, что, по мнению Т. Салминена, это слово является фонологически трехсложным, а не двусложным и имеет слоговую структуру *CoCoC°*: *ngorou°* (N 0~jθ, ~ yθ≡) [Salminen 1998: 168, 498]. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту Т ненец., то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвуча в абсолютном конце этого слова (укажем также на турбулентный шум, придыхание, в конце звучания *j*), поэтому далее мы рассматриваем это имя как фонетически двусложное.

Таблица 13

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
<i>o</i> в 1С и 2С (<i>o—o</i>) // (<i>o—o—°</i>), по [Salminen 1998: 168, 498] [<i>CoCoCj</i>] ([<i>CθCoCj</i>]) // <i>CoCoC°</i> (<i>CoCoC°</i>), по [Salminen 1998: 168, 498]								
22Г	<i>ηorōj°</i> ⁵¹ [ηōrōj] (465 мсек.)	67 (72%)	85,04 (83,19)	251-287-265	81 (87%)	83,57 (82,60)	233-176	СУГ (1)
	<i>ηorōj°</i> [ηōrōj] ⁵² (440 мсек.)	41 (47%)	84,29 (83,39)	229-241 (235)	95 (108%)	91,13 (88,04)	[без голоса]	СУГ (2)
	<i>ηorōj°</i> [ηōrōj] ⁵³ (590 мсек.) ⁵⁴	95 (81%)	84,01 (82,52)	197-259-253	120 (102%)	82,94 (82,58)	208-152	СУГ (3)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных *o* первого и второго слогов, можно отметить следующее.

Так как данное слово фонетически заканчивается на согласный звук, определение длительности гласного последнего слога оказывается проще, чем в случае с описанными выше именами с открытыми слогами в абсолютном конце фонетического слова. В приведенных здесь для примера произнесениях слова (22Г) диктором СУГ длительность гласного *o* второго слога превосходит длительность *o* первого слога примерно на 15—55 мсек. (на 15—61%). Таким образом, соотношение длительности гласного *o* первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: 1:1,2 [СУГ: 1]; 1:2,3 [СУГ: 2]; 1:1,3 [СУГ: 3], — т. е. длительность гласного *o* второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,2—2,3 раза.

В двух из рассмотренных в *Таблице 13* произнесениях (произн. 1 и 3) средняя интенсивность гласного *o* первого слога численно сопоставима со средней интенсивностью второго *o*: она не превышает среднюю интенсивность второго *o* более чем на 0,6 дБ. При этом максимальная интенсивность гласного *o* первого слога превышает пиковую интенсивность второго *o* на 1—1,5 дБ, что, однако, не является значительной разницей, учитывая тот факт, что начальный слог фонетического слова всегда произносится с большей громкостью и интенсивностью, чем конечный. В одном произнесении (произн. 2) средняя интенсивность гласного *o* второго слога значительно — почти на 5 дБ — превосходит среднюю интенсивность первого *o*, а максимальная — почти на 7 дБ. Такая значительная разница указывает на явное экспираторное маркирование гласного *o* второго слога, несмотря на то, что он произносится без голосового источника звука. См. контуры интенсивности данных произнесений в *Приложении*.

Частота основного тона во всех трех рассмотренных произнесениях диктором СУГ повышается на гласном *o* первого слога: на 10 Гц (произн. 2), 40 Гц (произн. 1) и даже на 60 Гц (произн. 3), — а на глас-

⁵⁰ Здесь мы рассматриваем это слово в ряду непроезженных в современном тундровом ненецком языке, т. к. считаем его дериватом прасамодийского уровня.

⁵¹ Относительная длительность гласных звуков в слове (22Г) высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

⁵² В этом произнесении слова (22Г) диктором СУГ гласный второго слога и конечный сонорный *j* не имеют голосового источника звука (произносятся без голоса).

⁵³ Отметим фриктивный шум в абсолютном конце фонетического слова после [j].

⁵⁴ В таблице указана длительность фонетического слова без фриктивного шума в конце.

ном *о* второго слога довольно резко понижается — примерно на 100 Гц (по сравнению с наибольшей ЧОТ на первом *о*). Что касается второго произнесения слова (22Г), то в нем гласный *о* второго слога вообще звучит без голосового источника звука, однако в этом случае он оказывается значительно более выделен темпорально (превышает гласный первого слога примерно на 55 мсек., 61%) и экспираторно (почти на 5 дБ по сравнению с гласным первого слога), чем в двух других произнесениях. См. контуры частоты основного тона данных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше слова структуры [CoCoCi] / [CəCoCi] (CoCoC^o) характерно ударение на гласном второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного не первого слога в первую очередь является большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом экспираторный параметр можно считать дополнительным акустическим коррелятом ударения.

О том, что ударение в слове (22Г) падает на второй слог, а не на первый, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [ɲəɔ́jm(?)] / [ɲəɔ́j³m(?)] (ngopoy^o-m) [СУГ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных обобщены нами в *Таблице 14*.

Таблица 14

CoCəC ^o [CoCəCi] / [CəCəCi]		
[o], [ə] первого слога		[ó] второго слога
Д1	<	Д2
И1	(> / = /) <	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наши выводы о просодической выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове структуры [CoCəCi] / [CəCəCi] (CoCəC^o) в гыданском диалекте подтверждаются также данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: T₁ ɲəɔ́pɔ́ [Lehtisalo 1956: 39a]. Возможно, что диакритика грависа над символом для гласного второго слога говорит о его экспираторной или тональной выделенности, однако его темпоральная выделенность при этом никак не обозначена.

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует и фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: ngopoy^o (N 0~jə, ~ yə≡), NGOP0←MPO+ÿ(Ø) [Salminen 1998: 168, 498]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой /ə/ (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359]. Таким образом, в системе Т. Салминена гласный *о* второго слога в рассмотренном нами слове должен считаться ударным, т. к. находится перед слогом с фонемой /ə/, что согласуется с нашими полевыми данными.

Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным лабиализованными гласными звуками среднего подъема заднего ряда (слоговых структур [CəCo] / [CəCə] / [CəCə] = CəCa, [CəCo] / [CəCə] / [CəCə] = CəCa и [CəCə] / [CəCə] = CəCə), является большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах с ударением на втором слоге (слоговой структуры CoCəC^o) параметр экспираторной выделенности, наоборот, ослабевает в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное выделение ударного гласного оказывается в этом случае основным акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторное и тональное маркирование — второстепенными (дополнительными). При этом второстепенные параметры становятся более значимыми в «ненапряженных» произнесениях, т. е. «активизируются» для того, чтобы ударный гласный оставался маркирован даже при нечетком и беглом произнесении.

4. Акцентные характеристики фонетических слов с краткими гласными среднего ряда в первом и втором слогах в гыданском диалекте

4.1. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются также слова слоговой структуры [CəCə] / [CəCə] / [CəCə] (CəC^oC = CəC^oC в записи Т. Салминена). В *Таблице 15* приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных первого и второго слогов в произнесениях фонетического слова данной слоговой структу-

ры. Как пример слова этой слоговой структуры нами было выбрано для анализа следующее имя (см. оциллограммы, спектрограммы, контуры интенсивности и частоты основного тона в *Приложении*, (23Г)):

(23Г) *пax̣'н* 'корень (дерева); основание' [Терещенко 1965, 2008: 454], *pəx̣°h* (N *ng→j̣+o*), PØXØNG [Salminen 1998: 257].

Отметим, что в словаре [Терещенко 1965, 2008] гласный первого слога обозначен как *a*, а не как *ə* (*ä*), в отличие от фиксации этого слова в работе Т. Салминена, где первый гласный обозначен как *ø* (= *ə*), а второй — как *°*.

Таблица 15

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ə] в 1С и [ə]/[v] во 2С ([ə]—[ə]/[v]) // (ø—°, по [Salminen 1998: 257] [CəCə°] ([CəCv°], [CəCv°]) // CəC°C = CøC°C, по [Salminen 1998: 257]								
23Г	(<i>pəx̣°</i>) [pəx̣v°] (585 мсек.)	97 (83%)	84,29 (82,29)	202-181 (193)	268 (229%)	83,13 (81,66)	174	ЛАЛ (1)
	(<i>pəx̣°</i>) [pəx̣v°] (842 мсек.)	121 (72%)	83,44 (82,40)	218-176	256 (152%)	83,68 (81,61)	179	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В рассмотренных произнесениях длительность гласного второго слога, закрытого гортанным смычным, значительно превышает длительность первого гласного — примерно на 170 и 135 мсек. (на 146% и 80%).

Гласный второго слога при этом обычно звучит с меньшей интенсивностью, чем гласный первого слога. Так, средняя интенсивность гласного первого слога превосходит среднюю интенсивность гласного второго слога примерно на 0,6—0,8 дБ в произнесениях диктора ЛАЛ, что, однако, не является значительной величиной. При этом максимальная интенсивность первого гласного может как превышать пиковую интенсивность второго (на 1,2 дБ в произн. 1), так и быть численно сопоставимой с ней (произн. 2). См. контуры интенсивности данных произнесений в *Приложении*.

На протяжении произнесения рассмотренных выше фонетических слов тон обычно понижается на первом слоге на 20—40 Гц, а затем остается практически ровным и равномерно убывает к концу слова (условно движение тона можно изобразить как плавное ___). Во втором произнесении слова (23Г) происходит озвончение [x] > [ɣ] в интервокальной позиции. См. контуры частоты основного тона данных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше слова структуры [CəCə°] / [CəCv°] / [CəCv°] (CəC°C = CøC°C) характерно ударение на гласном первого слога. Основным акустическим коррелятом словесного акцента при выделении гласного первого слога в данном случае в первую очередь оказывается не большая длительность (темпоральная выделенность), а большая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным, а также более высокий тон на ударном гласном, что, возможно, является дополнительным акустическим параметром ударения.

О том, что ударение в данном слове падает на первый слог, а не на второй, свидетельствует также форма винительного падежа единственного числа: [pəx̣əт(°)] / [pəx̣əт(°)] (*pəx̣°h-m*) ACC.SG [ЛАЛ].

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных обобщены нами в *Таблице 16*.

Таблица 16

CəC°C [CəCə°] ([CəCv°], [CəCv°]), где второй согласный — x [Cəxə°] ([Cəxv°], [Cəxv°])		
[ə] первого слога		[ə], [v] второго слога
Д1	<	Д2
И1	>	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

Наш вывод о том, что в гыданском диалекте Т ненец. ударный гласный первого слога в рассмотренном выше слове структуры [Cəxə°] / [Cəxv°] / [Cəxv°] (CəC°C) не всегда выделен темпорально по сравнению с гласным закрытого гортанным смычным второго слога, не подтверждается напрямую данными,

зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для наиболее близкого ему тазовского диалекта, однако подтверждается для ямальского диалекта, следующего по близости к гыданскому: О $pà\chi\bar{a}$ [Lehtisalo 1956: 335a], где отмечается долгота второго гласного ($\bar{a}$).

4.2. В гыданском диалекте тундрового ненецкого языка имеются также фонетические слова слоговых структур [CəCɪəC] / [CəCɪəC]⁵⁵ (CəCəC° = CəCəC° в записи Т. Салминена) и [CəCɪəCC] = [CəCɪəC?] / [CəCɪəCC] = [CəCɪəC?] (CəCəC°C = CəCəC°C в записи Т. Салминена). В Таблице 17 приведены числовые данные по длительности, максимальной (пиковой) и средней интенсивности, а также частоте основного тона гласных ə в первом и втором слогах в произнесениях фонетических слов данных слоговых структур.

Как примеры фонетических слов данных слоговых структур нами были выбраны для анализа формы имени (24Г) — форма номинатива единственного числа (24Г(1)) и номинатива множественного числа (24Г(2)); см. семь осциллограмм, спектрограмм, контуров интенсивности и частоты основного тона в Приложении, (24Г(1)) и (24Г(2)): (24Г) хя́ял ‘слеза’ [Терещенко 1965, 2008: 761], хəyəl° (N ə≡), ХӨҮӨLӨ [Salminen 1998: 77, 529], О хя́йял[°], К хя́йял[°], U-Ts. хя́йял[°] ‘Träne’ <‘слеза’> [Lehtisalo 1956: 165a] < ПС *kəñälä (? *kəjnälä ~ *kəjälä) [Janhunen 1977: 53].

Следует прежде всего указать на разницу в фонологической интерпретации этого слова в словаре Н. М. Терещенко, где оно представлено как хя́ял [Терещенко 1965, 2008: 761], и в словаре Т. Салминена, где оно зафиксировано как хəyəl° (N ə≡), ХӨҮӨLӨ [Salminen 1998: 77, 529], т. е. как трехсложное (а не двусложное) слово с фонемой /ə/ в третьем, последнем, слоге. Фонологическая интерпретация Т. Салминена согласуется с прасамодийской реконструкцией этого слова как трехсложного (ПС *kəñälä (? *kəjnälä ~ *kəjälä) [Janhunen 1977: 53]), однако не находит подтверждения в записи диалектных вариантов этого имени, представленной в словаре Т. Лехтисало: О хя́йял[°], К хя́йял[°], U-Ts. хя́йял[°] [Lehtisalo 1956: 165a]. Кроме того, для ямальского и большеземельского диалекта в словаре Т. Лехтисало приведены варианты этого слова с долгим гласным в первом слоге, что не согласуется ни с данными Н. М. Терещенко и Т. Салминена, ни с прасамодийской реконструкцией этого слова, сделанной Ю. Янхуненом, ни с нашими полевыми данными.

Здесь мы рассматриваем слово (24Г) как фонетически двусложное; в записи Т. Салминена форма NOM.PL для этого слова должна выглядеть как хəyəl°q. Что касается наших полевых материалов по гыданскому диалекту, то ни на спектрограммах, ни на слух мы не обнаруживаем гласного звука или призвуча после сонорного l.

Таблица 17

№	слово	Д1 (мсек., %)	И1 (дБ)	ЧОТ1 (Гц)	Д2 (мсек., %)	И2 (дБ)	ЧОТ2 (Гц)	инф.
[ə] в 1С и [ə]/[ə] во 2С ([ə]—[ə]/[ə]) // (ə—ə—ə), по [Salminen 1998: 77, 529] [CəCɪəC] ([CəCɪəC]) // CəCəC° (CəC'əC°), по [Salminen 1998: 77, 529]								
24Г (1)	хəjəl° [хəjəl] ⁵⁶ (485 мсек.)	95 (98%)	84,24 (83,41)	187-196-182 (189)	116 (120%)	82,95 (82,28)	155	ЛАЛ (1)
	хəjəl° [хəjəl] (610 мсек.)	80 (66%)	86,45 (84,39)	187-216	104 (85%)	83,97 (81,64)	175-148	ЯГВ (1)
	хəjəl° [хəjəl] (527 мсек.)	69 (65%)	85,75 (84,94)	172-194-213	87 (83%)	82,65 (81,94)	186-159	ЯГВ (2)
	хəjəl° [хəjəl] (470 мсек.)	60 (64%)	85,80 (85,04)	192-219	95 (101%)	83,26 (82,94)	182-151	ЯГВ (3)
	хəjəl° [хəjəl] (477 мсек.)	63 (66%)	85,09 (84,07)	201-215-211 (209)	87 (91%)	83,23 (82,41)	174-153	ЯГВ (4)

⁵⁵ Символом ə здесь и далее обозначен краткий гласный звук верхне-среднего подъема среднего ряда, более верхний и более передний, чем [э].

⁵⁶ Относительная длительность гласных в произнесениях (24Г(1)) дикторами ЛАЛ и ЯГВ высчитывается с учетом пяти фонетических сегментов, а не шести фонем.

[ə] в 1С и [ə]/[ə] во 2С ([ə]—[ə]/[ə]) // (ə—ə—ə), по [Salminen 1998: 77, 529] [CəCəCC] = [CəCəC?] ([CəCəCC] = [CəCəC?]) // CəC'əC'C, по [Salminen 1998: 77, 529]								
24Г (2)	xəjəl'ə? [xəjəl'ə] ⁵⁷ (673 мсек.)	63 (56%)	84,66 (83,22)	220-195 (208)	102 (91%)	84,01 (83,01)	182-166 (175)	ЛАЛ (1)
	xəjəl'ə? [xəjəl'ə] (517 мсек.)	66 (77%)	85,10 (83,55)	210	109 (126%)	83,93 (82,24)	192-161 (174)	ЛАЛ (2)

Сопоставив числовые данные по основным просодическим характеристикам гласных первого и второго слогов, можно отметить следующее.

В рассмотренных выше произнесениях фонетического слова (24Г(1)) дикторами ЛАЛ и ЯГВ длительность гласного второго слога превышает длительность первого [ə] на 18—35 мсек. (18—37%); в рассмотренных выше произнесениях фонетического слова (24Г(2)) диктором ЛАЛ длительность гласного второго слога превышает длительность первого [ə] даже примерно на 40 мсек. (35% и 49%). Таким образом, соотношение длительности гласного первого слога к длительности гласного второго слога, которую легко измерить, т. к. гласный не находится в абсолютном конце слова, в этих рассмотренных произнесениях составляет: (24Г(1)) 1:1,2 [ЛАЛ: 1]; 1:1,3 [ЯГВ: 1]; 1:1,3 [ЯГВ: 2]; 1:1,6 [ЯГВ: 3]; 1:1,4 [ЯГВ: 4]; (24Г(2)) 1:1,6 [ЛАЛ: 1]; 1:1,7 [ЛАЛ: 2], — т. е. длительность гласного второго слога превосходит длительность гласного первого слога в 1,2—1,7 раза в произнесениях дикторов ЛАЛ и ЯГВ.

В рассмотренных выше произнесениях фонетических слов (24Г(1)) и (24Г(2)) диктором ЛАЛ как максимальная, так и средняя интенсивность гласного [ə] первого слога незначительно превосходит пиковую и среднюю интенсивность гласного второго слога — примерно на 1—1,3 дБ, а в произнесении 1 слова (24Г(2)) диктором ЛАЛ разница в показателях по максимальной интенсивности гласных не превосходит 0,6 дБ, а по средней — даже 0,2 дБ, что свидетельствует об экспираторной сопоставимости гласных. В рассмотренных выше произнесениях (24Г(1)) диктором ЯГВ максимальная интенсивность [ə] первого слога превосходит пиковую интенсивность гласного второго слога значительнее, чем в речи ЛАЛ, — примерно на 1,9—3,1 дБ, а средняя — на 1,7—3 дБ. При этом следует помнить об общей речевой тенденции произносить начало фонетического слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец. Разница между максимальной и средней интенсивностью первого гласного составляет обычно 0,8—2,1 дБ, между максимальной и средней интенсивностью второго гласного — 0,3—2,3 дБ, что свидетельствует о том, что интенсивность на протяжении произнесения второго гласного уменьшается не быстрее и не значительнее, чем на протяжении произнесения первого гласного, а часто даже, наоборот, медленнее. См. контуры интенсивности рассмотренных произнесений в *Приложении*.

На протяжении произнесения фонетического слова (24Г(1)) дикторами ЛАЛ и ЯГВ тон всегда имеет локальное повышение на гласном первого слога (на 10—40 Гц), а затем равномерно понижается к концу фонетического слова (более чем на 40—75 Гц). Для произнесений фонетического слова (24Г(2)) диктором ЛАЛ характерен относительно ровный тон, равномерно понижающийся к концу (примерно на 50—55 Гц); колебания по частоте основного тона при этом незначительны. См. контуры ЧОТ рассмотренных произнесений в *Приложении*.

Для рассмотренного выше имени существительного (24Г) в формах NOM.SG (24Г(1)) и NOM.PL (24Г(2)) характерно ударение на гласном второго слога. Основным акустическим коррелятом словесного ударения в данном случае оказывается большая длительность (темпоральная выделенность) ударного гласного второго слога по сравнению с безударным.

Результаты анализа типичных просодических характеристик гласных рассмотренных произнесений фонетических слов обобщены нами в *Таблице 18*.

Таблица 18

CəCəC', CəCəC'C (= CəCəC'?) [CəCəC] ([CəCəC]), [CəCəCC] = [CəCəC?] ([CəCəCC] = [CəCəC?])		
[ə] первого слога		[ə], [ə] второго слога
Д1	<	Д2
И1	= / >	И2
ЧОТ1	>	ЧОТ2

⁵⁷ Относительная длительность гласных в двух произнесениях (24Г(2)) диктором ЛАЛ высчитывается с учетом шести фонетических сегментов, а не семи фонем.

Наш вывод о темпоральной выделенности ударного гласного второго слога в рассмотренном выше слове в гыданском диалекте не подтверждается данными, зафиксированными в словаре [Lehtisalo 1956] для тазовского диалекта, наиболее близкого гыданскому: в словаре Т. Лехтисало для слова (24Г) не приводится тазовская диалектная форма.

О том, что в этом слове ударение падает на второй, а не на первый слог, косвенно свидетельствует фонологическая интерпретация этого имени, сделанная Т. Салминеном: $xøʏl^{\circ}$ ($N \varnothing \equiv$), $X\varnothing\ddot{Y}\varnothing L\varnothing$ [Salminen 1998: 77, 529]. По мнению Т. Салминена, слог, предшествующий слогу с фонемой / $\varnothing$ / (“pre-schwa syllable”), является ударным [Salminen 2007: 350, 359].

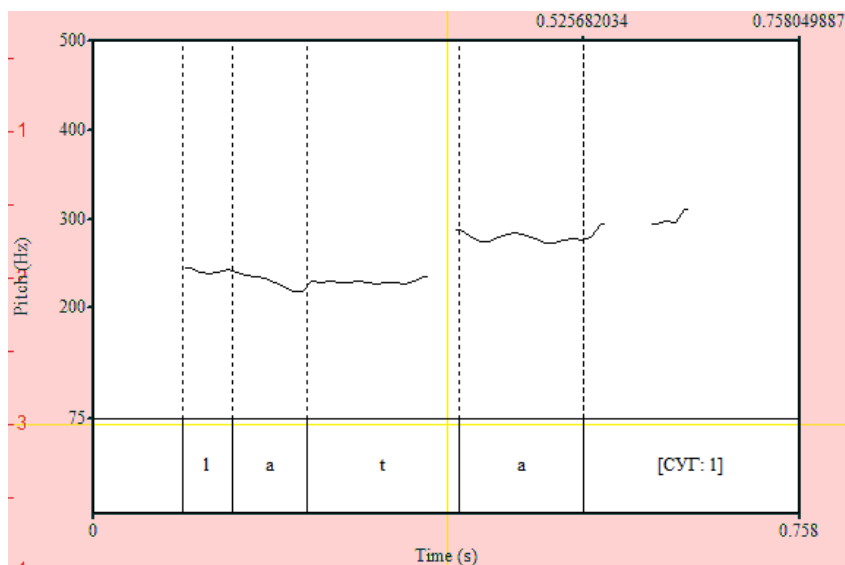
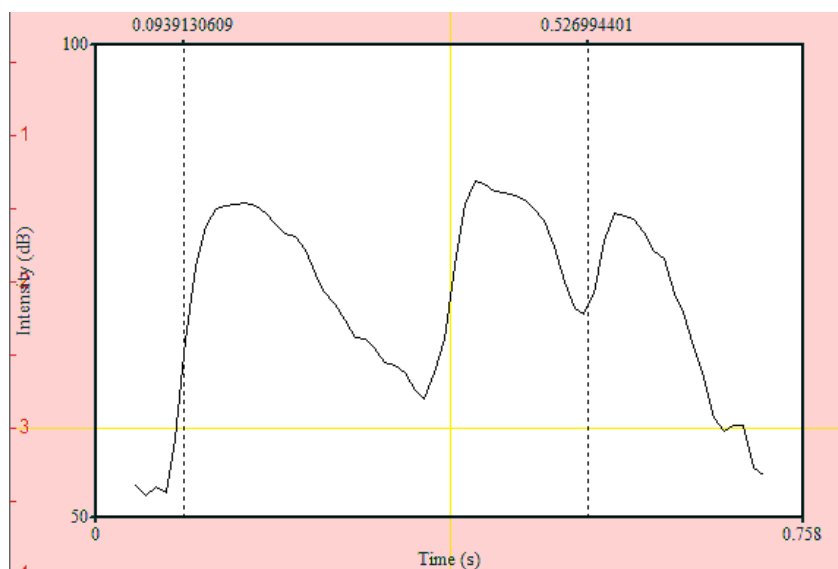
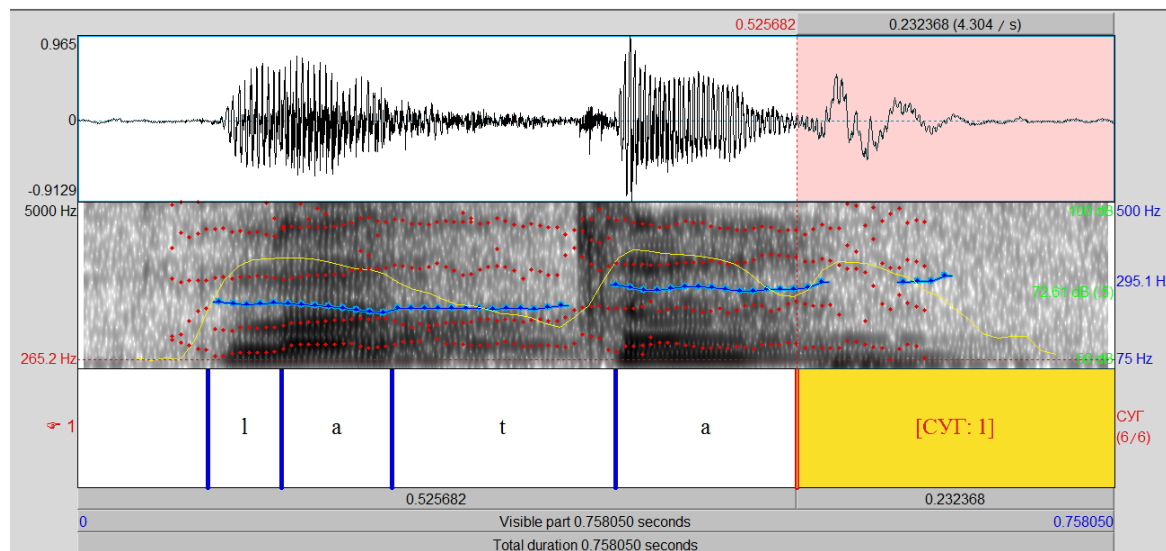
Подводя итог, можно сказать, что в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка основным акустическим коррелятом словесного ударения на первом слоге в словах с однородным вокалическим составом, представленным краткими гласными звуками (слоговой структуры $[C\acute{e}C\acute{e}^{\circ}] / [C\acute{e}C\acute{e}^{\circ}] / [C\acute{e}C\acute{e}^{\circ}] = C\acute{e}C^{\circ}C$), является бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) ударного гласного, а параметр темпоральной выделенности отходит на второй план. В словах с ударением на втором слоге (слоговой структуры $C\acute{e}C\acute{e}C^{\circ}(C)$) параметр экспираторной выделенности, наоборот, ослабевает в связи с общей речевой тенденцией произносить начало слова с большей интенсивностью и громкостью, чем его конец; темпоральное выделение ударного гласного оказывается в этом случае основным акустическим коррелятом словесного акцента, а экспираторное маркирование — второстепенным (дополнительным).

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что ударение в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка является **квантитативно-экспираторным с элементами тонального**, т. е. акустически коррелятами словесного акцента в гыданском диалекте являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность), бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр. Наоборот, для маркирования ударного гласного второго слога на первый план выходит темпоральный параметр, а тональный и экспираторный параметры оказываются дополнительными. Это связано с общими речевыми тенденциями — длительного произношения конечного открытого слога и более громкого и интенсивного произношения начала фонетического слова по сравнению с его концом.

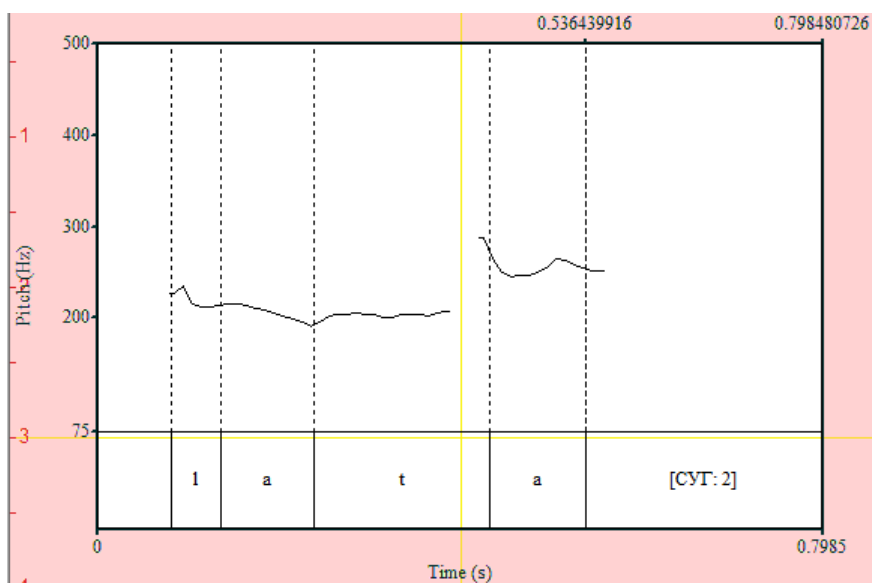
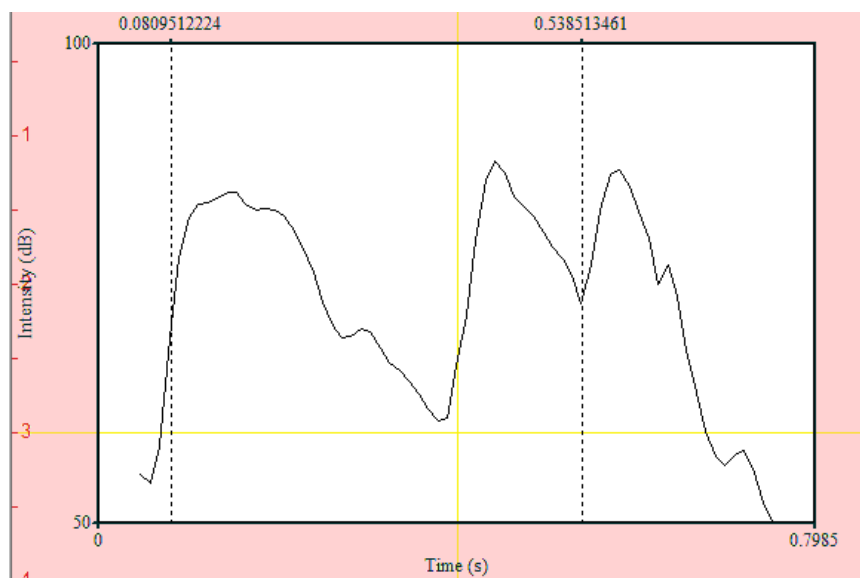
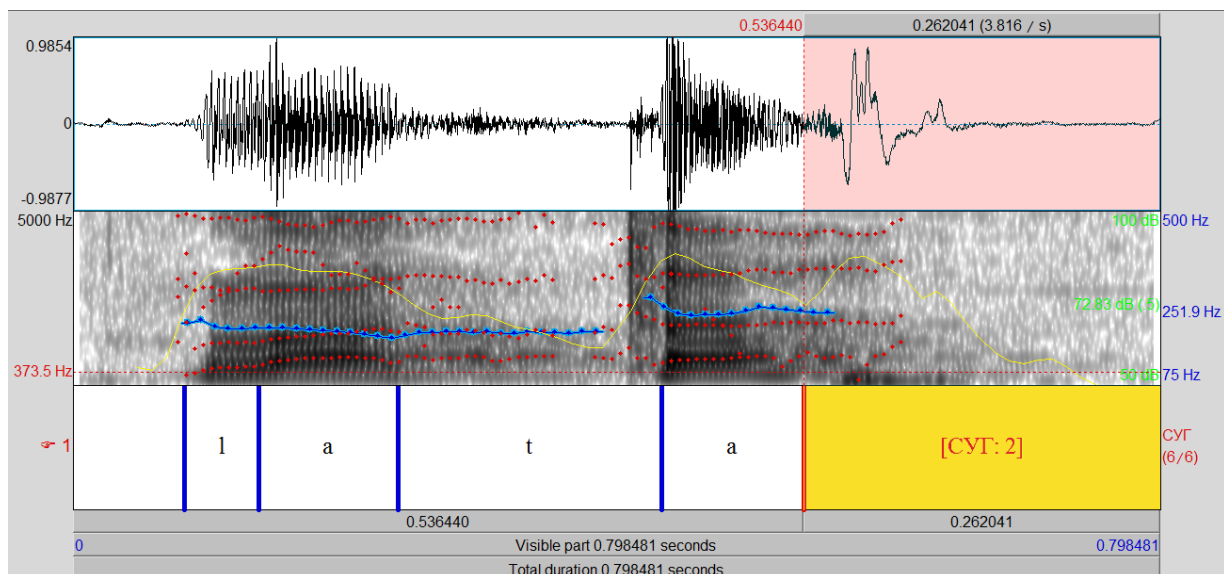
Приложение

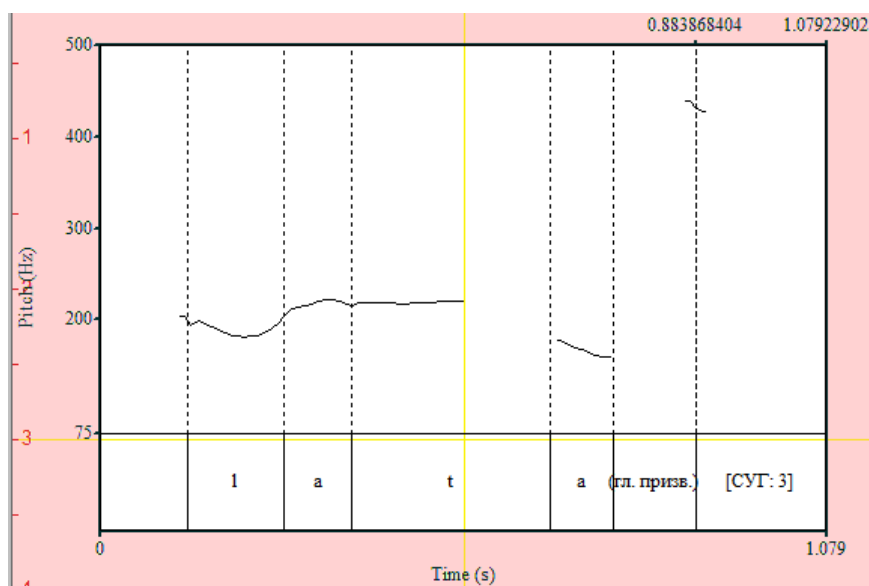
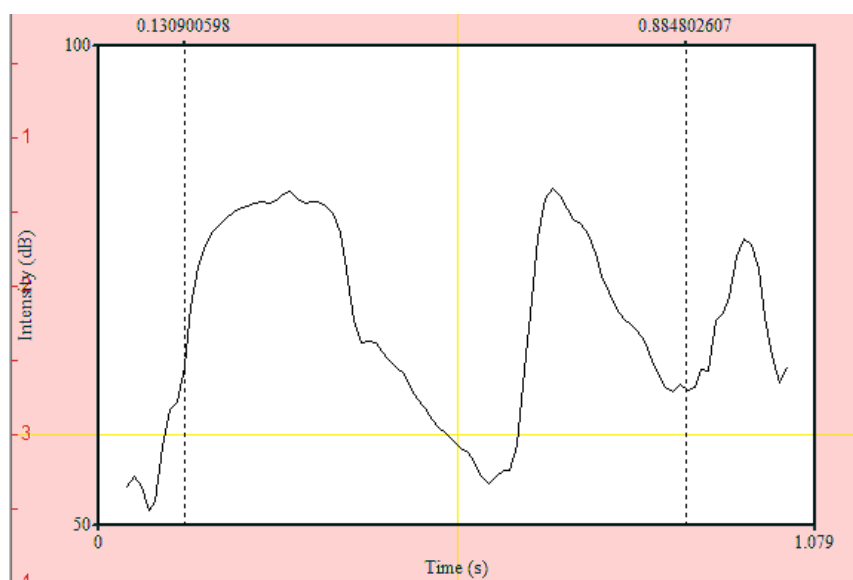
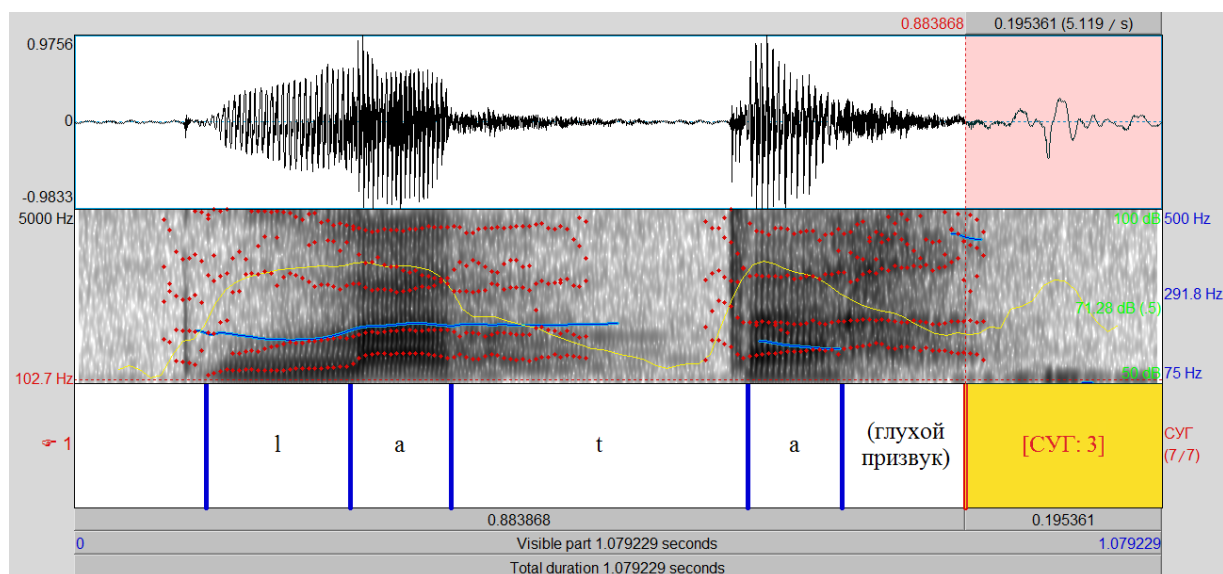
1. Фонетические слова с аллофонами гласной фонемы нижнего подъема (a) в первом и втором слогах

(1Г) Т гыдан. [láta] *lata* [CYT: 1]

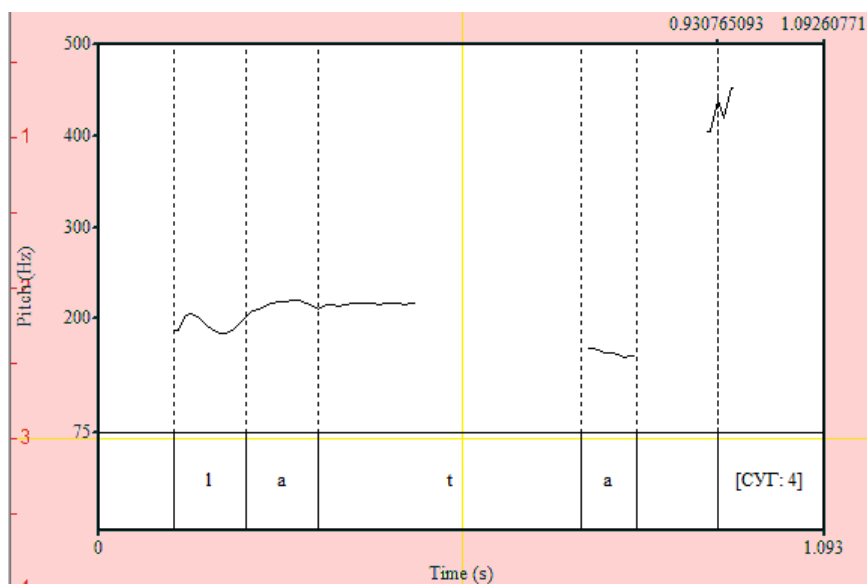
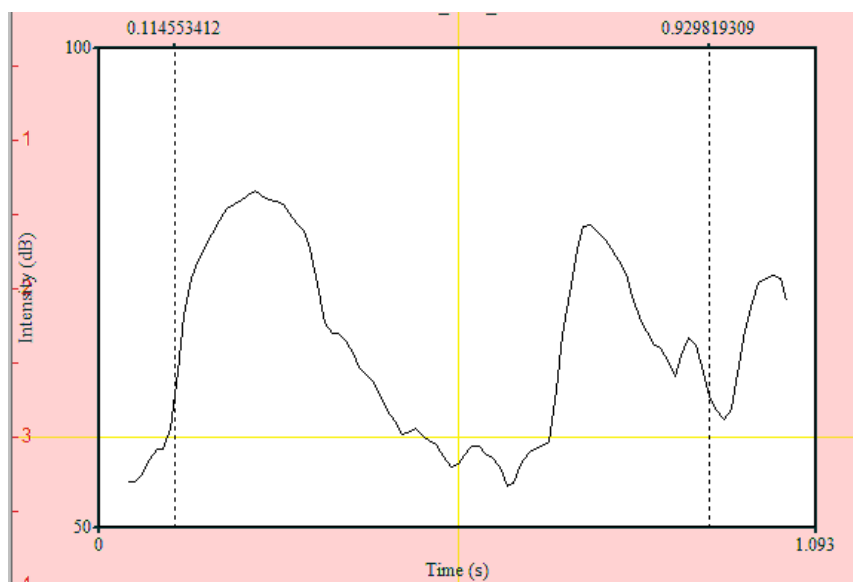
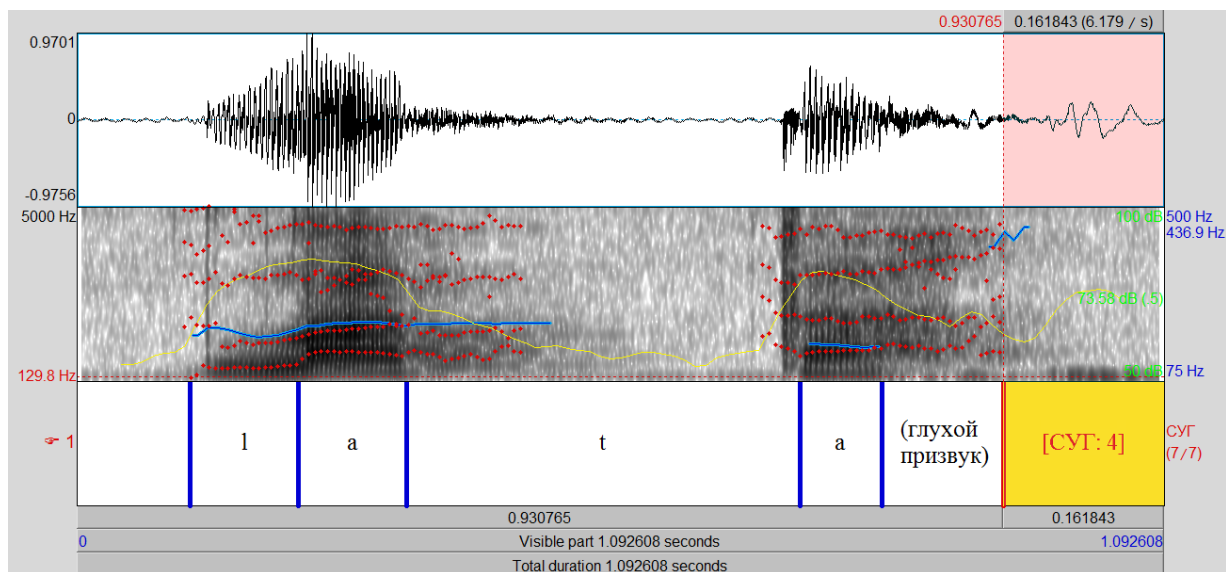

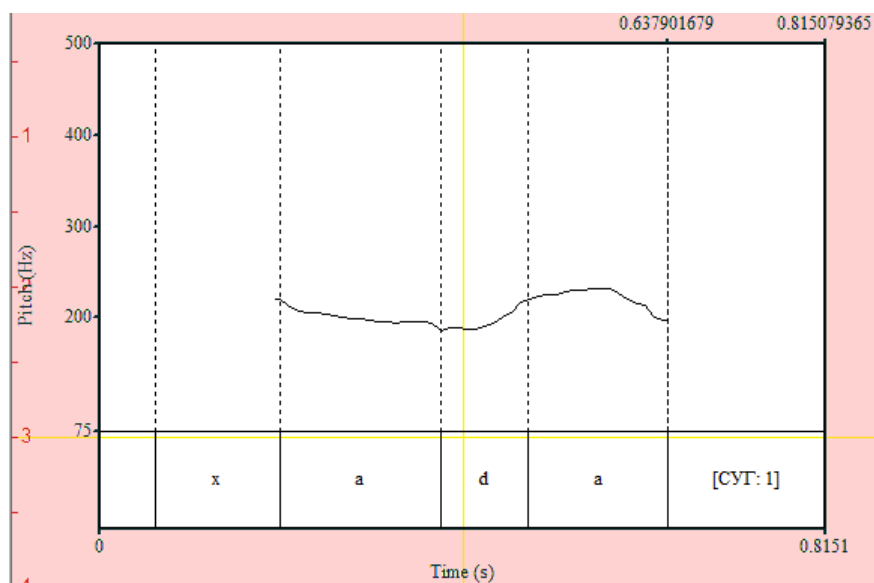
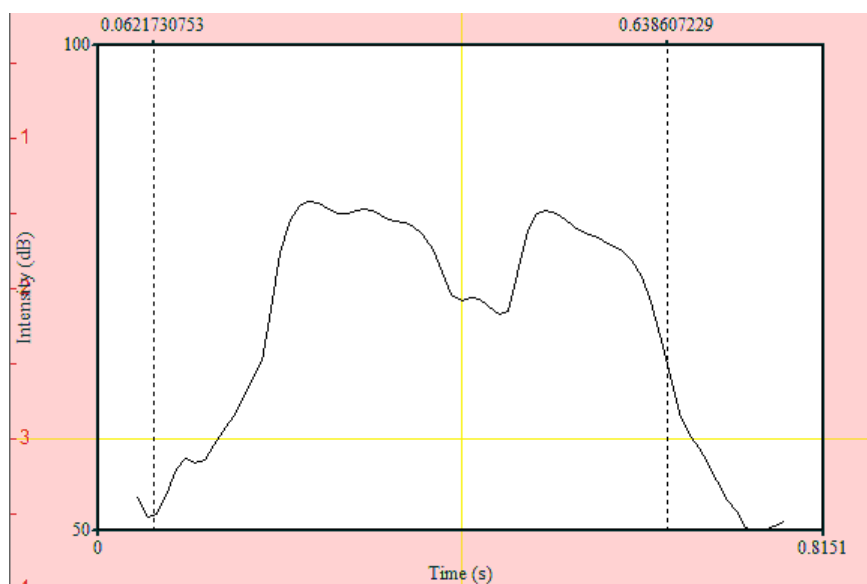
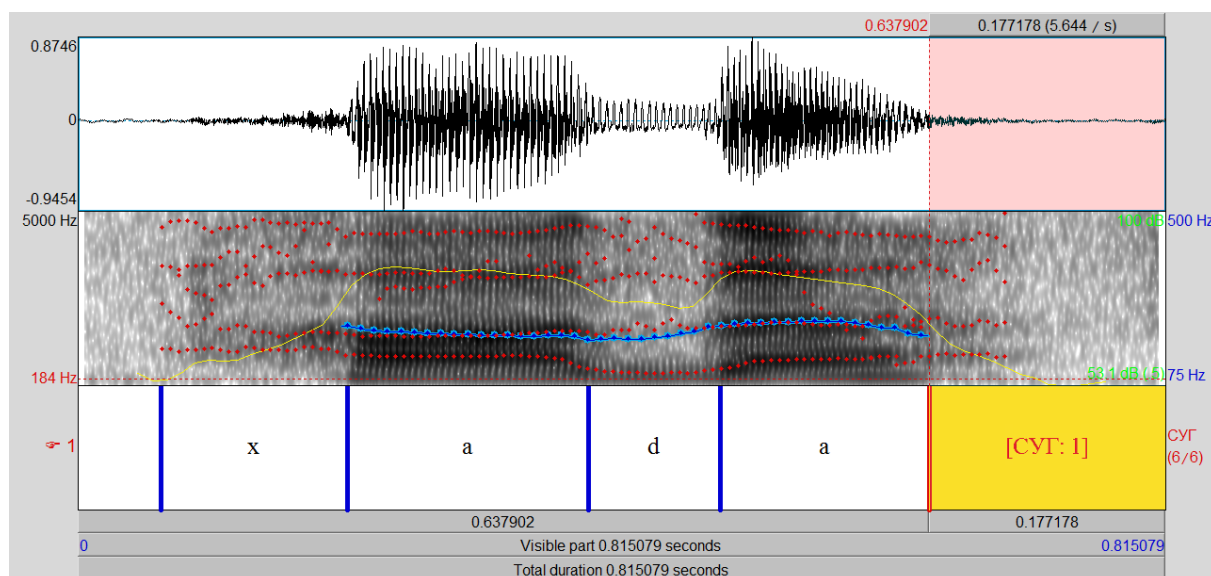
(1Г) Т гыдан. [láta] *lata* [CYT: 2]

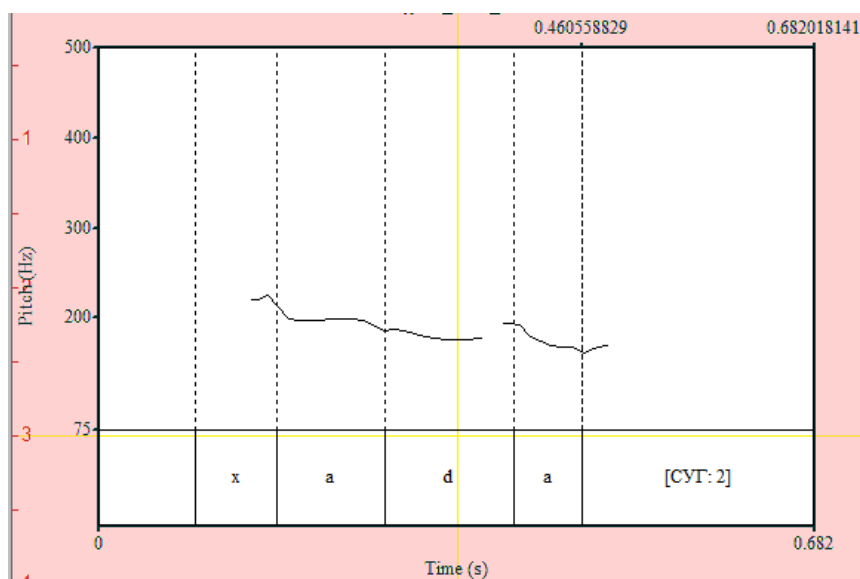
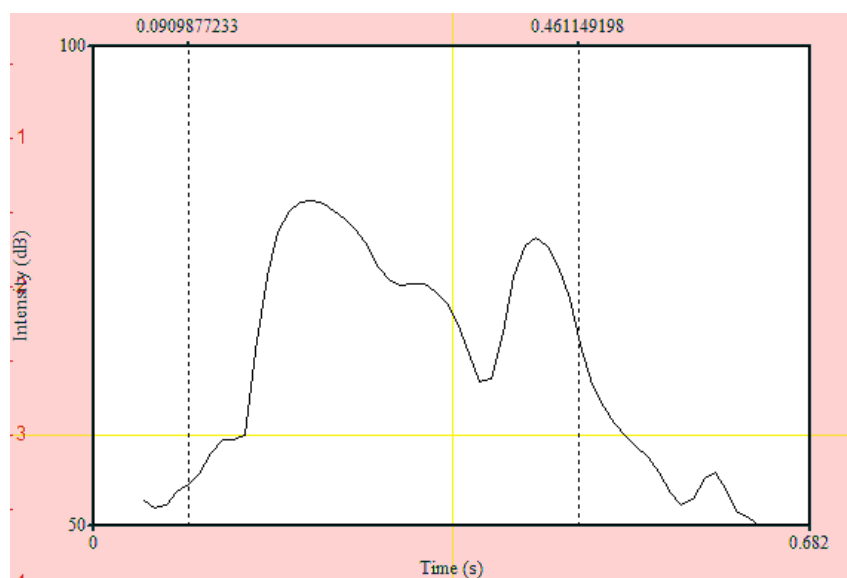
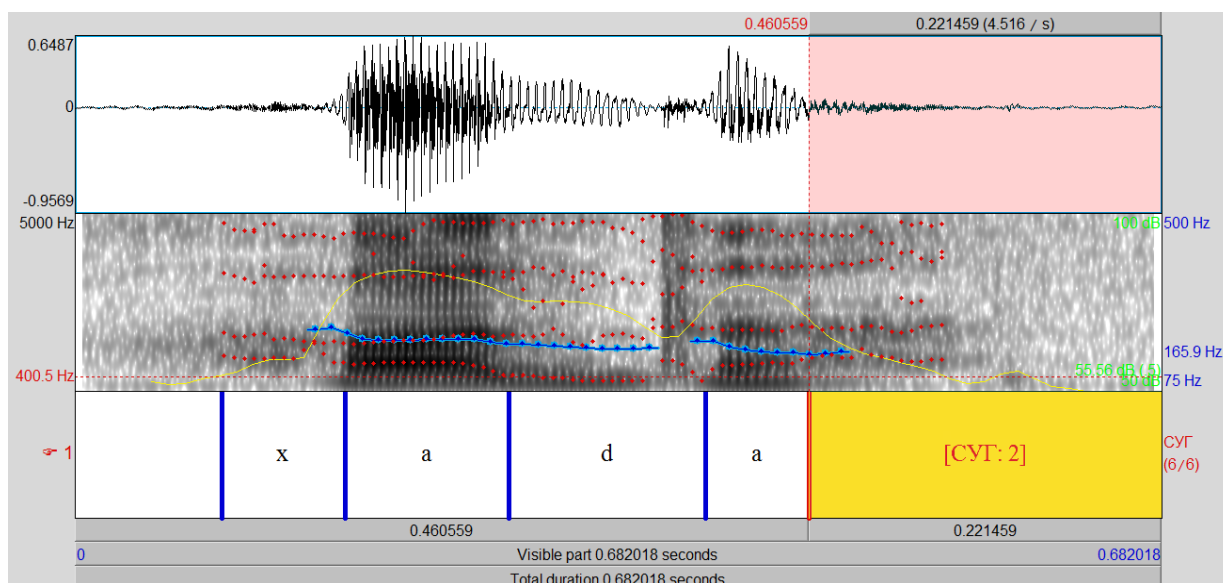
(1Г) Т гыдан. [láɥɐ] *lata* [СУГ: 3]

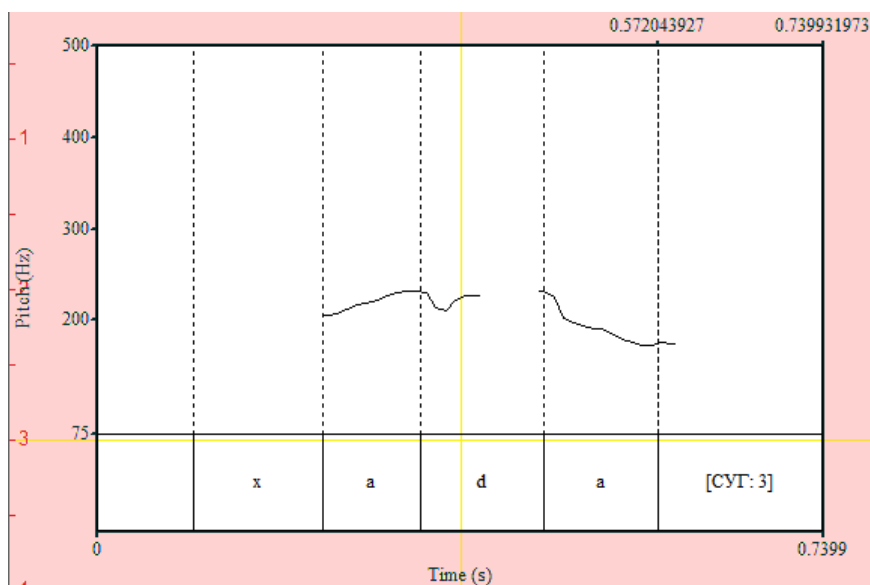
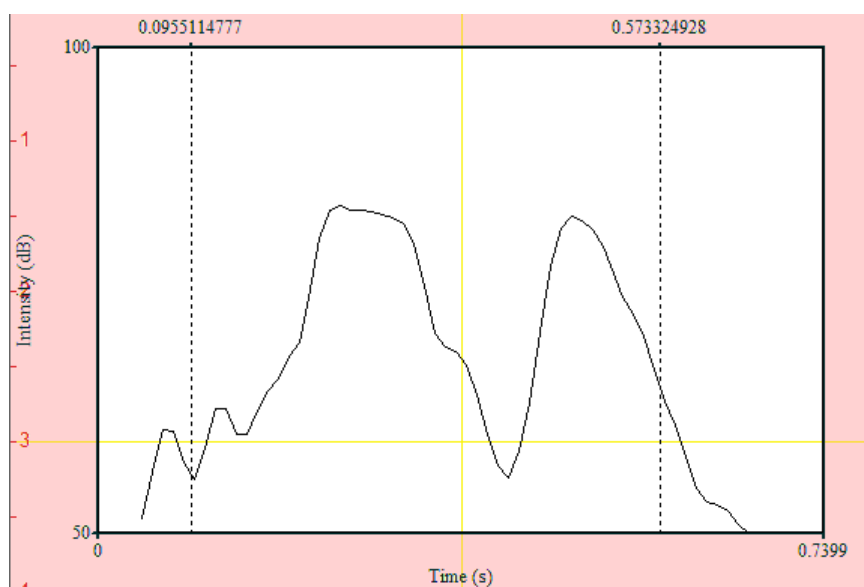
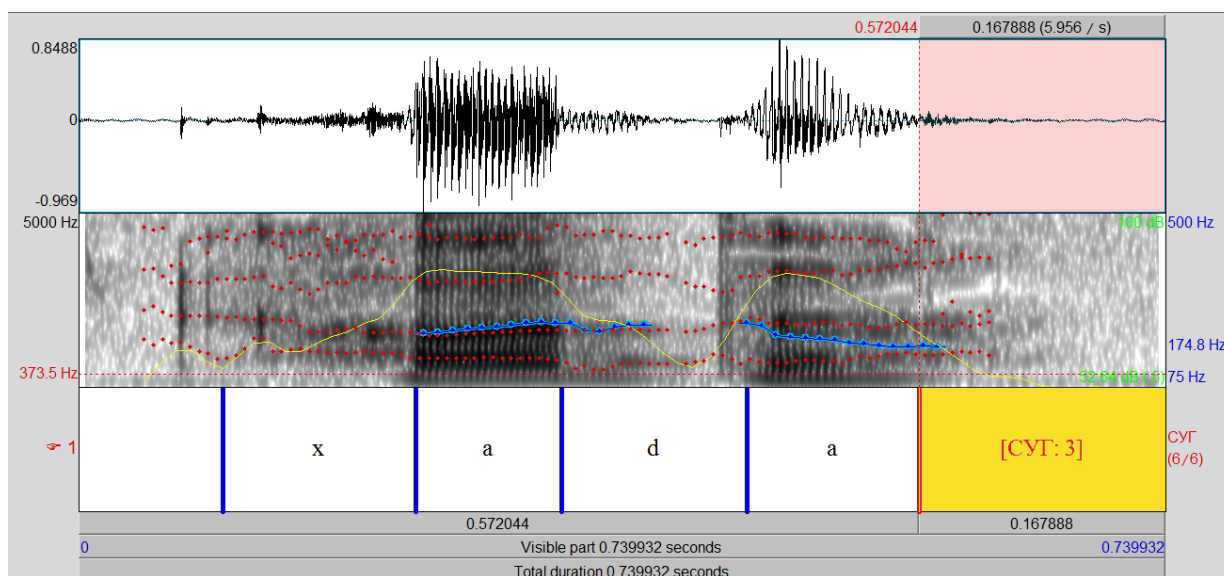
(1Г) Т гыдан. [láte] lata [СУГ: 4]

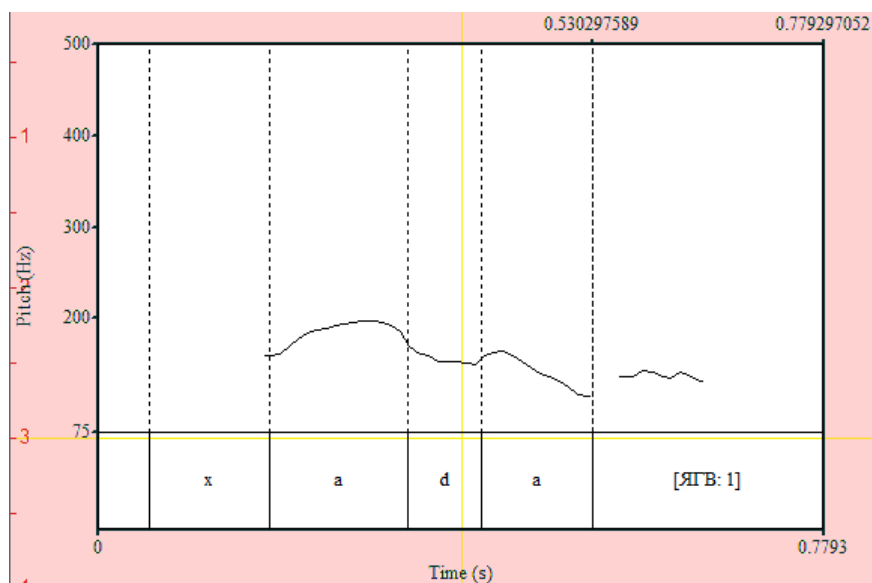
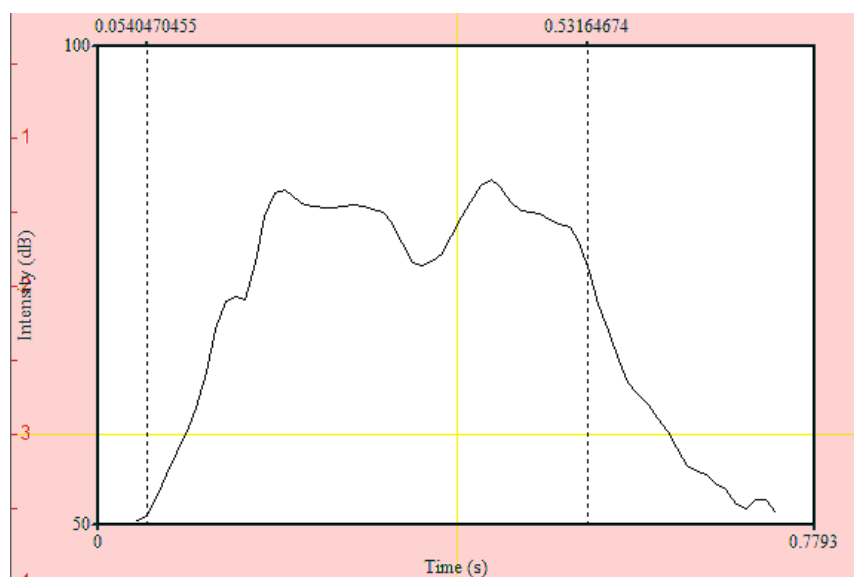
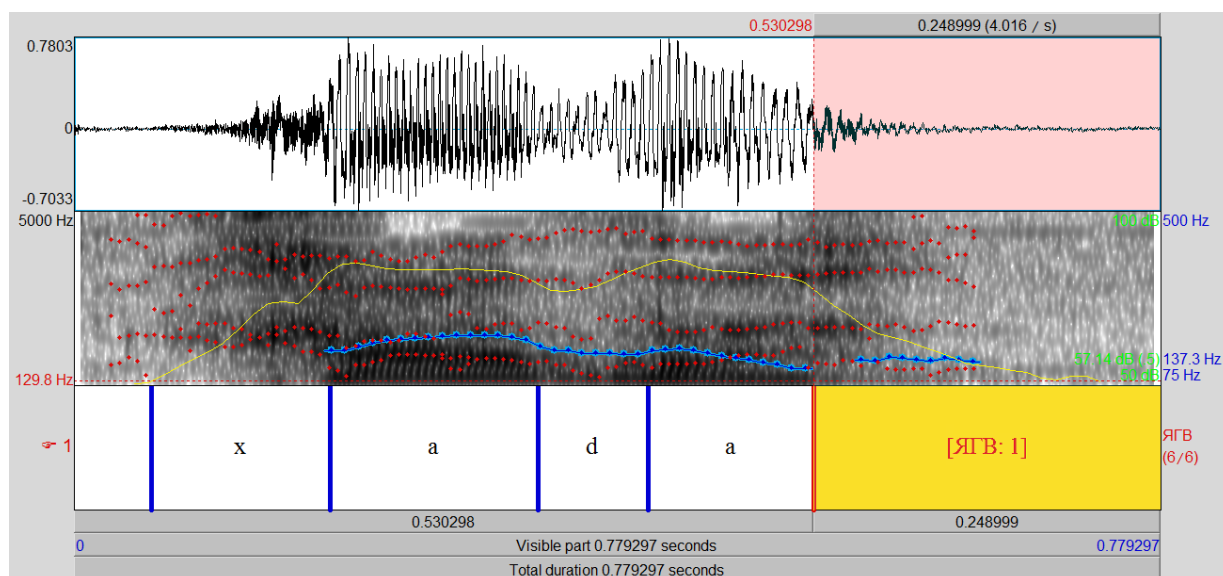
(2Г) Т гыдан. [xáǣ] *xada* [CYT: 1]

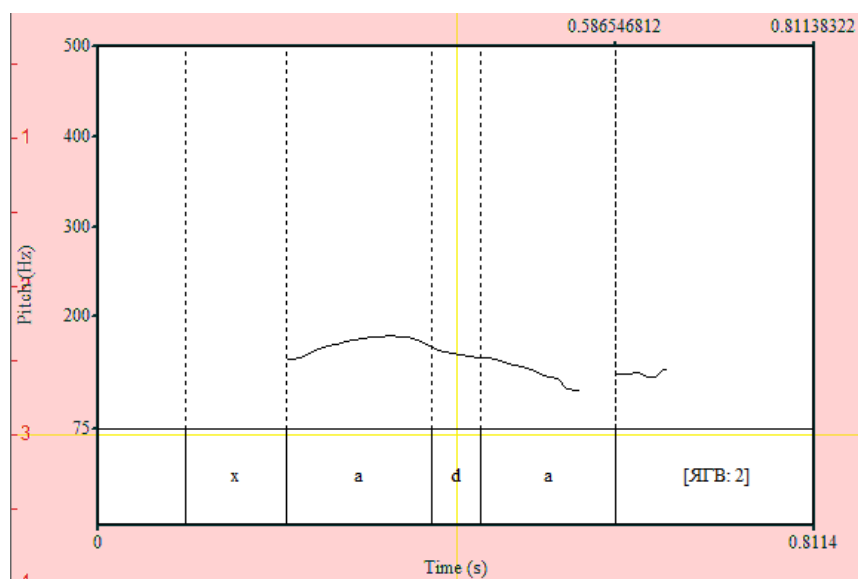
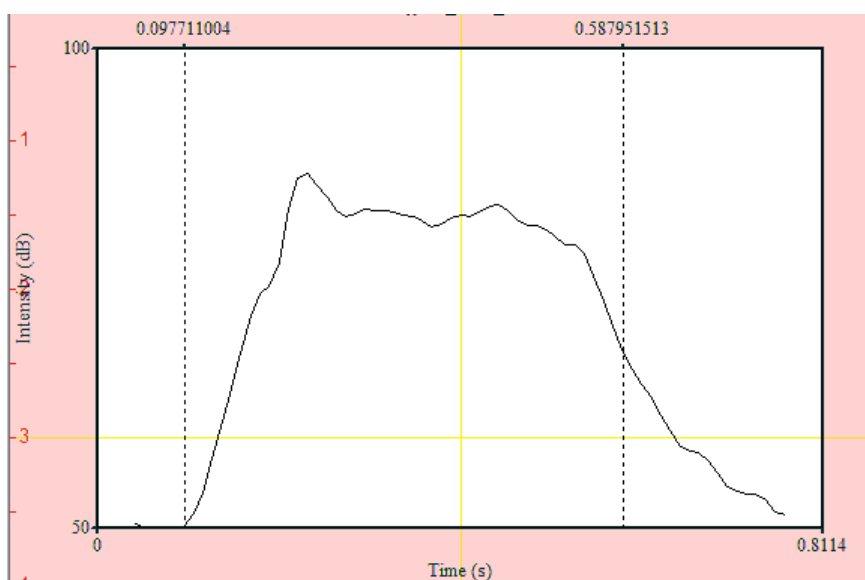
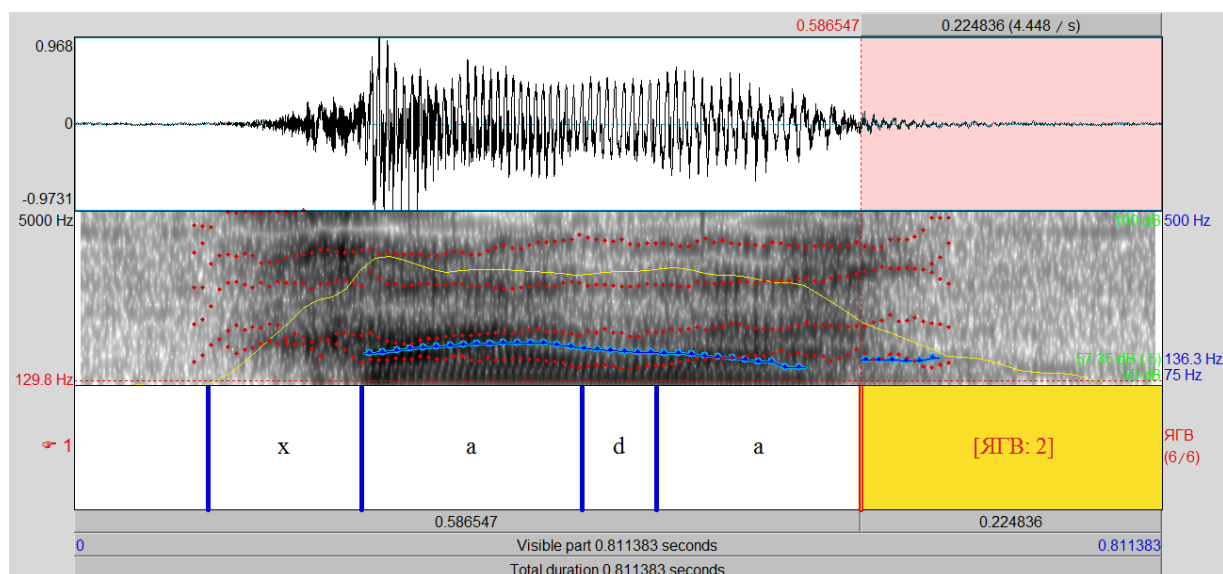
(2Г) Т гыдан. [xáðɐ] xada [CYT: 2]

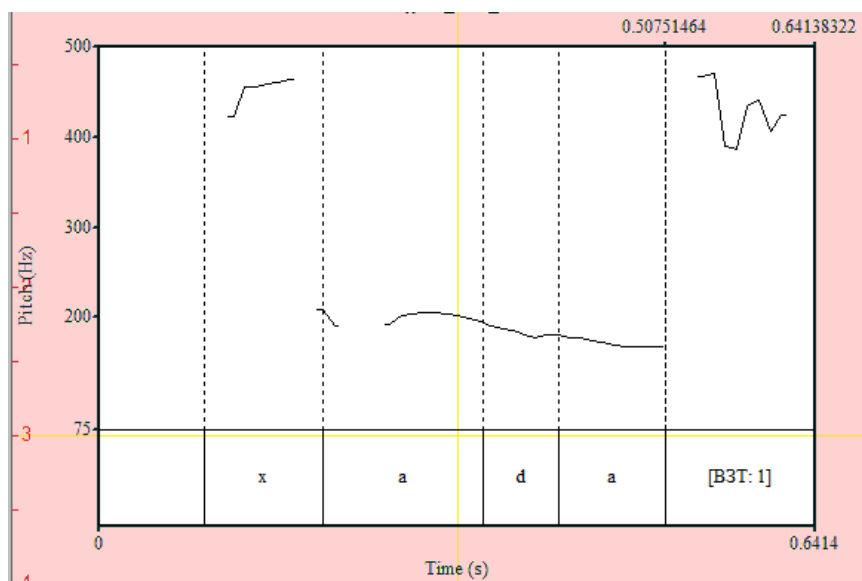
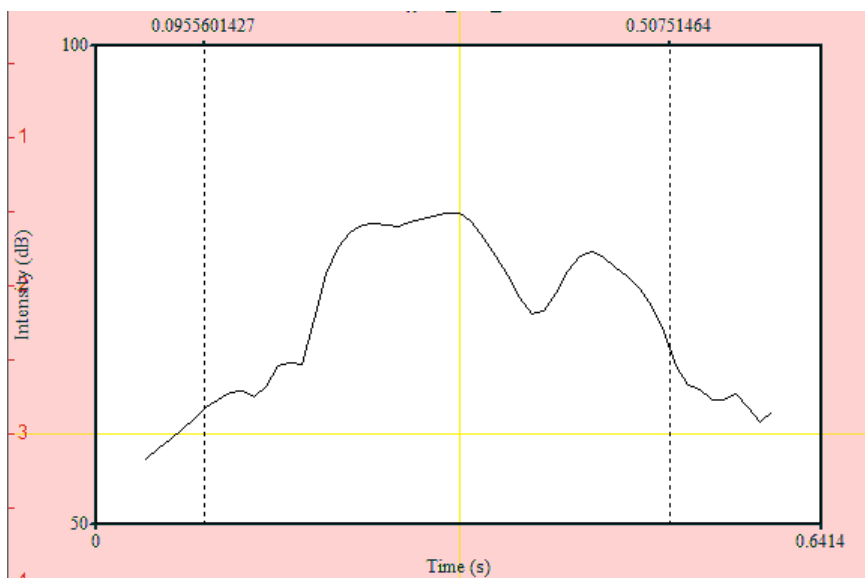
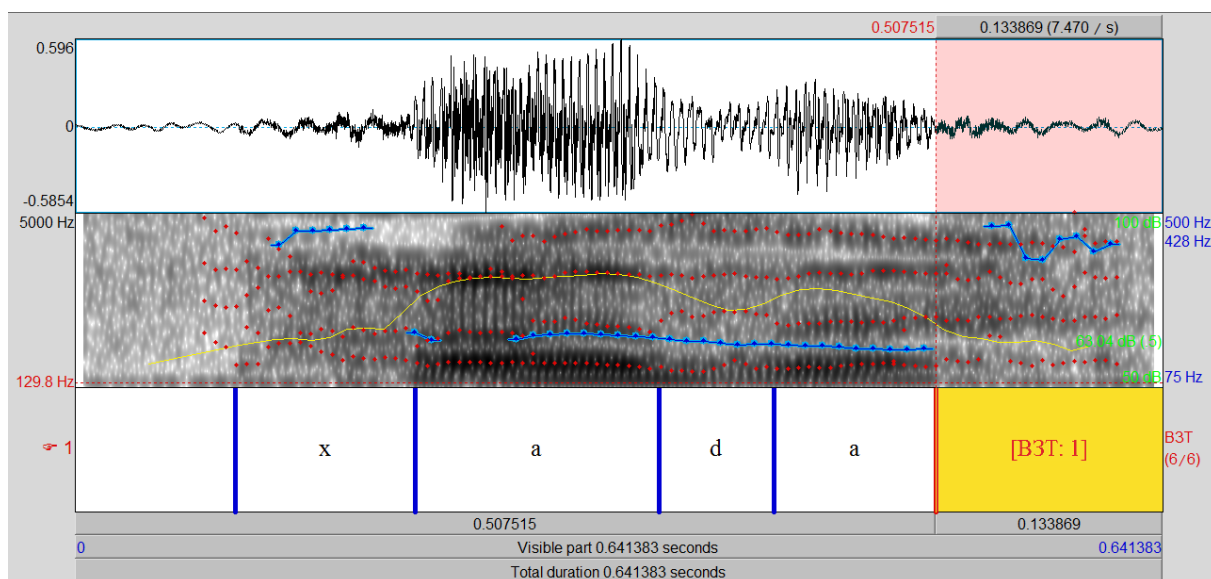
(2Г) Т гыдан. [xáde] *xada* [CYT: 3]

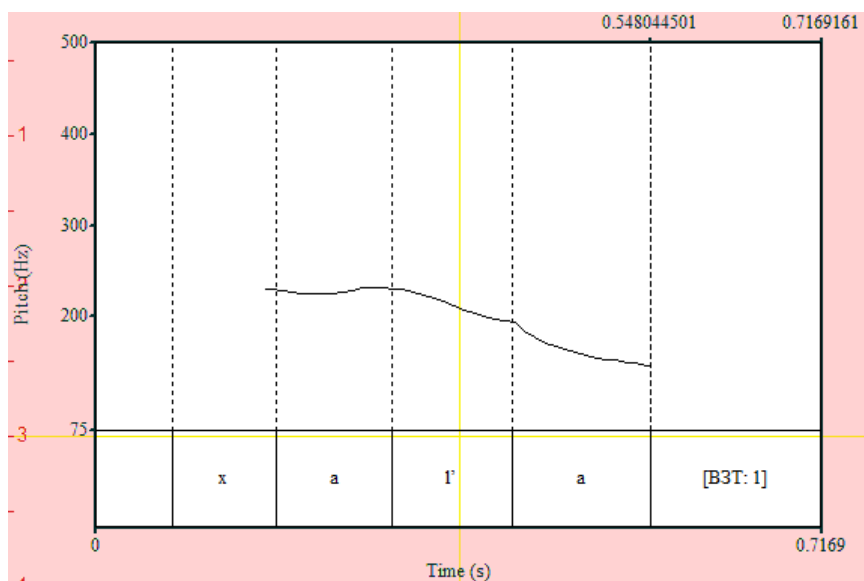
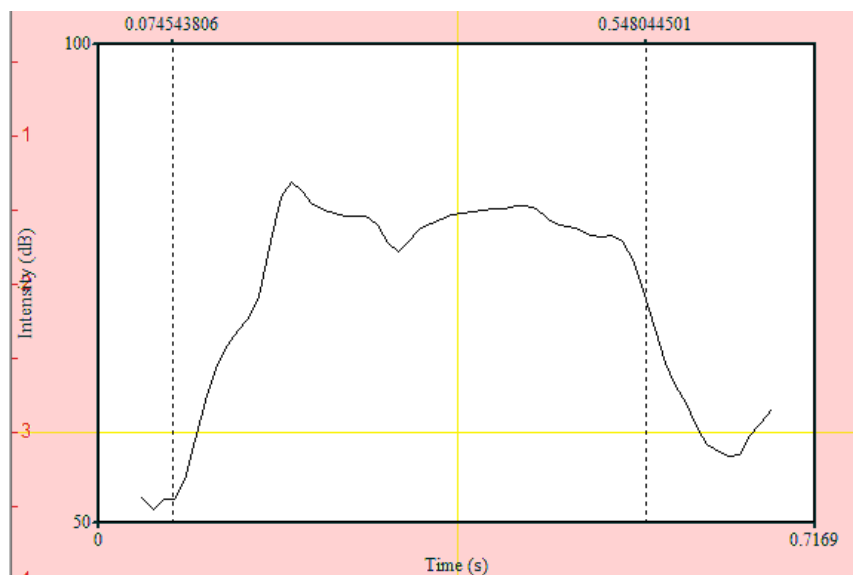
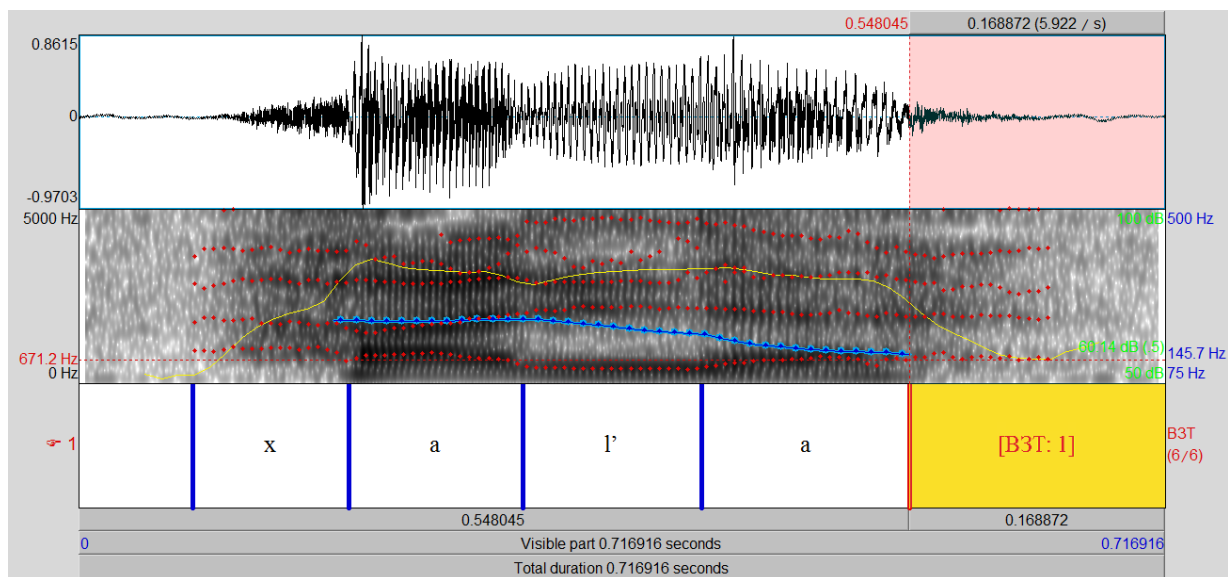
(2Г) Т гыдан. [хáðе] хада [ЯГВ: 1]

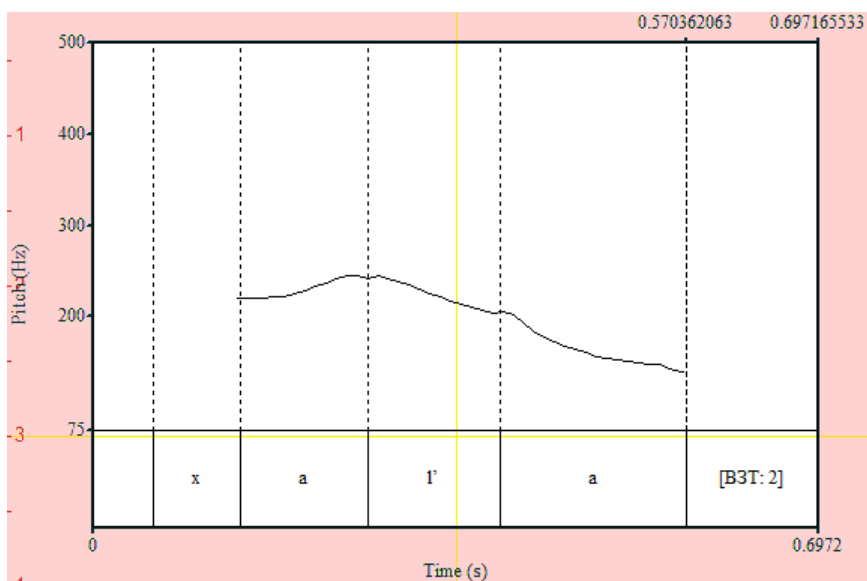
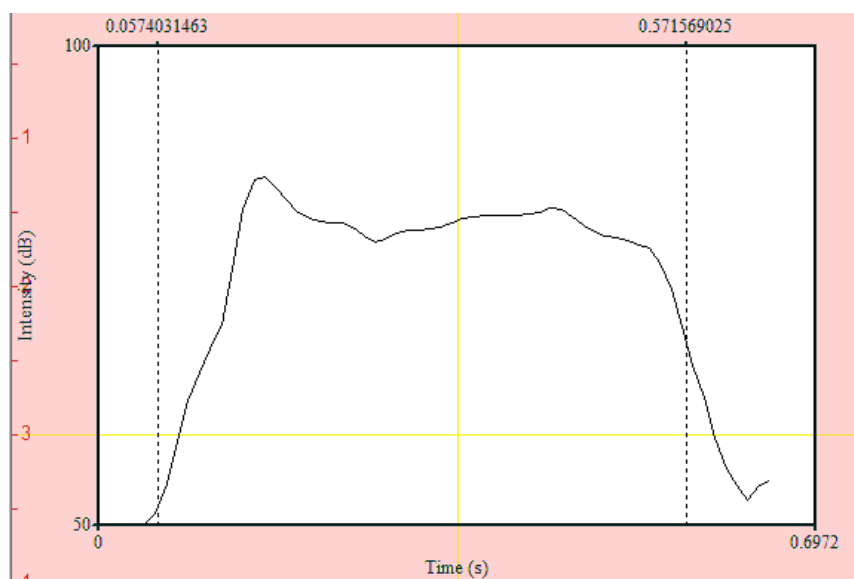
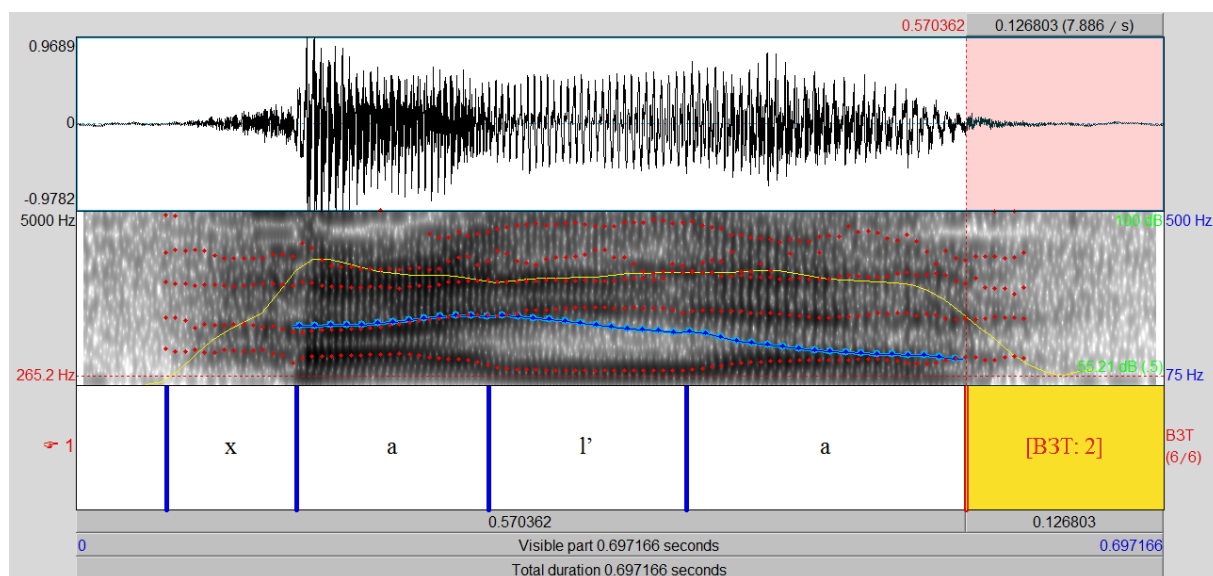
(2Г) Т гыдан. [хáðə] *xada* [ЯГВ: 2]

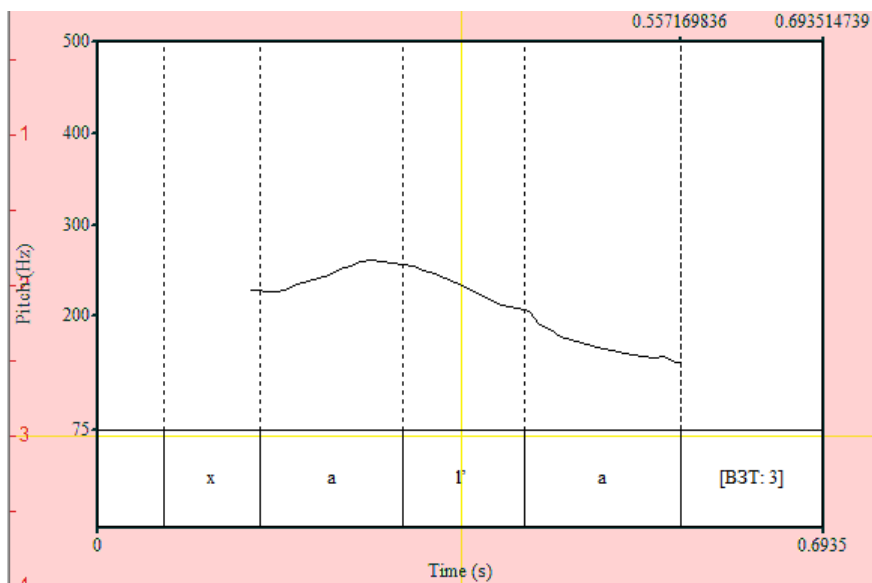
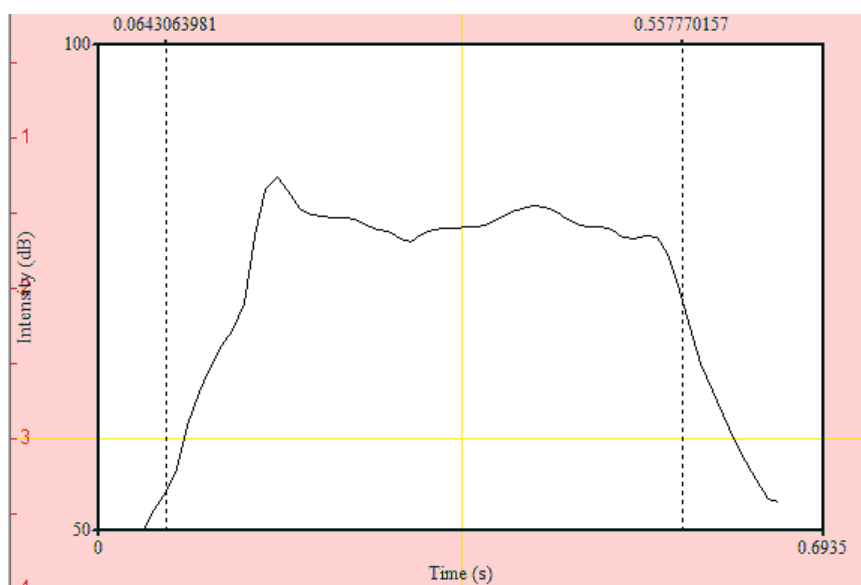
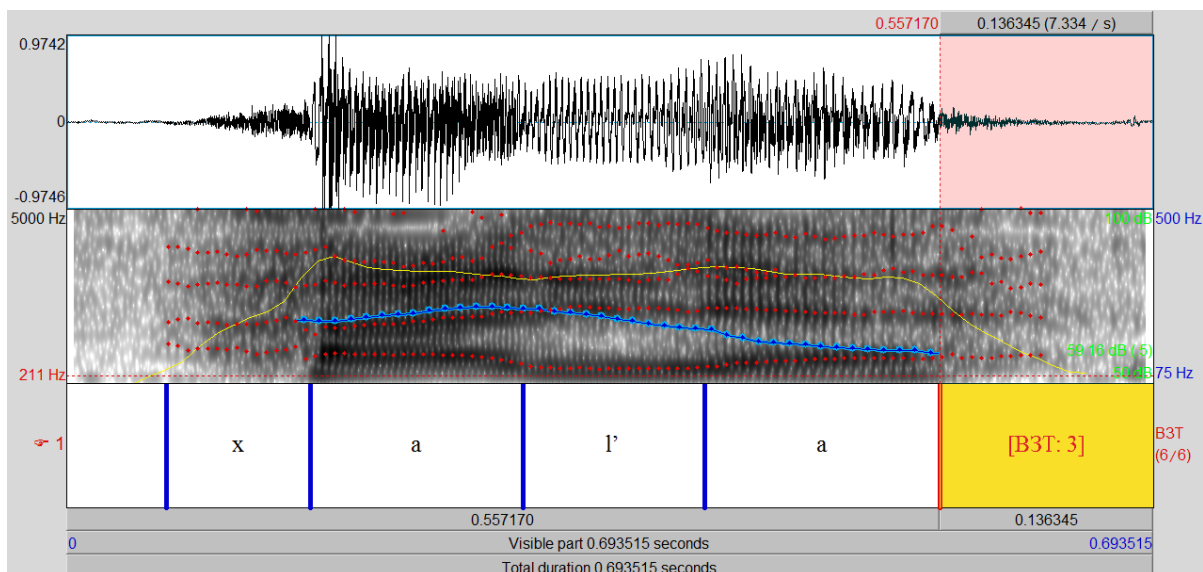
(2Г) Т гыдан. [xáǵɐ] xaɖa [B3T: 1]

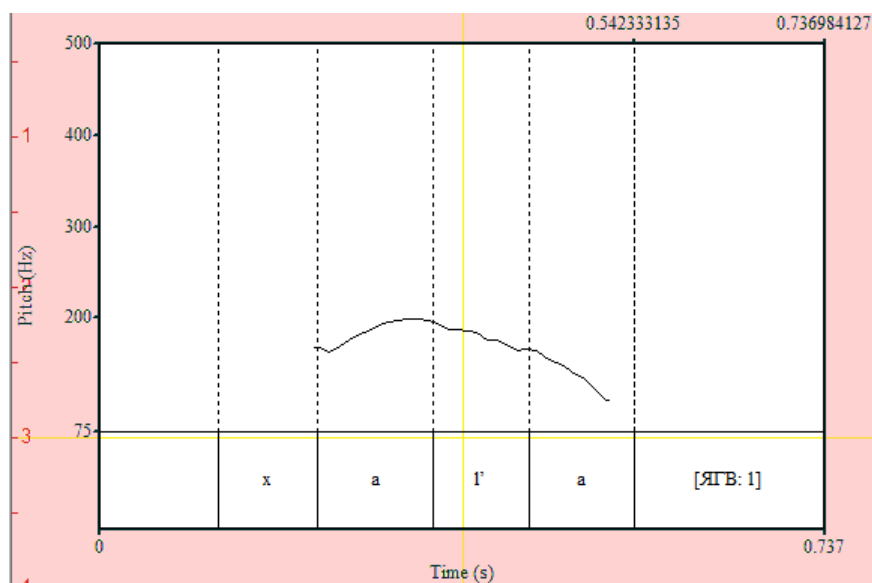
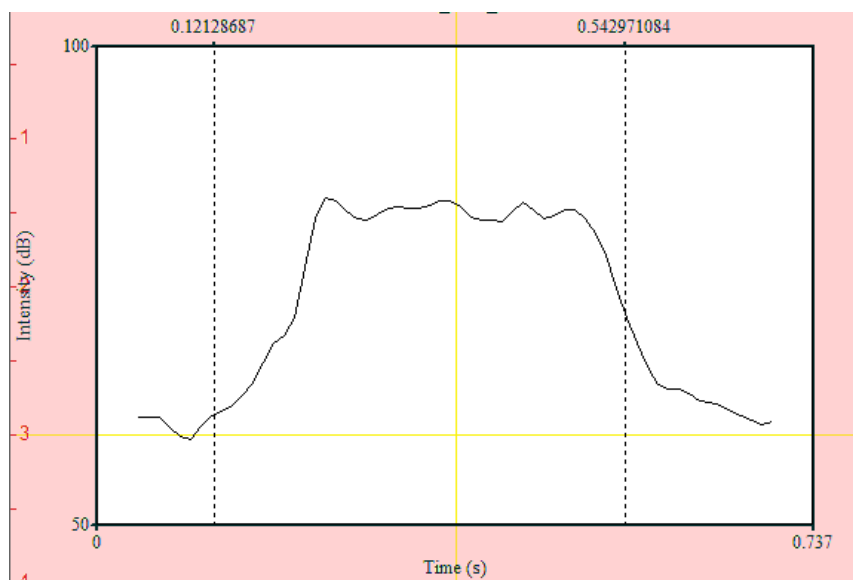
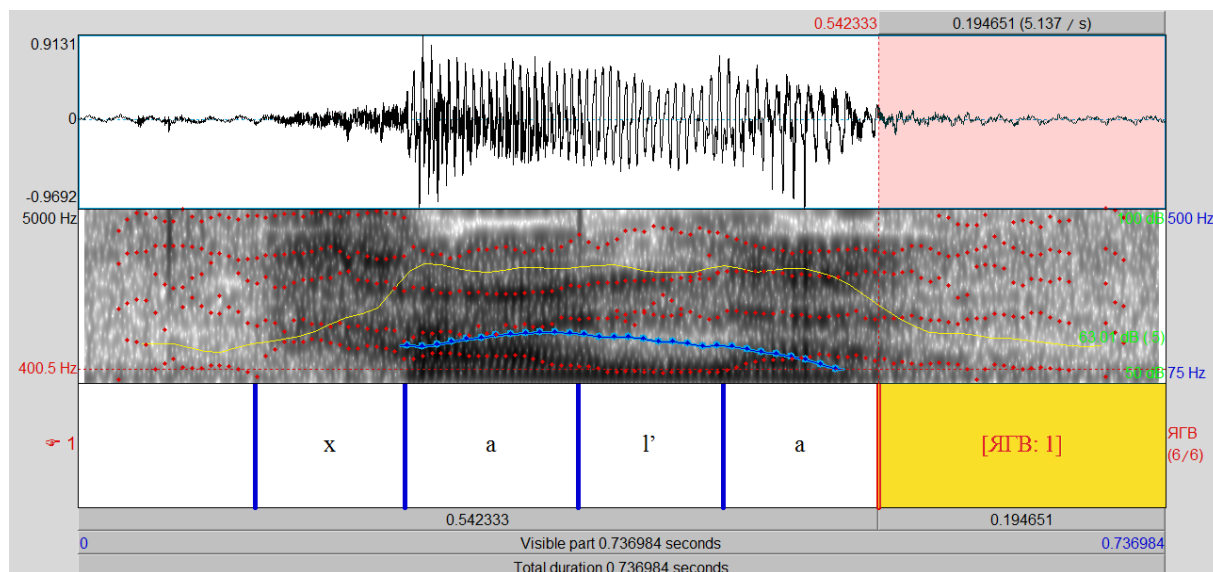
(3Г) Т гыдан. [xálʲɜ] ([xálʲɛ]) *xal'a* [B3T: 1]

(3Г) Т гыдан. [xálʲɜ] ([xálʲɛ]) xal'a [B3T: 2]

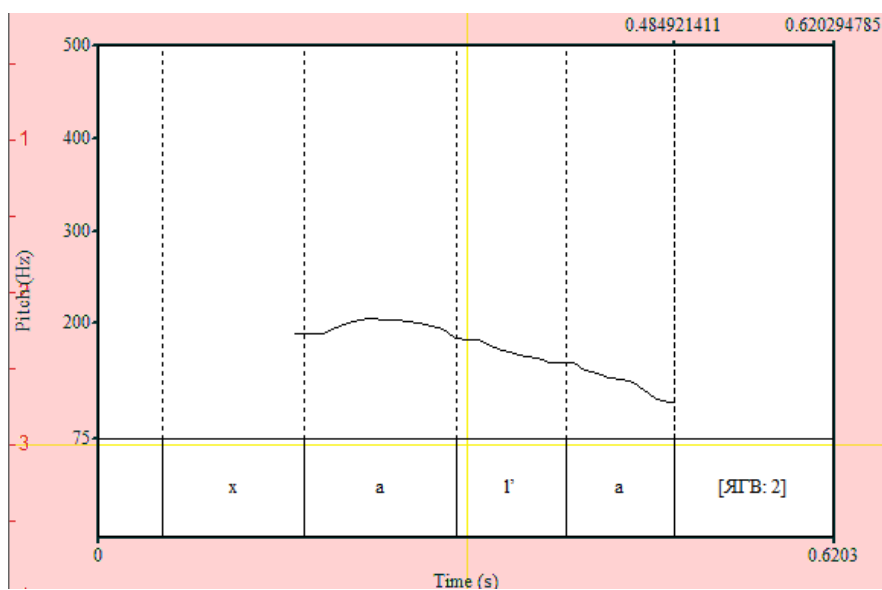
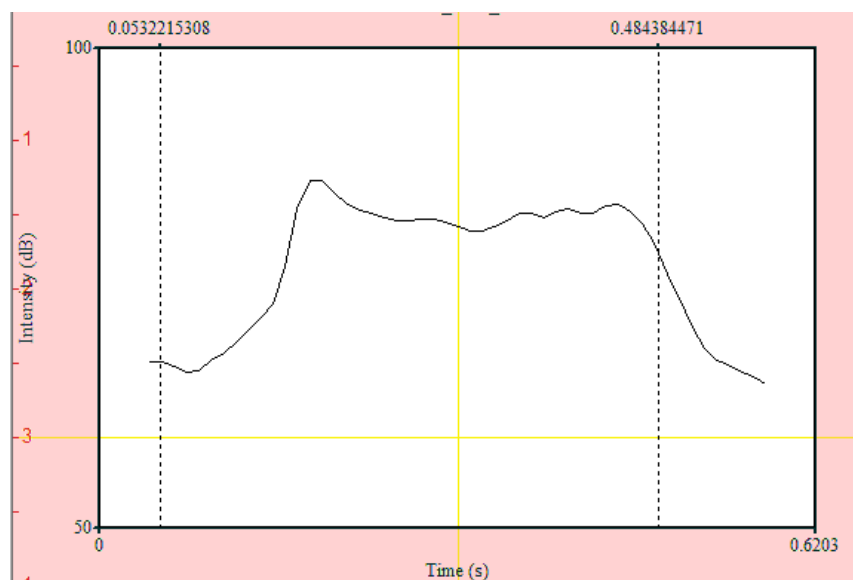
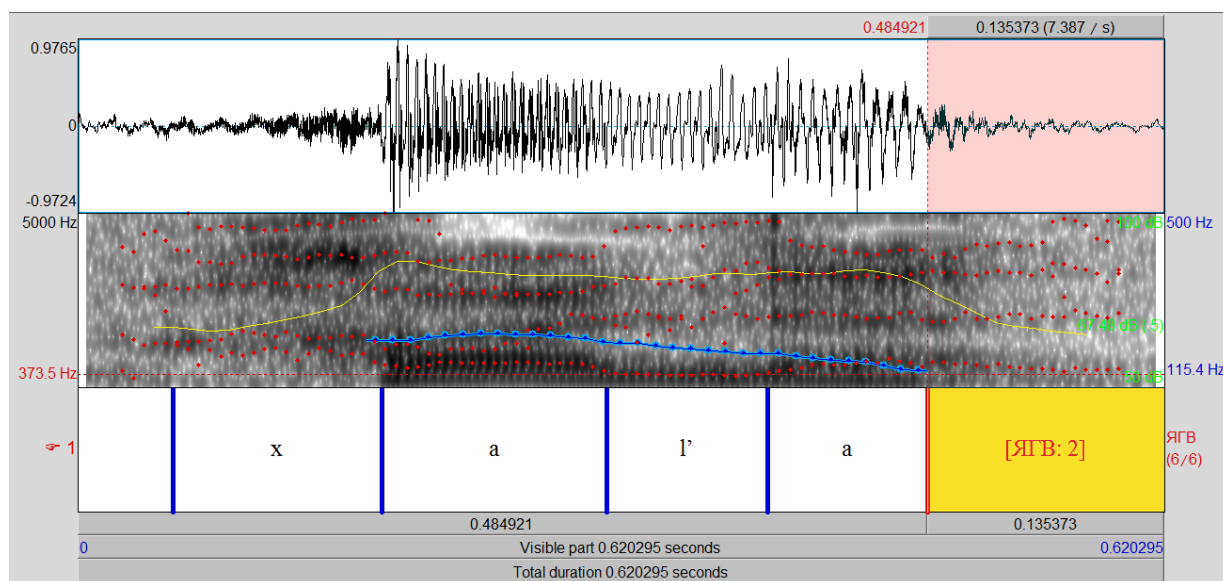

(3Г) Т гыдан. [xálʲɜ] ([xálʲɛ]) *xal'a* [B3T: 3]

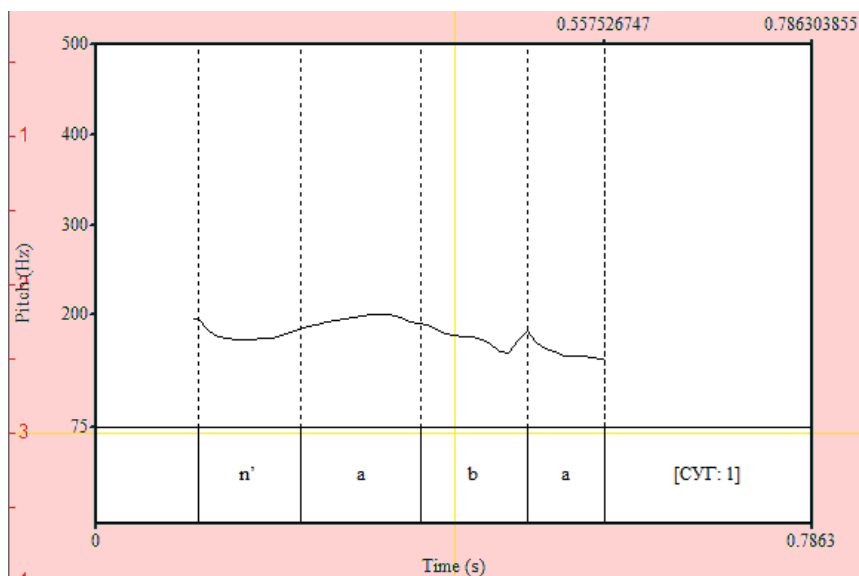
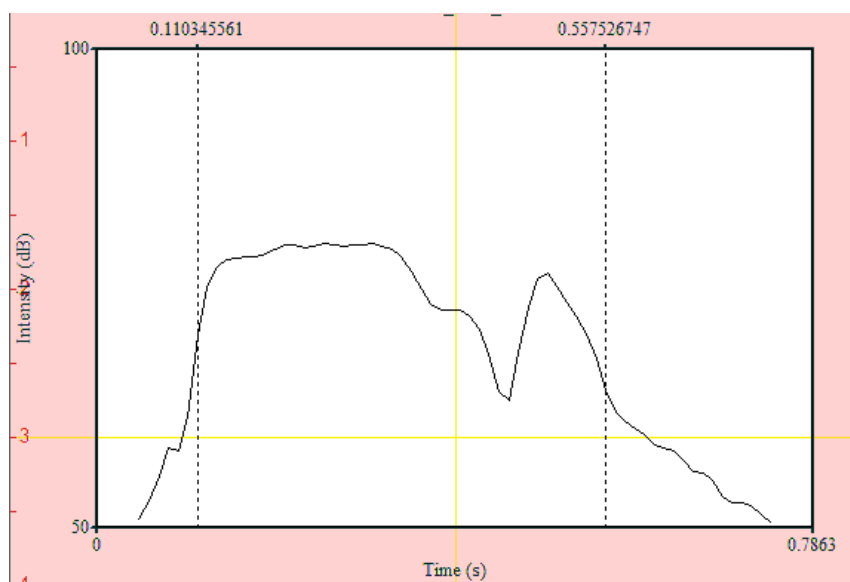
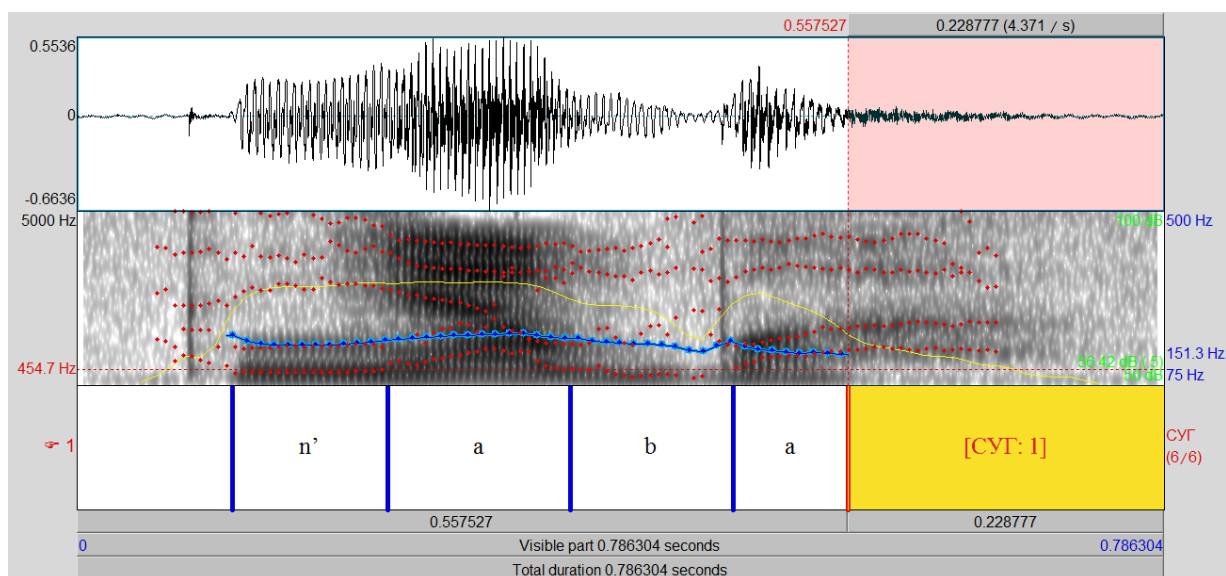
(ЗГ) Т гыдан. [xálʲɜ] ([xálʲɛ]) xal'a [ЯГВ: 1]

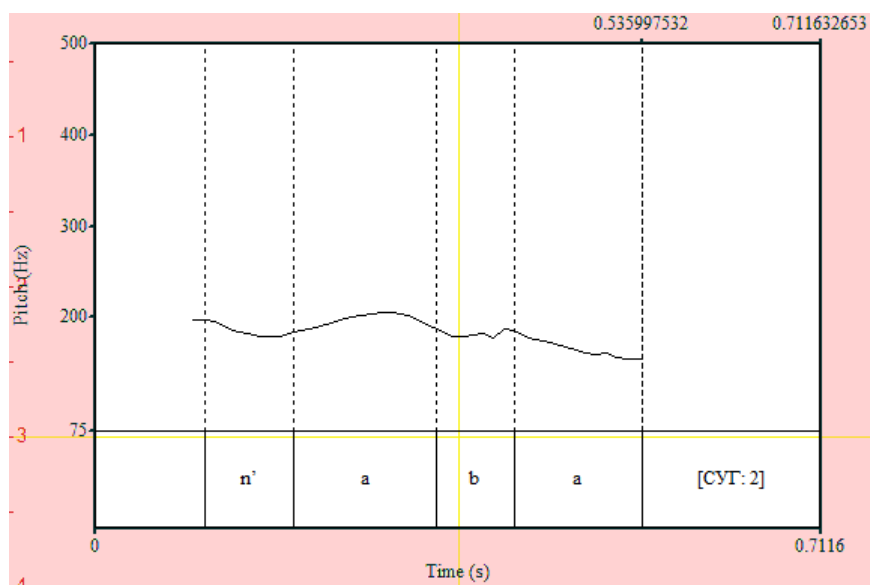
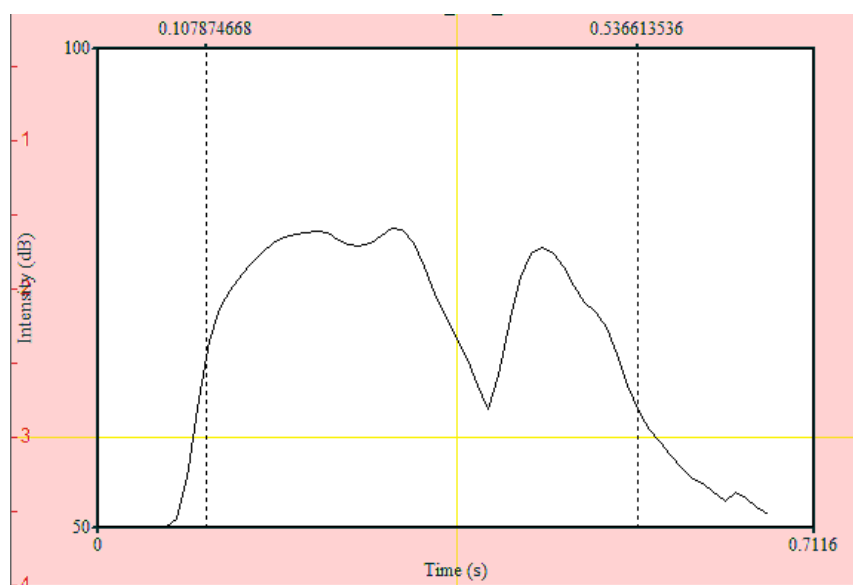
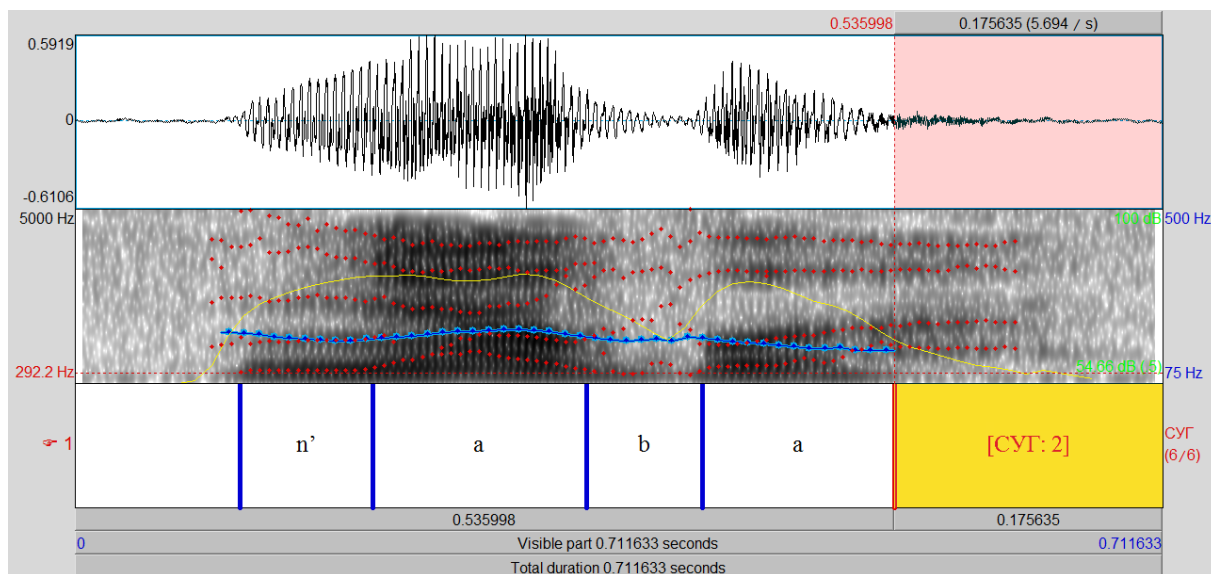

(3Г) Т гыдан. [xálʲɜ] ([xálʲɛ]) *xal'a* [ЯГВ: 2]

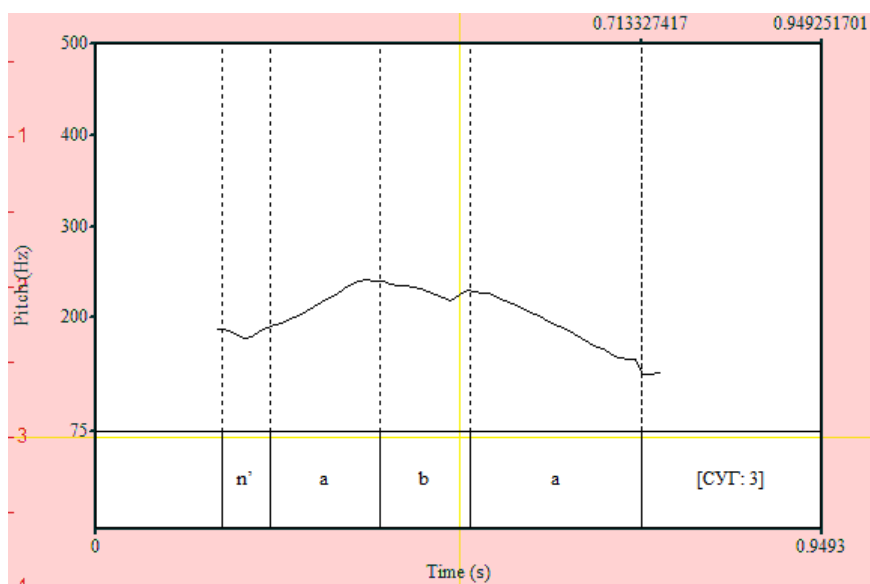
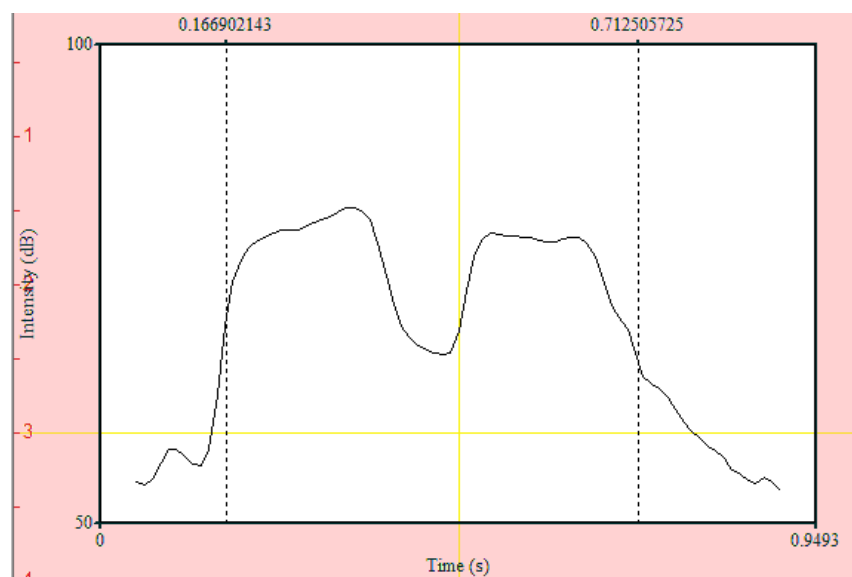
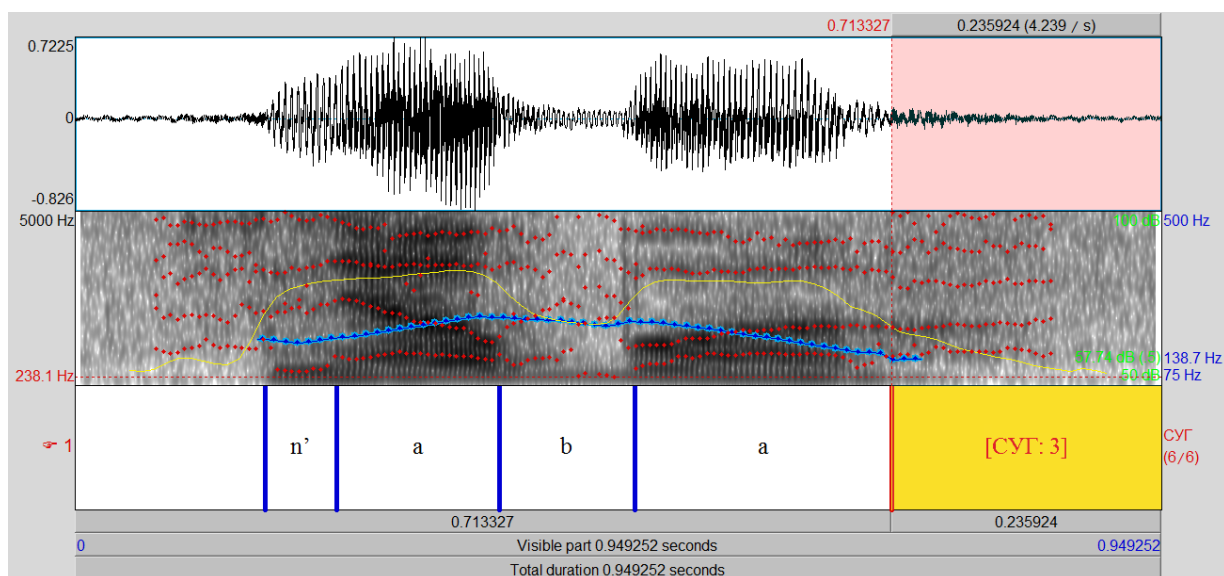

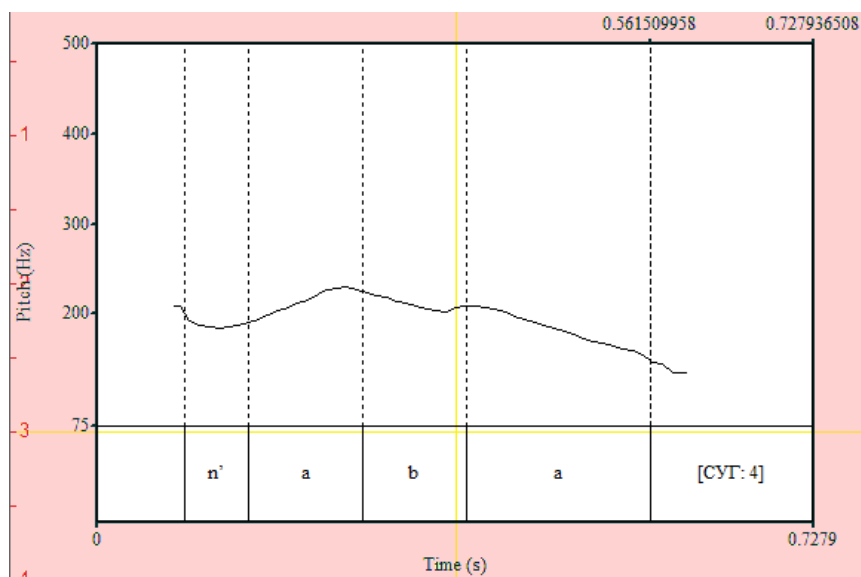
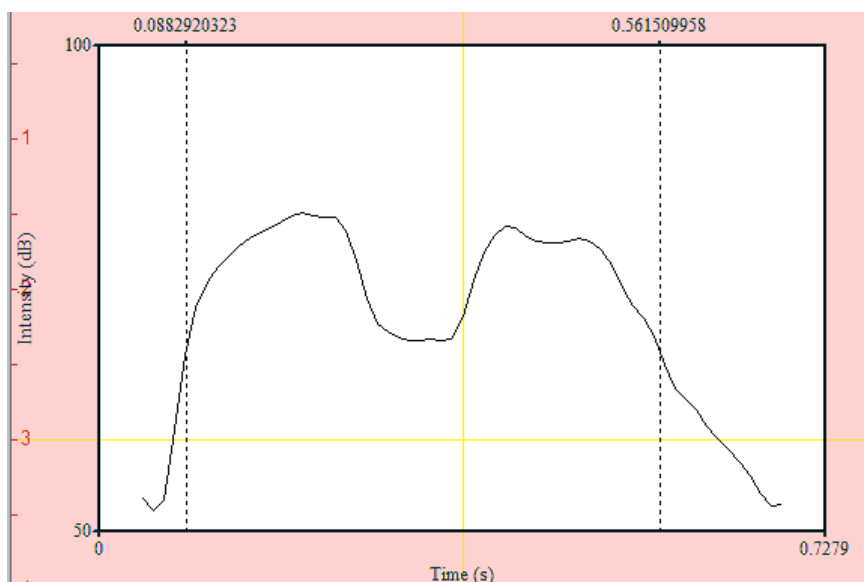
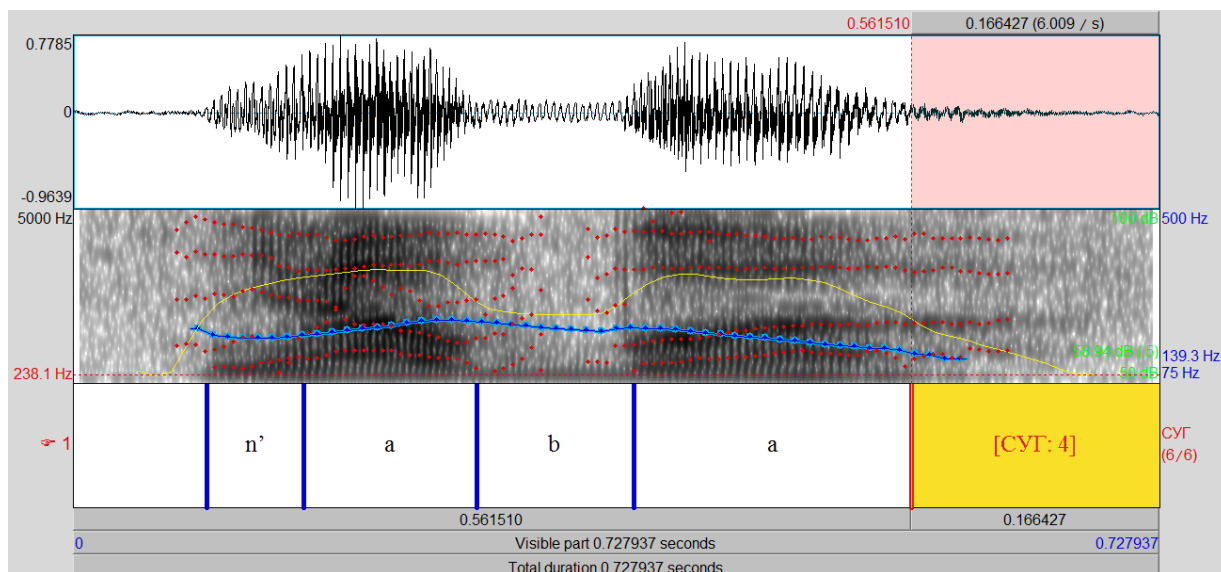
(4Г) Т гыдан. [nʰábe] n'aba [CUT: 1]

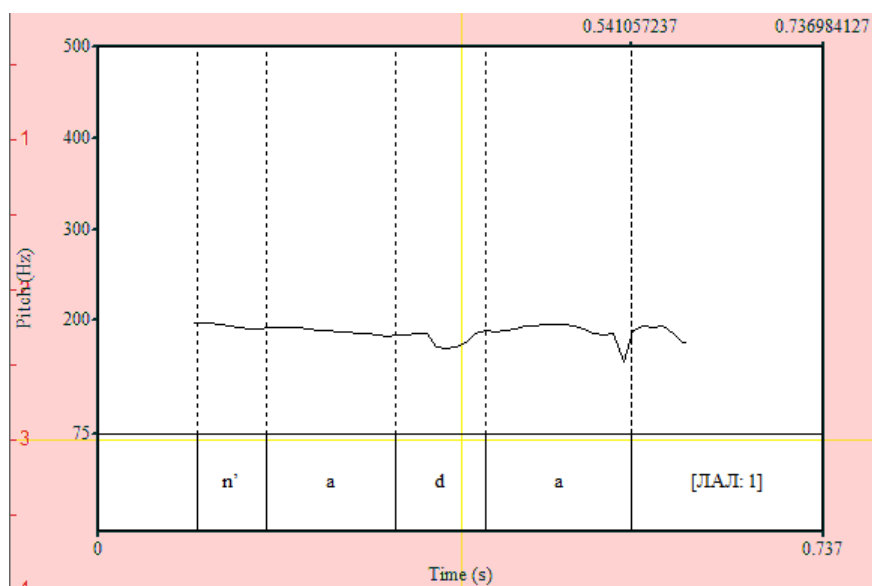
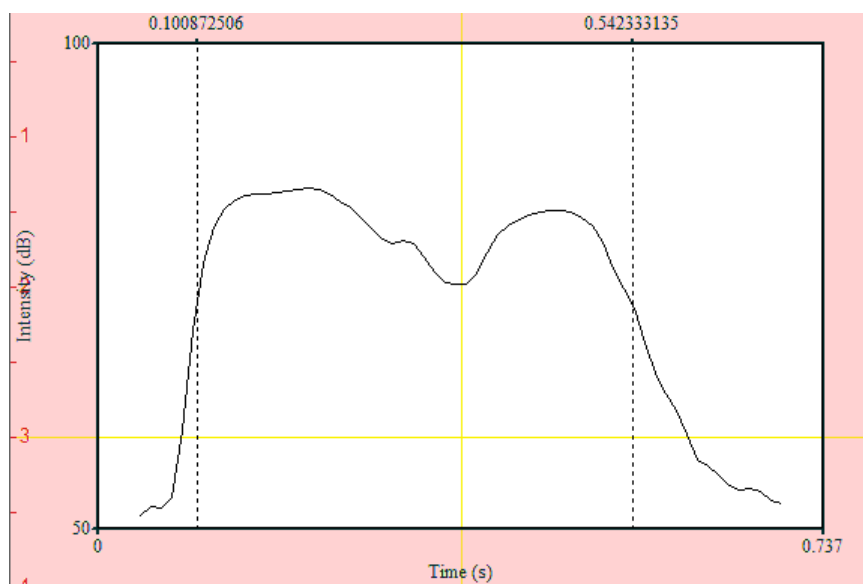
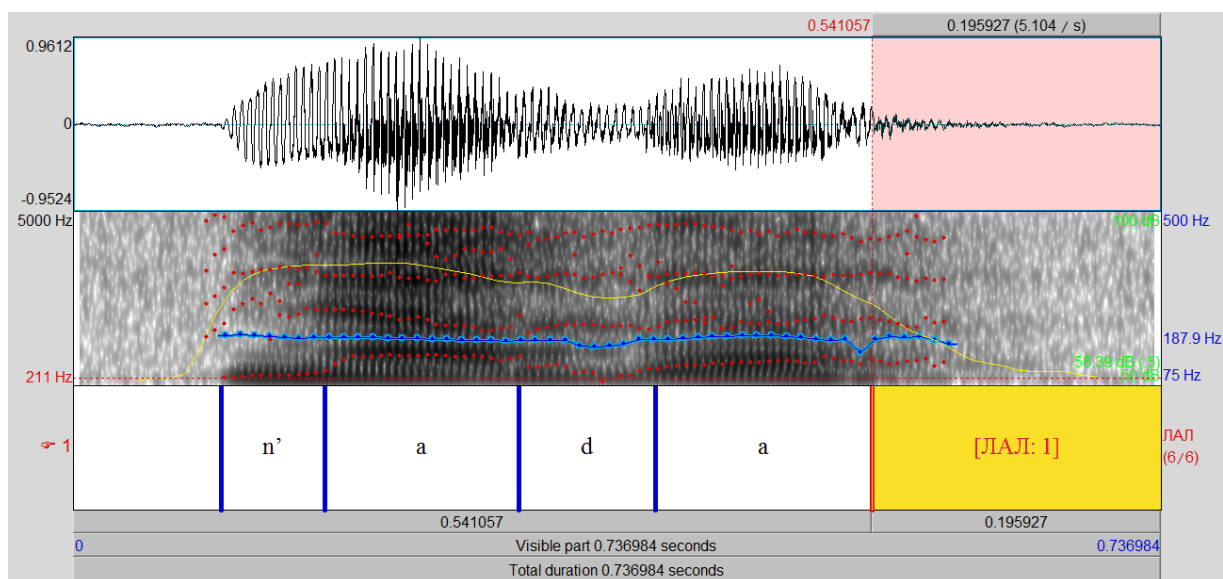
(4Г) Т гыдан. [n'ábe] *n'aba* [CUT: 2]

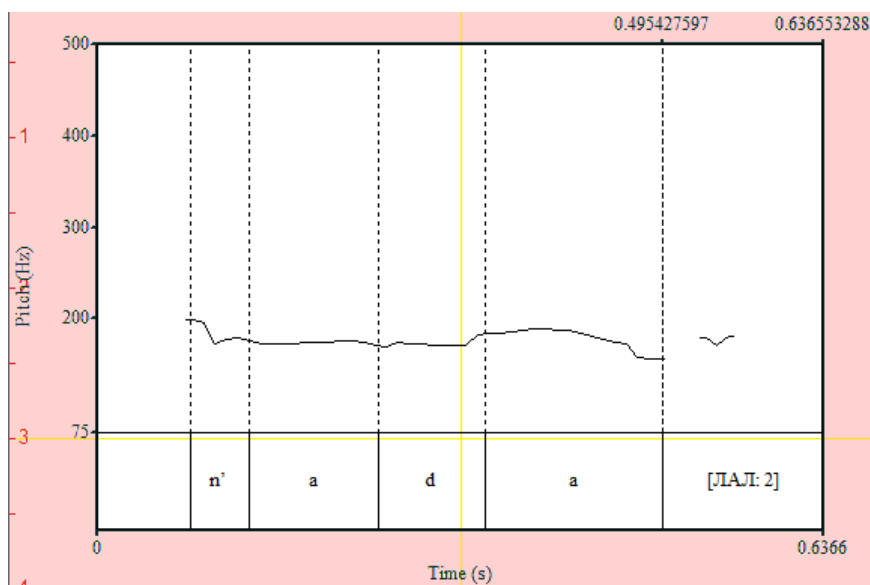
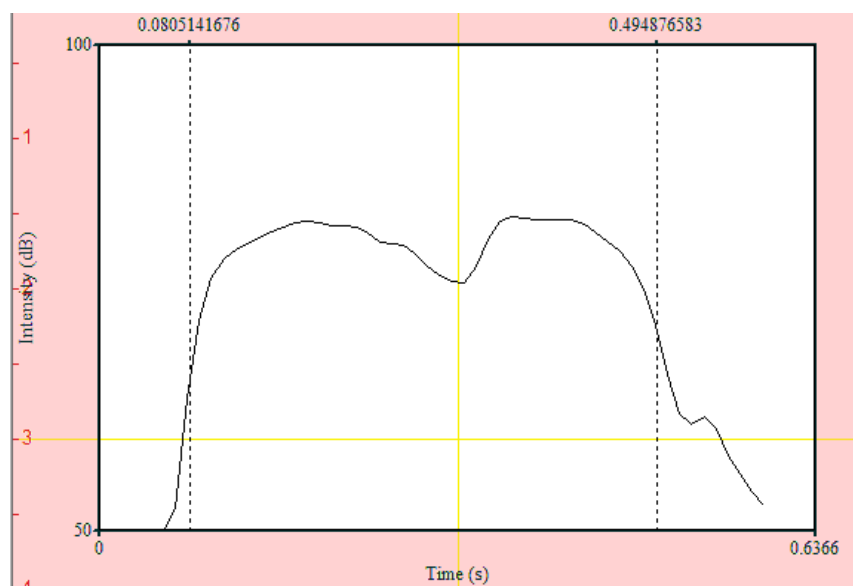
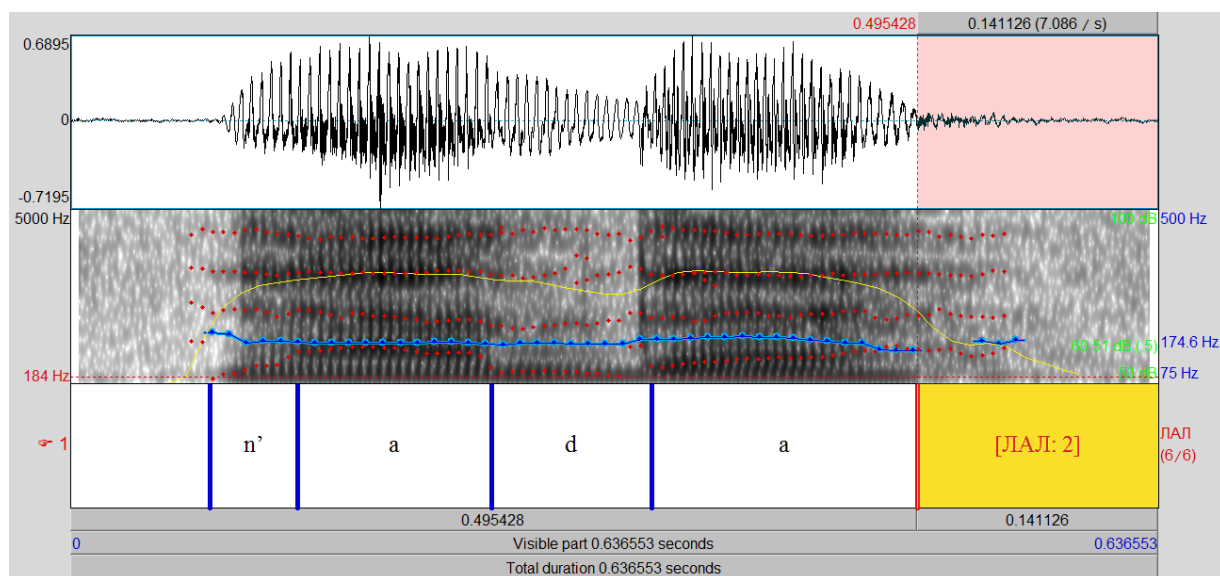
(4Г) Т гыдан. [n'aba] n'aba [CYT: 3]

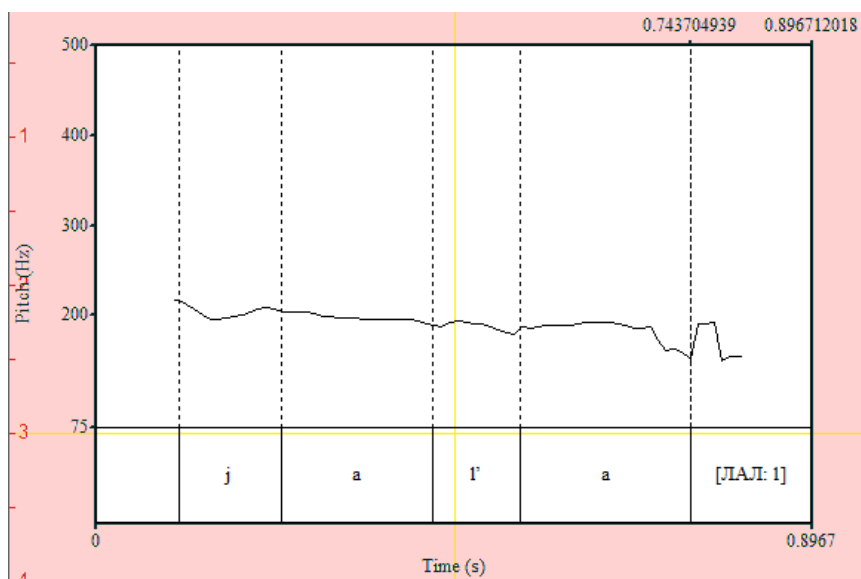
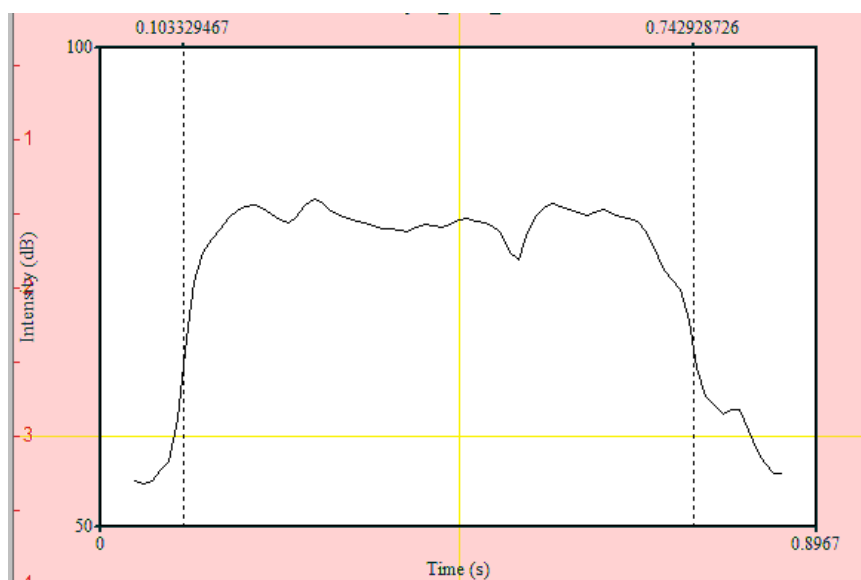
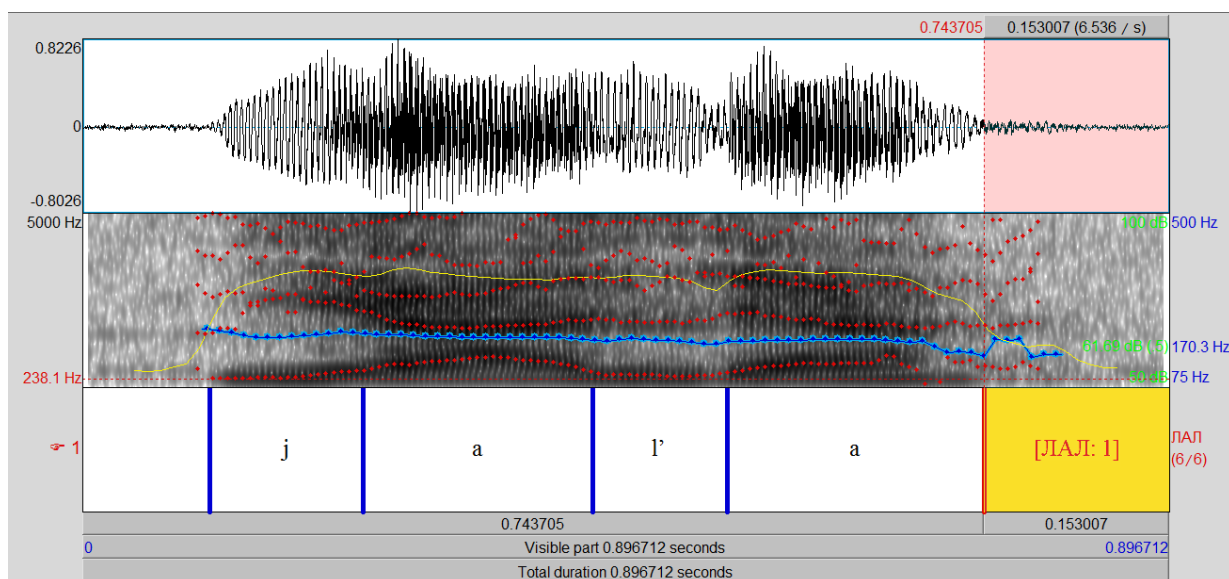
(4Г) Т гыдан. [n'ába] *n'aba* [CUT: 4]

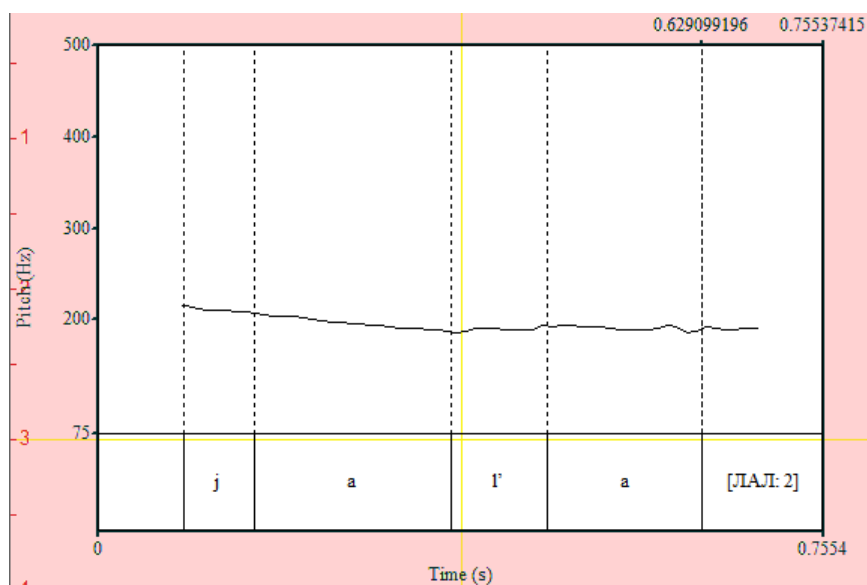
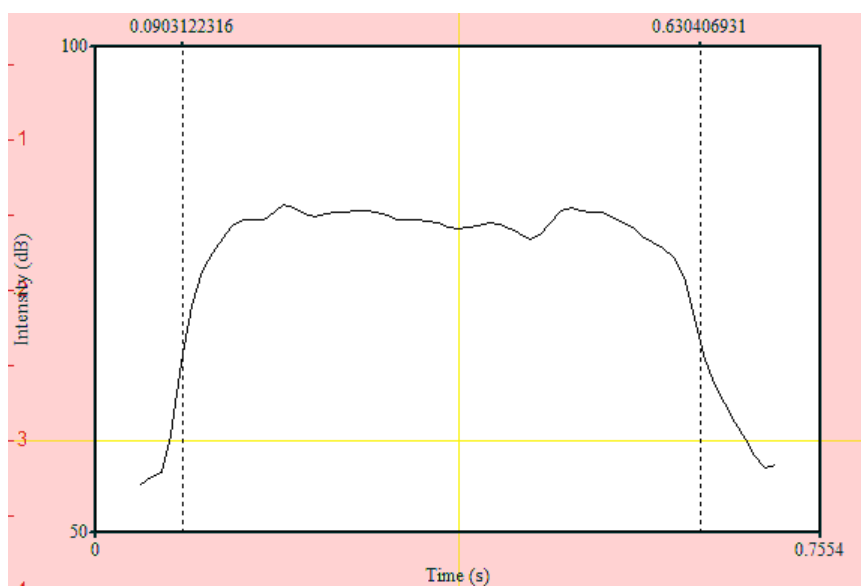
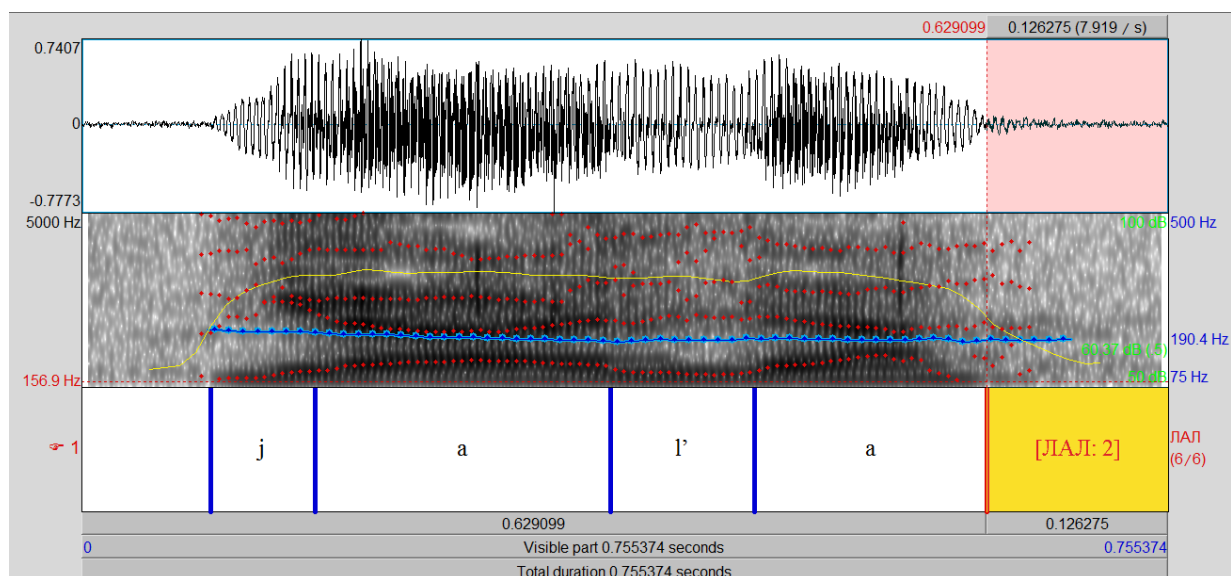
(5Г) Т гыдан. [nʰade] nʰada [ЛАЛ: 1]

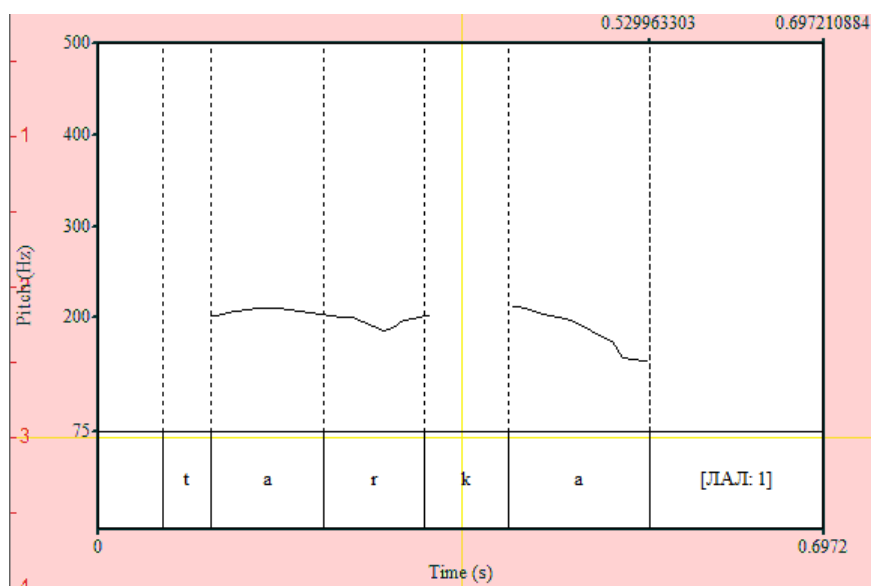
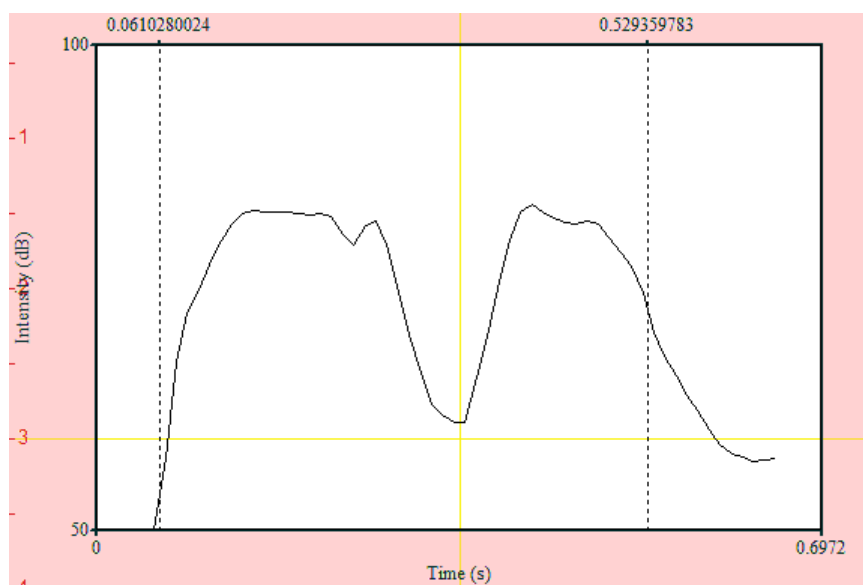
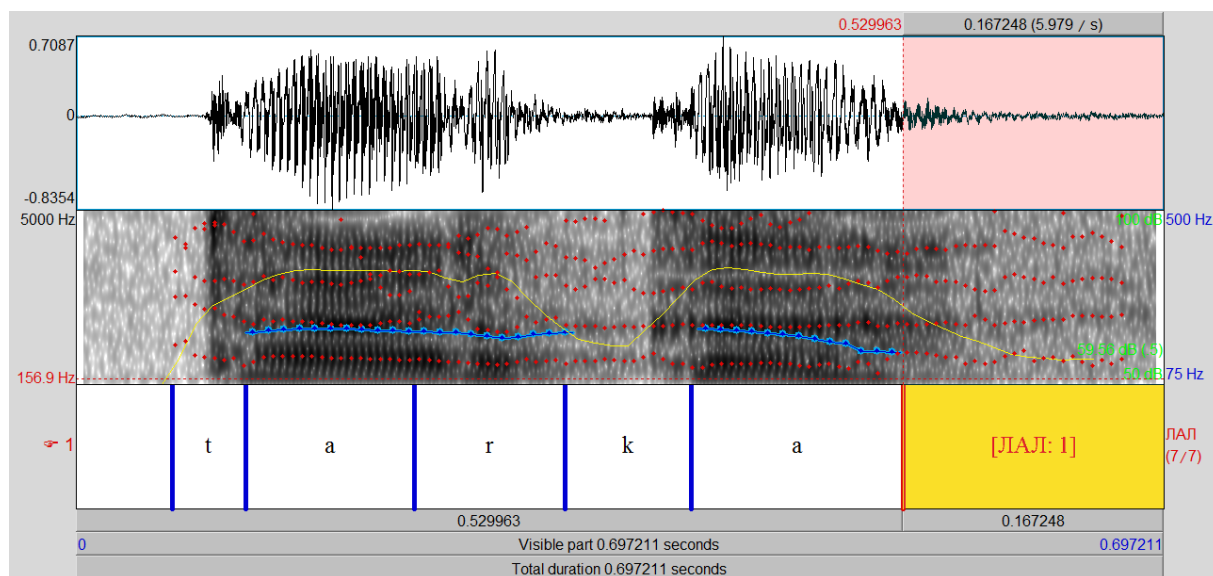
(5Г) Т гыдан. [n'ade] *n'ada* [ЛАЛ: 2]

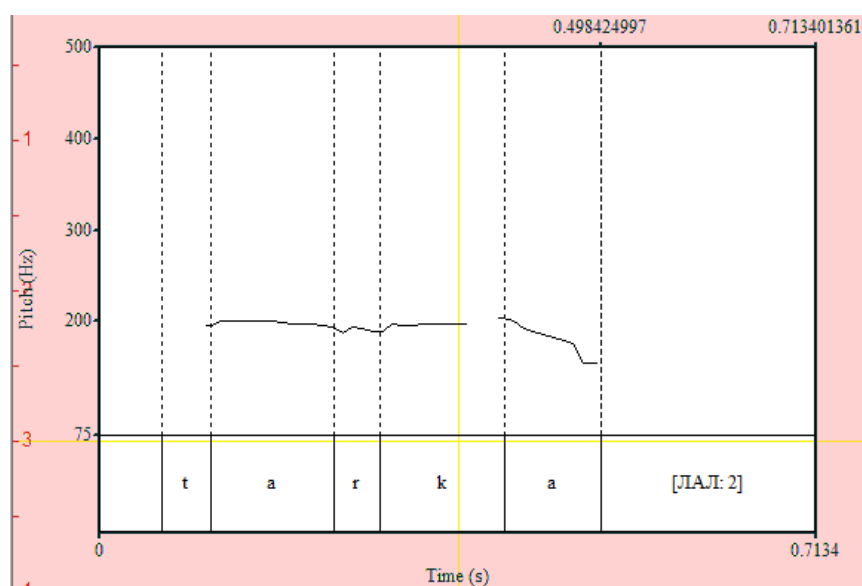
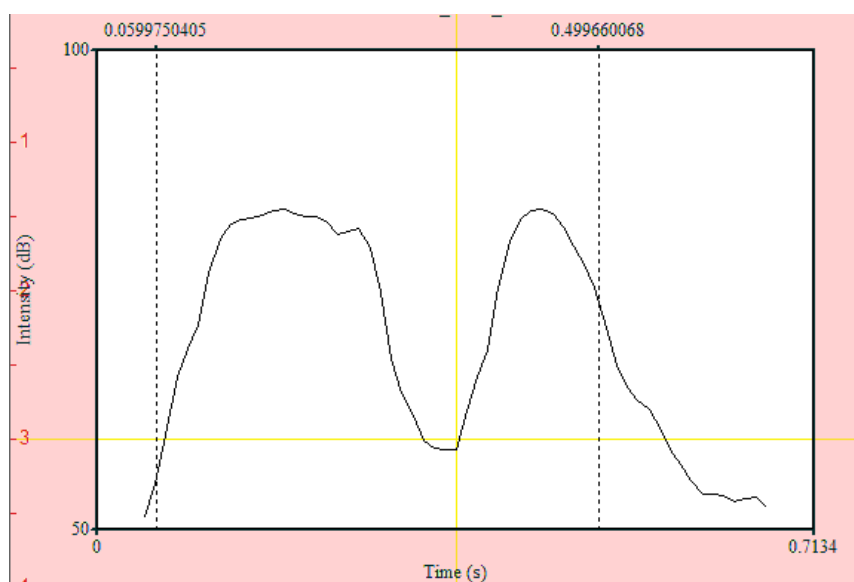
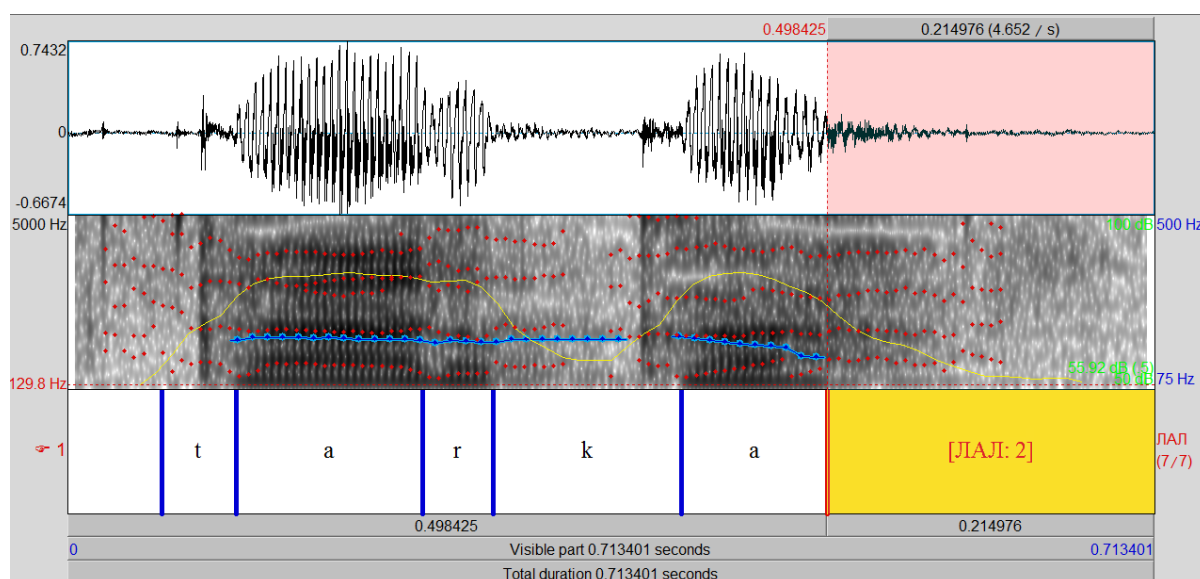
(6Г) Т гыдан. [jál'a] *jal'a* [ЛАЛ: 1]

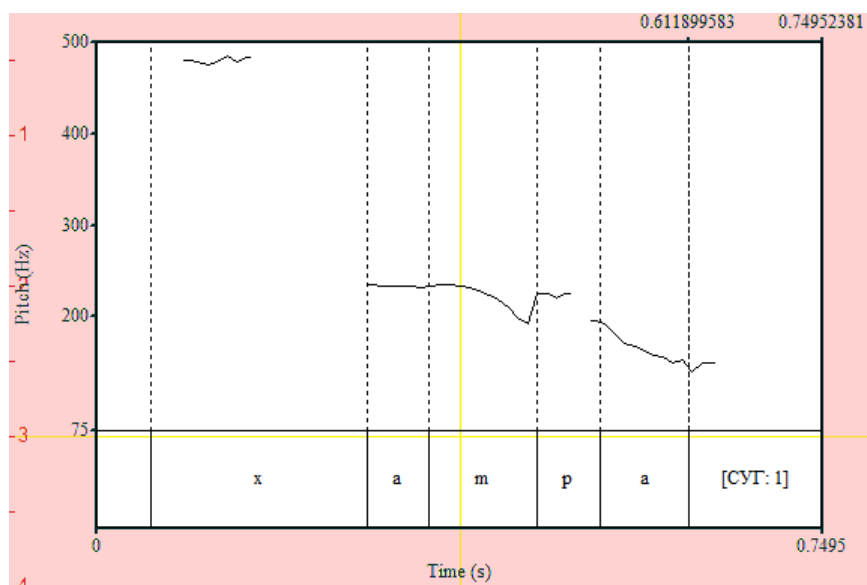
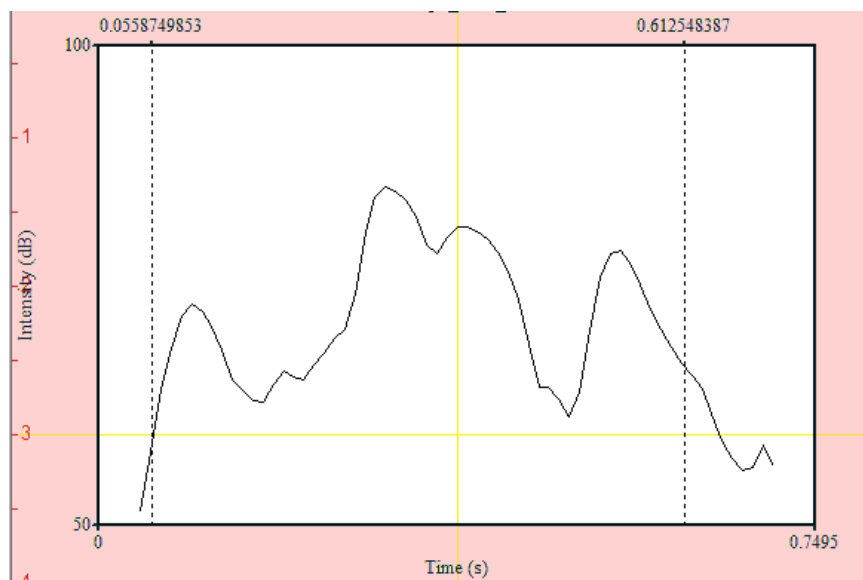
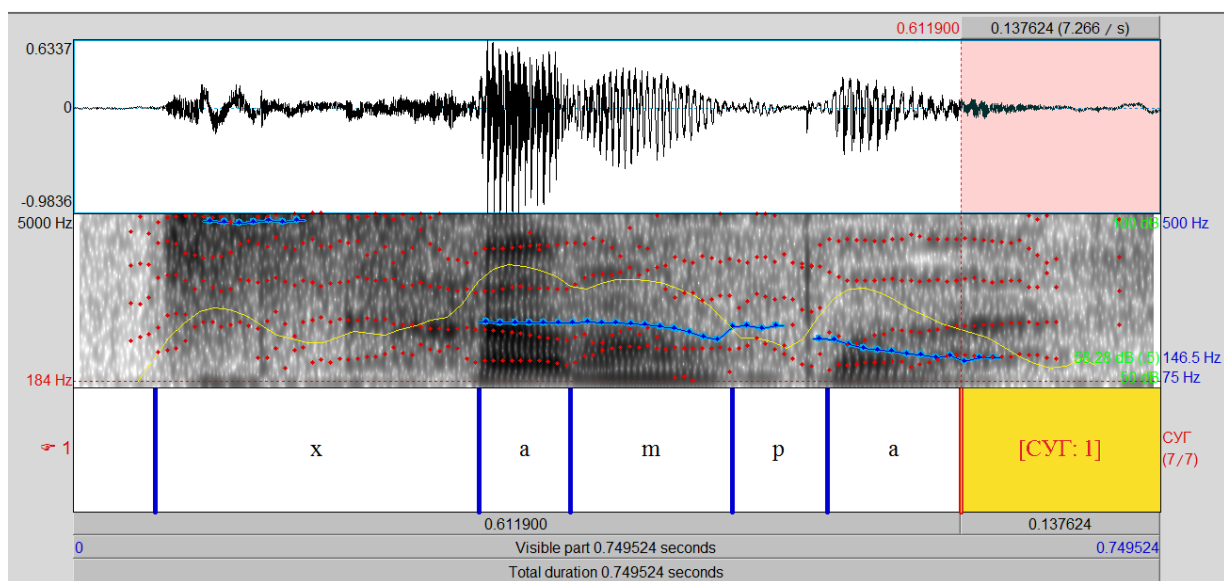
(6Г) Т гыдан. [jál'a] *jal'a* [ЛЛЛ: 2]

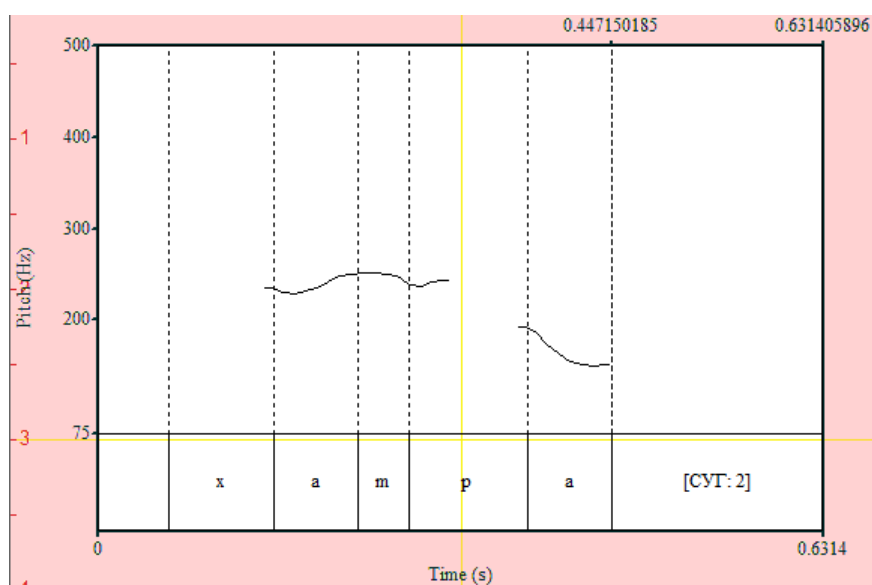
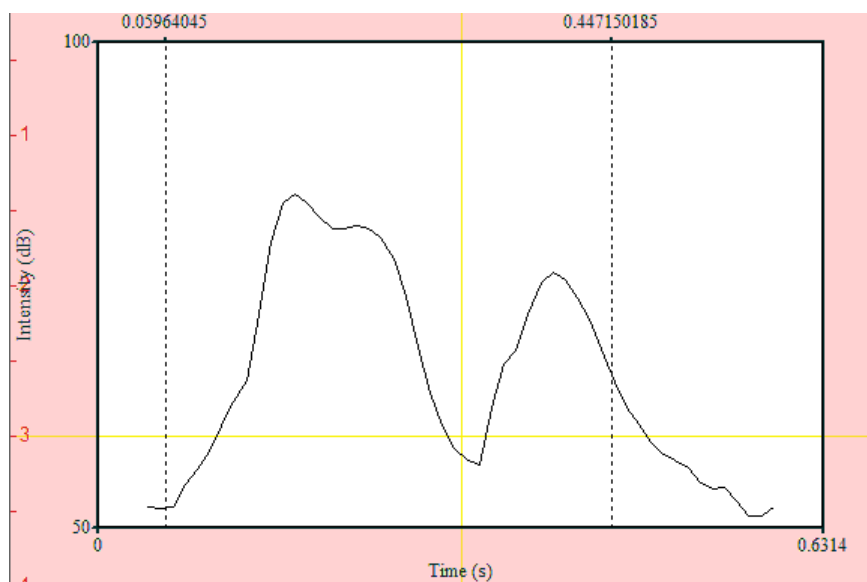
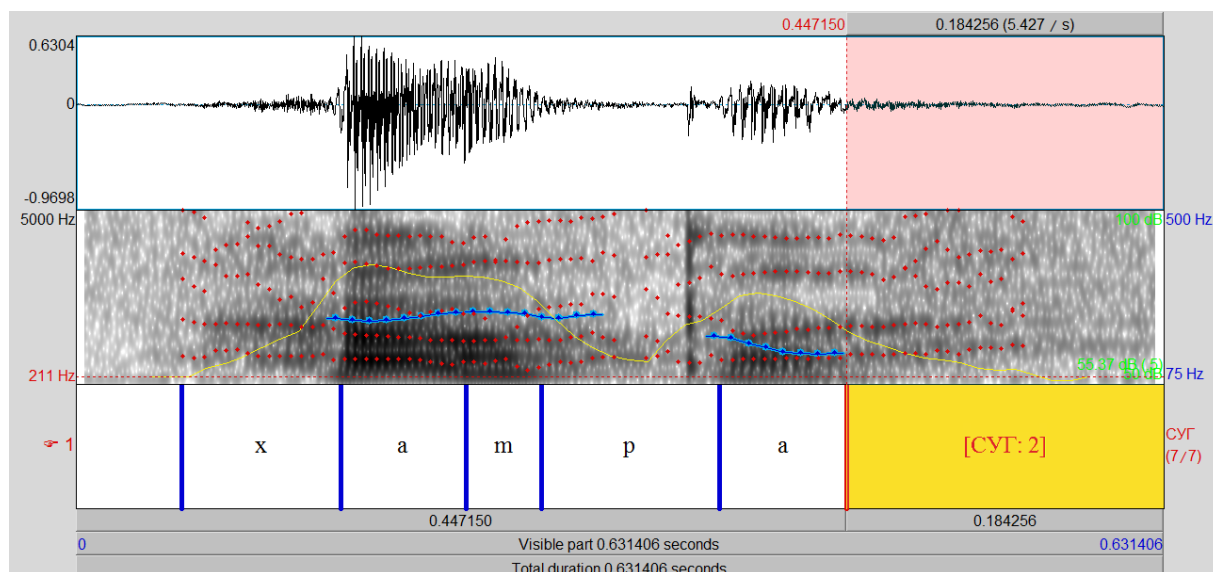
(7Г) Т гыдан. [tárka] *tarka* [ЛАЛ: 1]

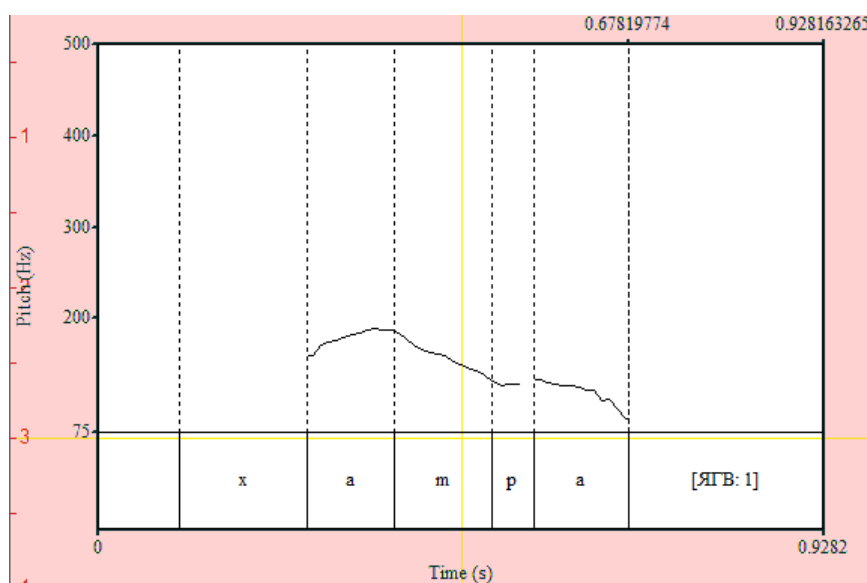
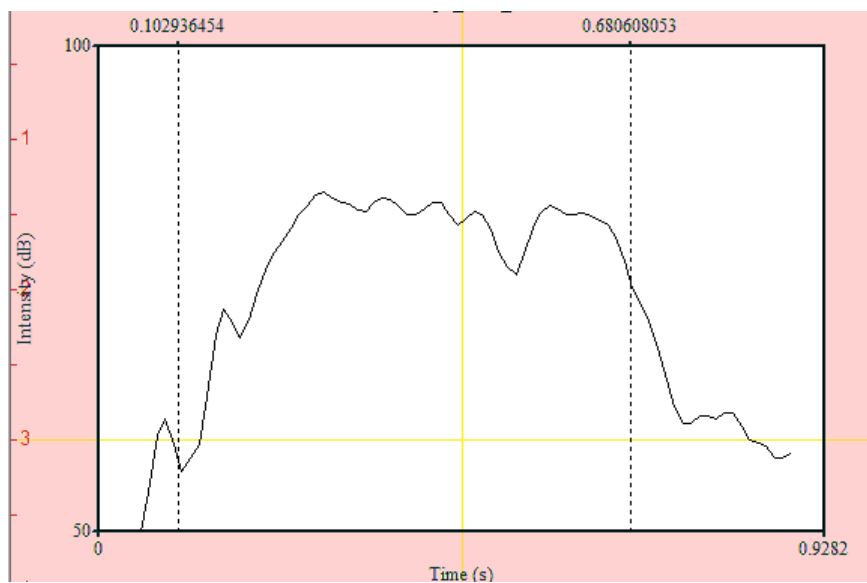
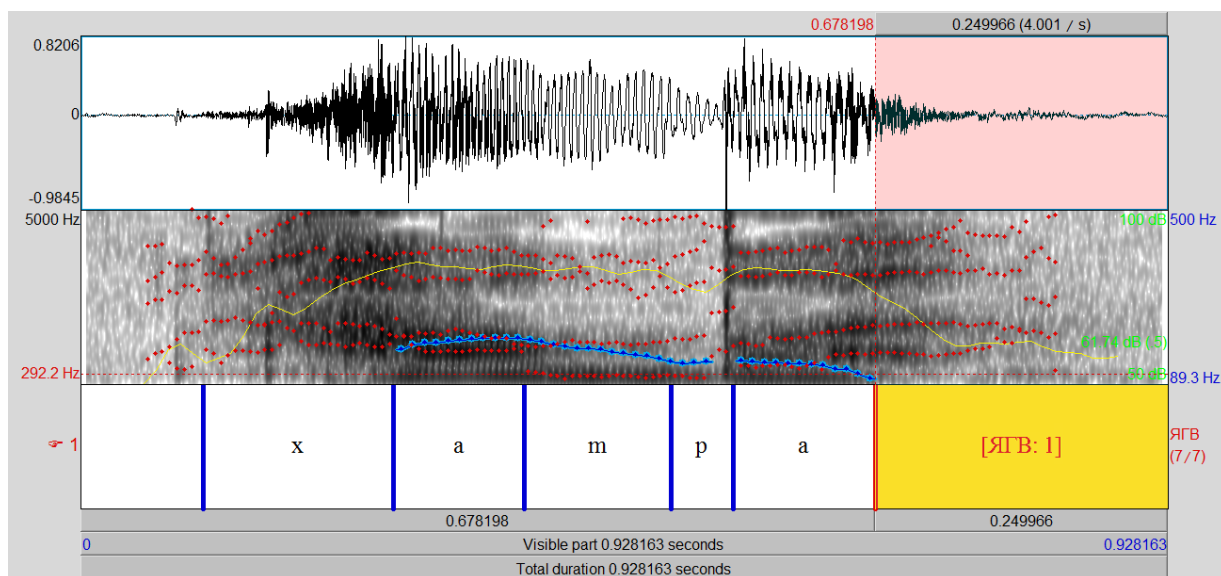
(7Г) Т гыдан. [tárkə] *tarka* [ЛАЛ: 2]

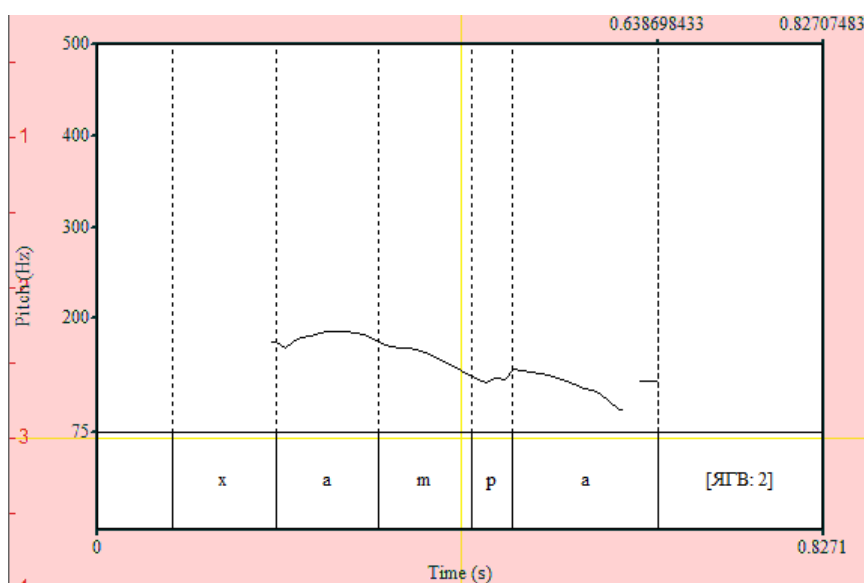
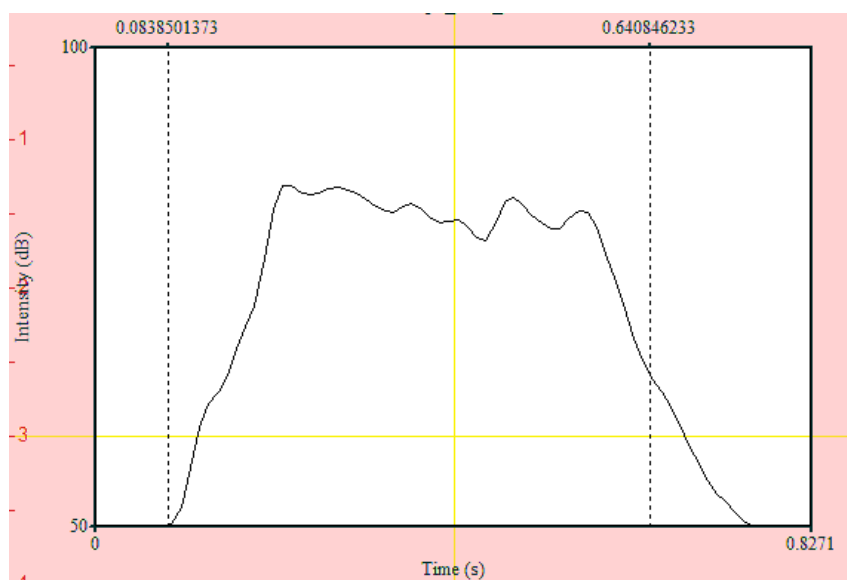
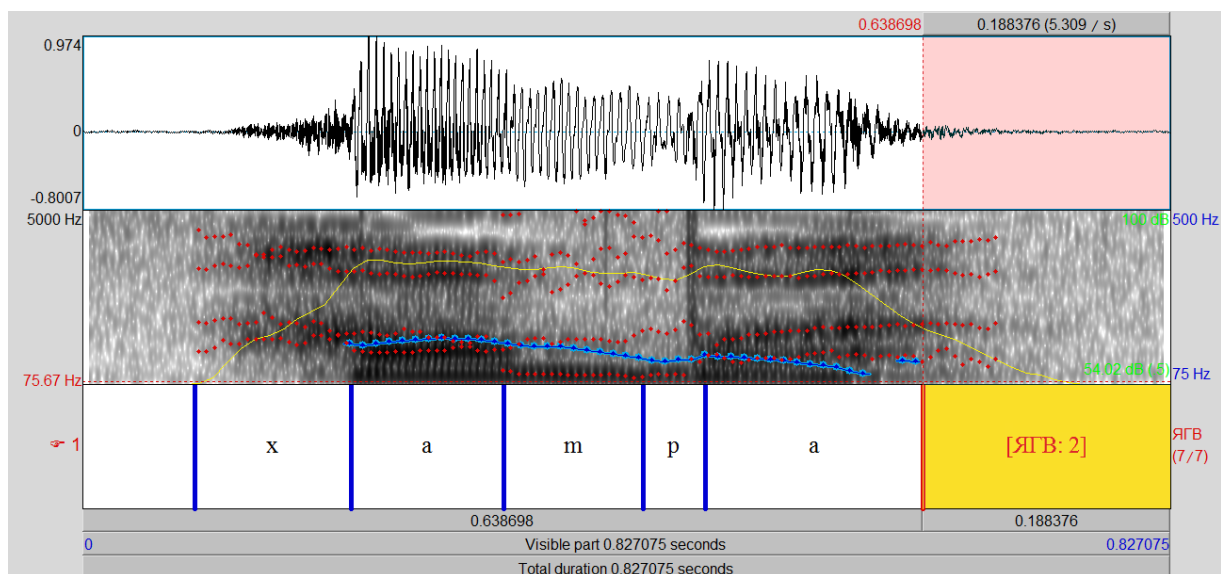
(8Г) Т гыдан. [хáмрə] хамра [СҮГ: 1]

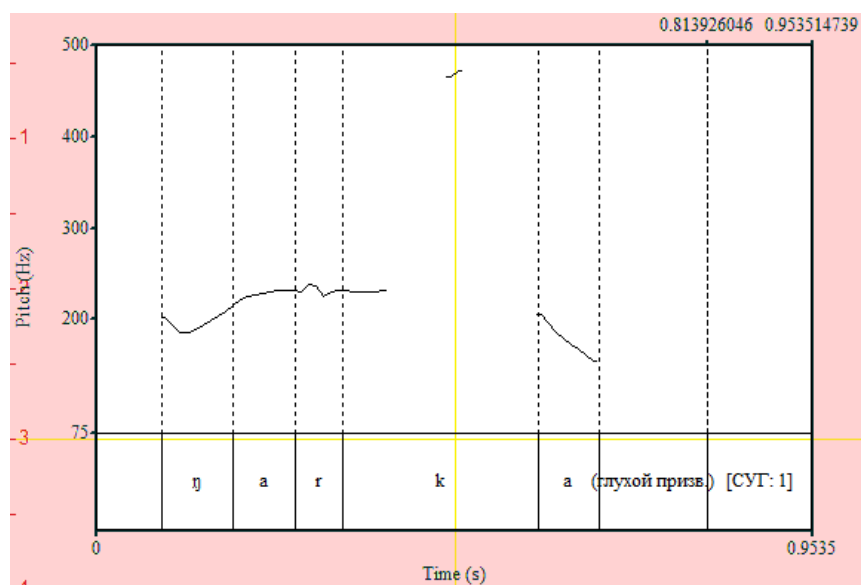
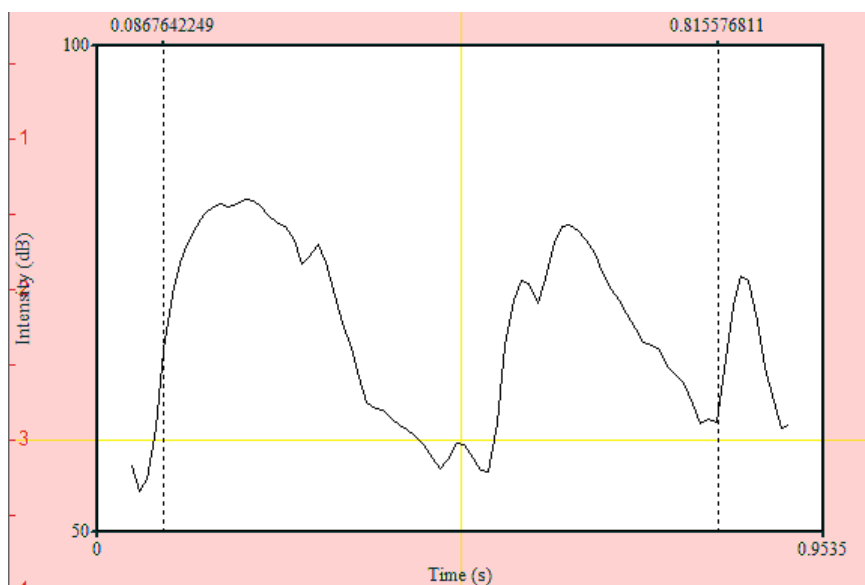
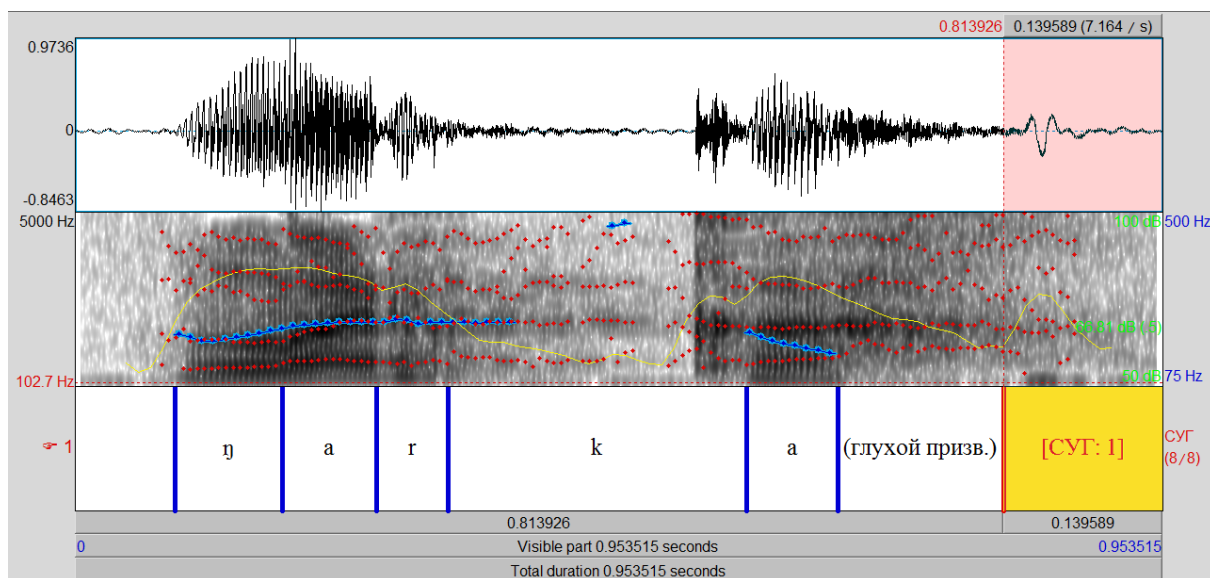
(8Г) Т гыдан. [xãmpɐ] *xãmpɐ* [CUT: 2]

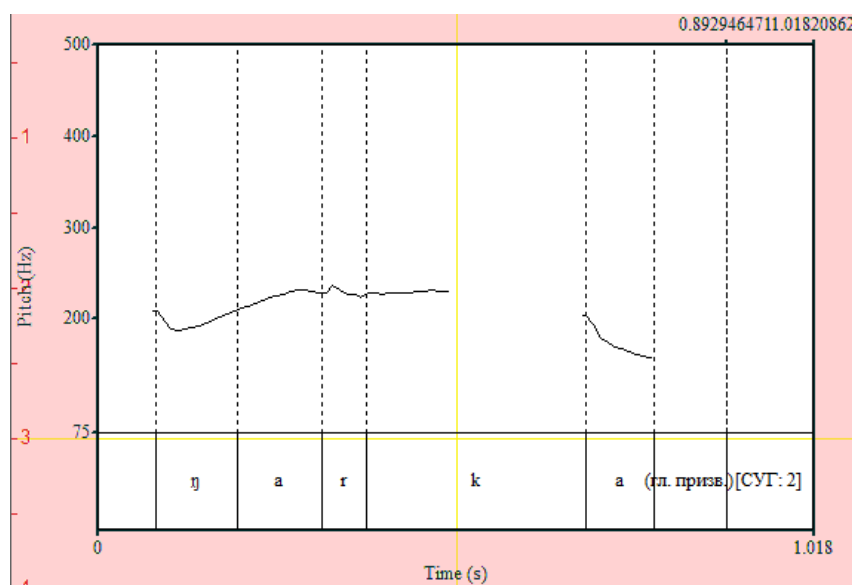
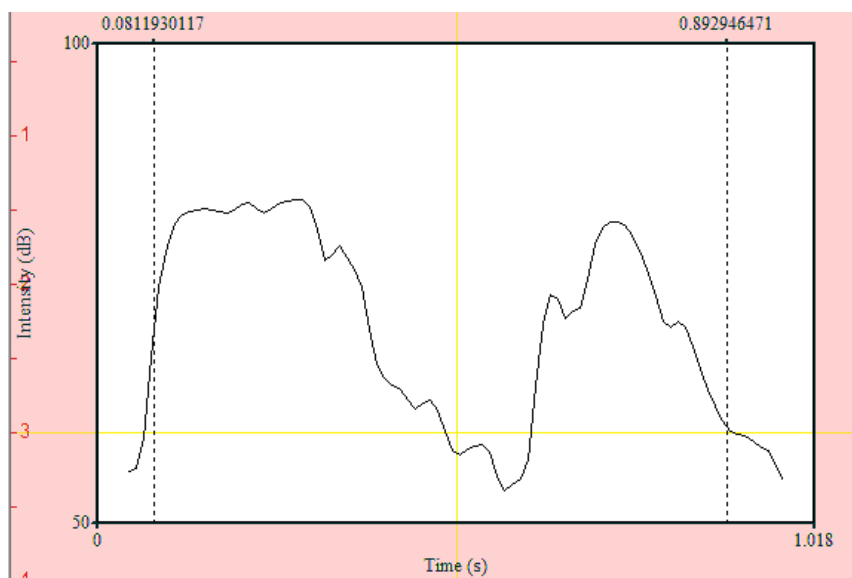
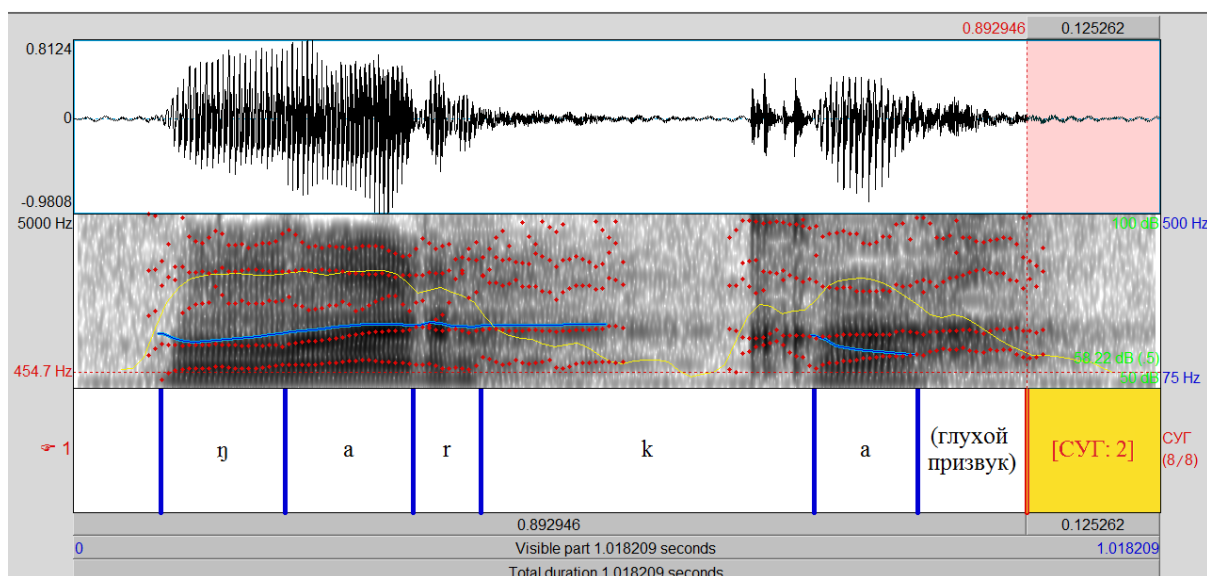
(8Г) Т гыдан. [xámbe] хатра [ЯГВ: 1]

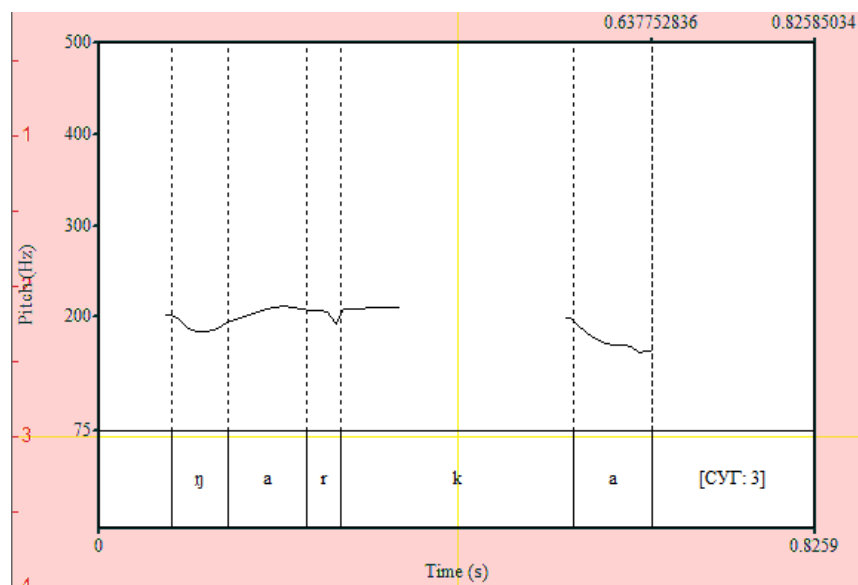
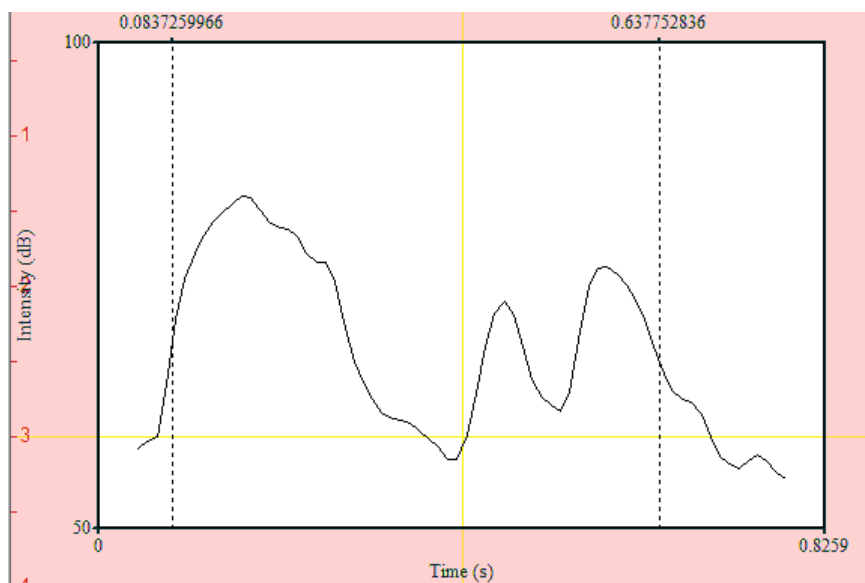
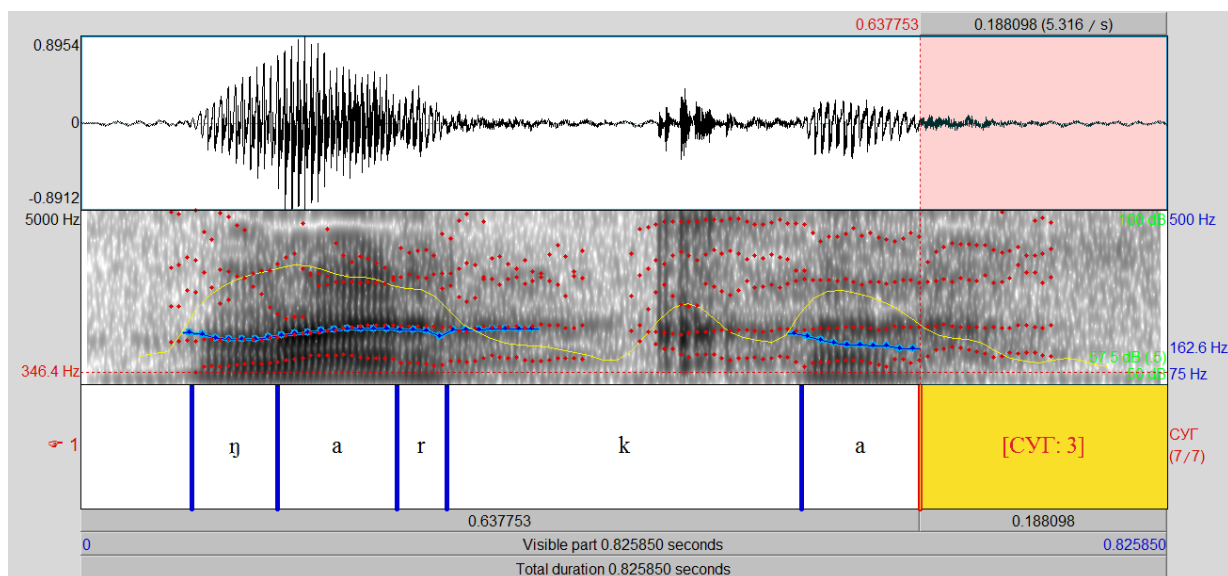
(8Г) Т гыдан. [xámbe] *xampra* [ЯГВ: 2]

(9Г) Т гыдан. [ɣárkʰɐ] *ɣarka* [CVГ: 1]

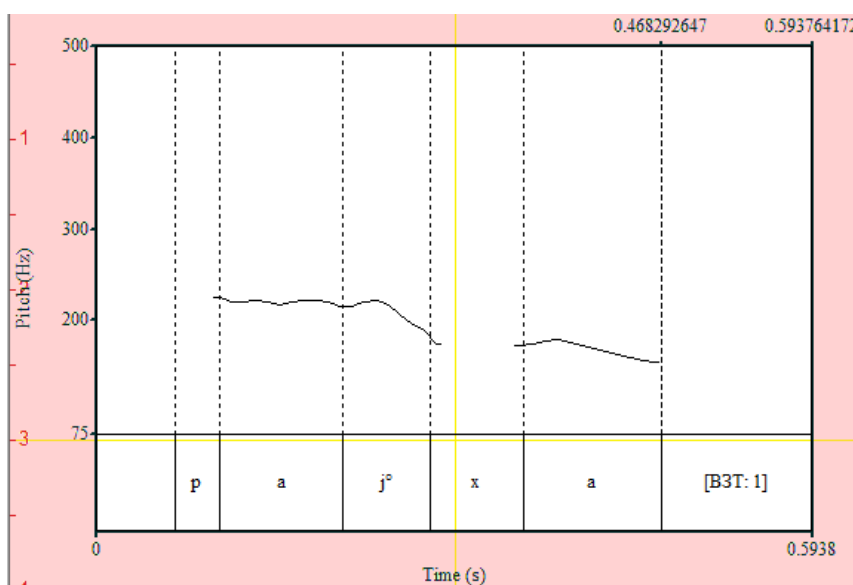
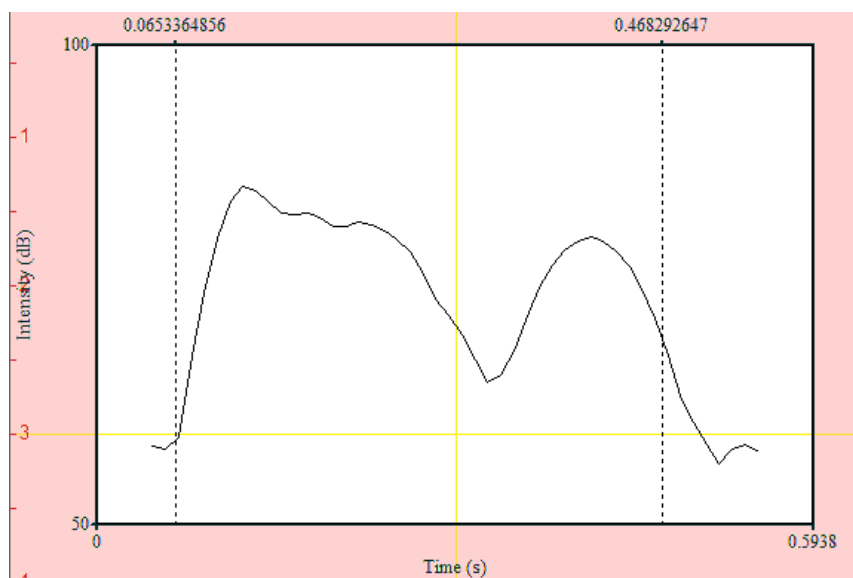
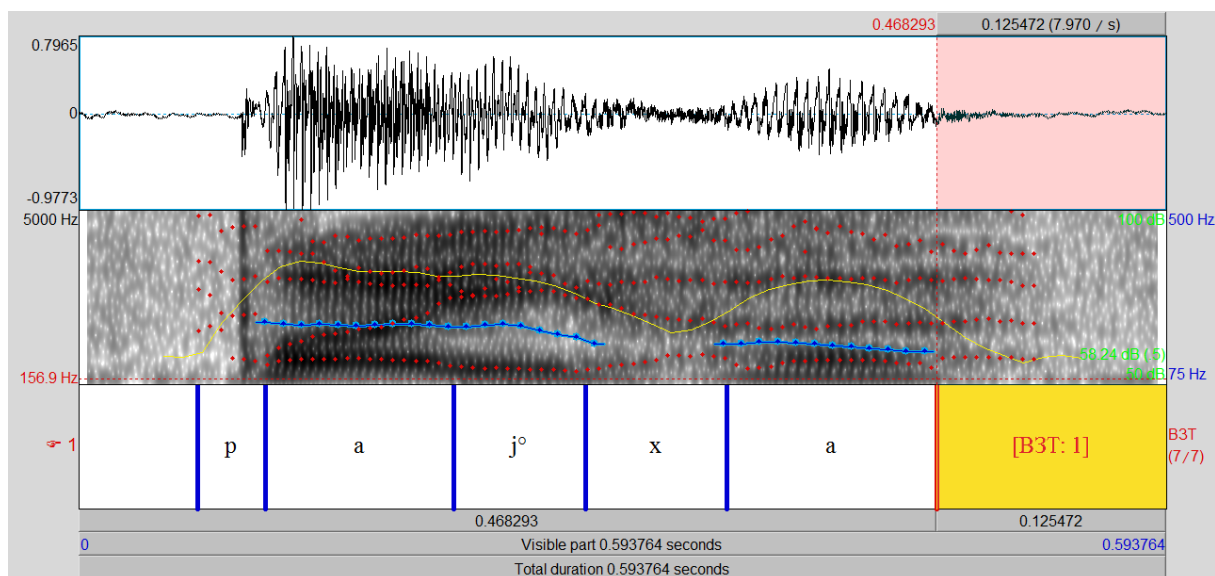

(9Г) Т гыдан. [ɲárka] *ɲarka* [СУГ: 2]

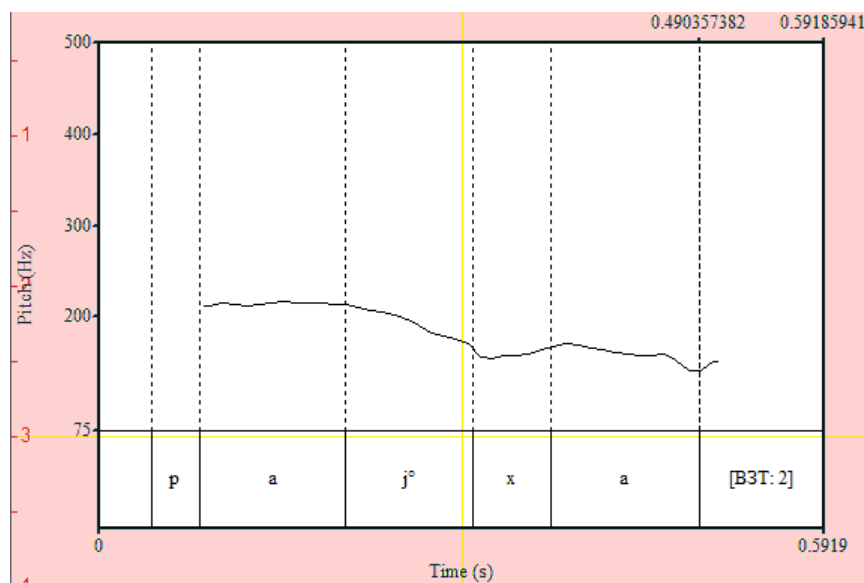
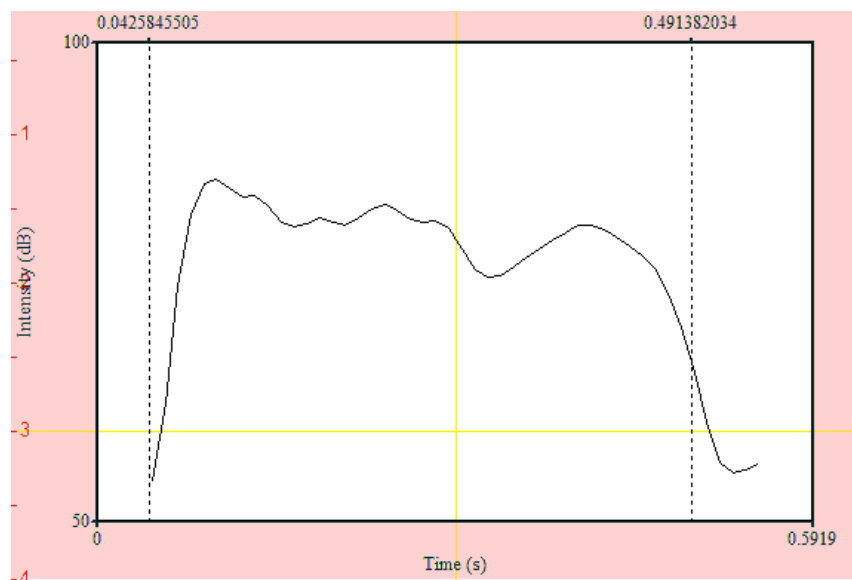
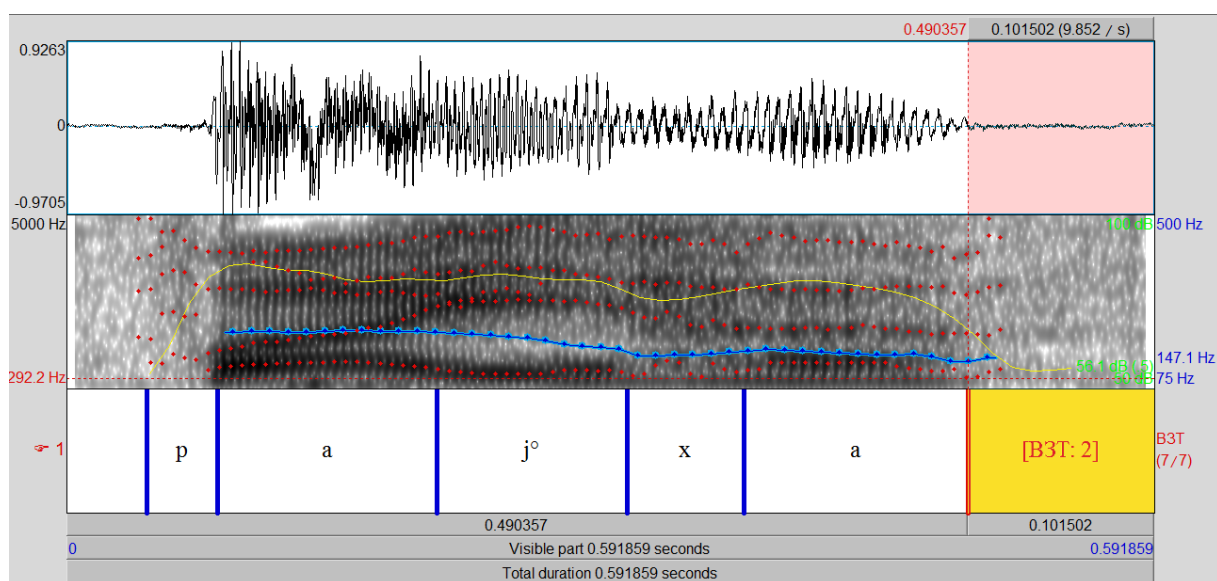
(9Г) Т гыдан. [ɲárkʰɐ] *ɲarka* [CVT: 3]

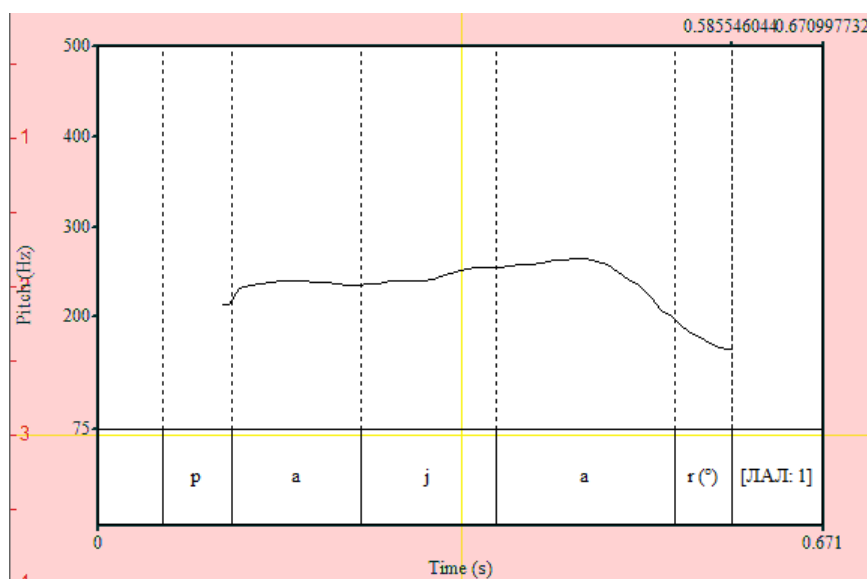
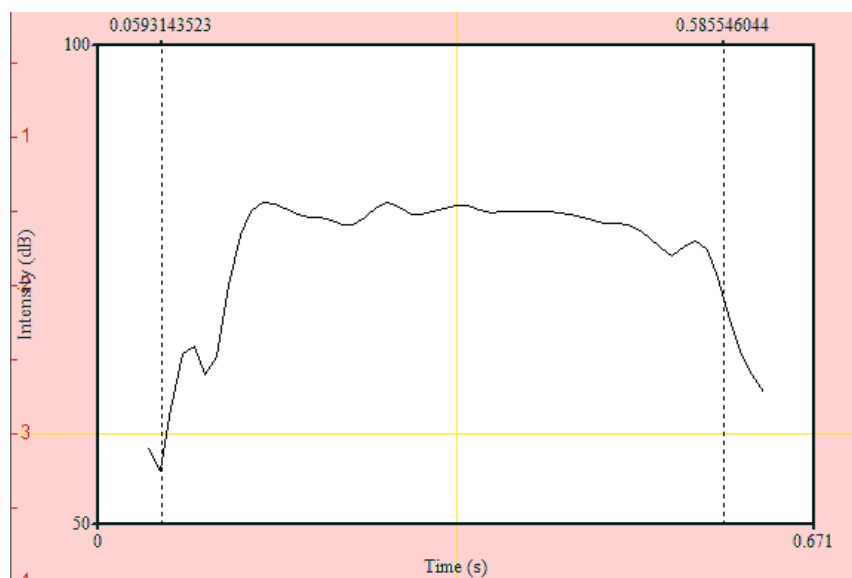
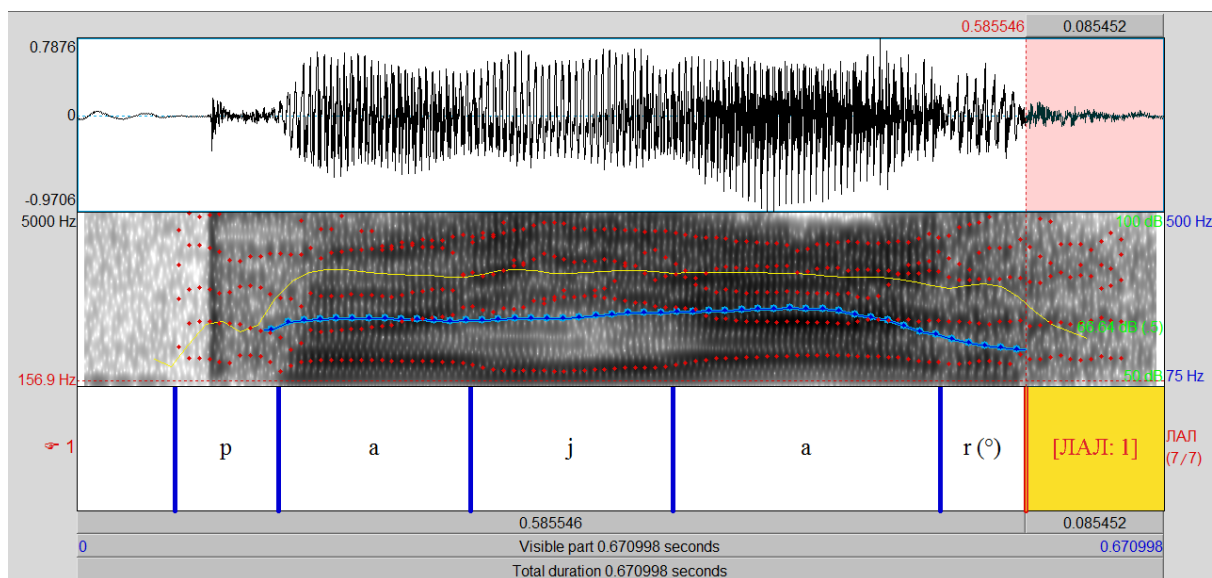

(10Г) Т гыдан. [pájxə] paj°xa [B3T: 1]

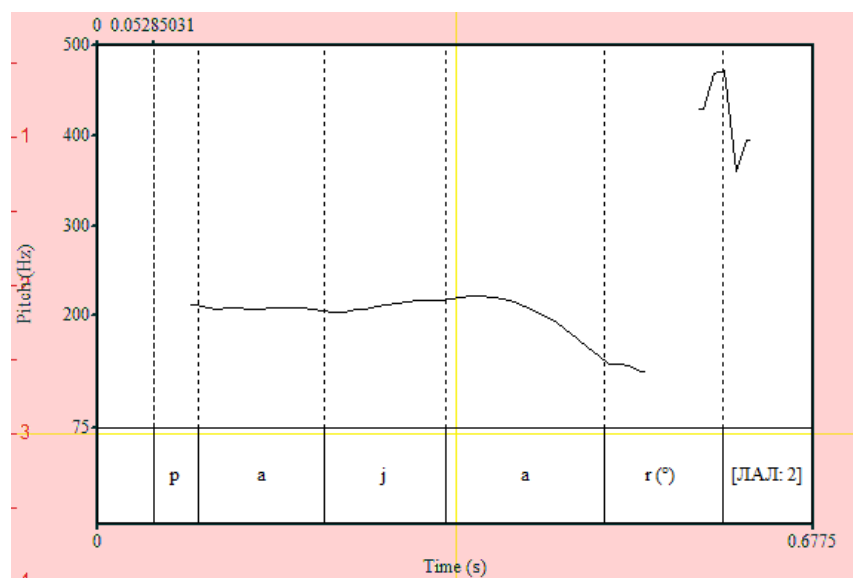
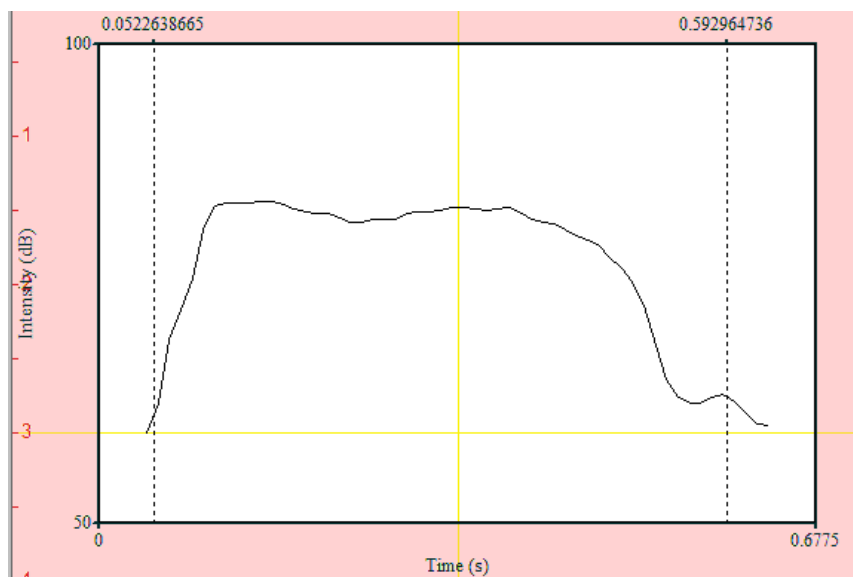
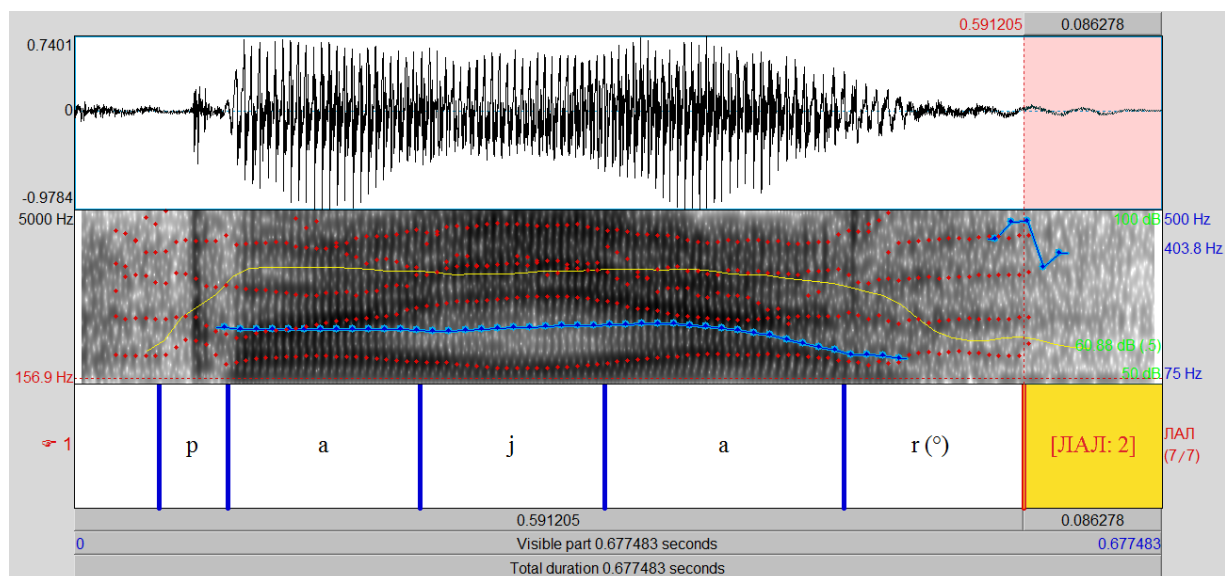

(10Г) Т гыдан. [pájʏe] paj°xa [B3T: 2]

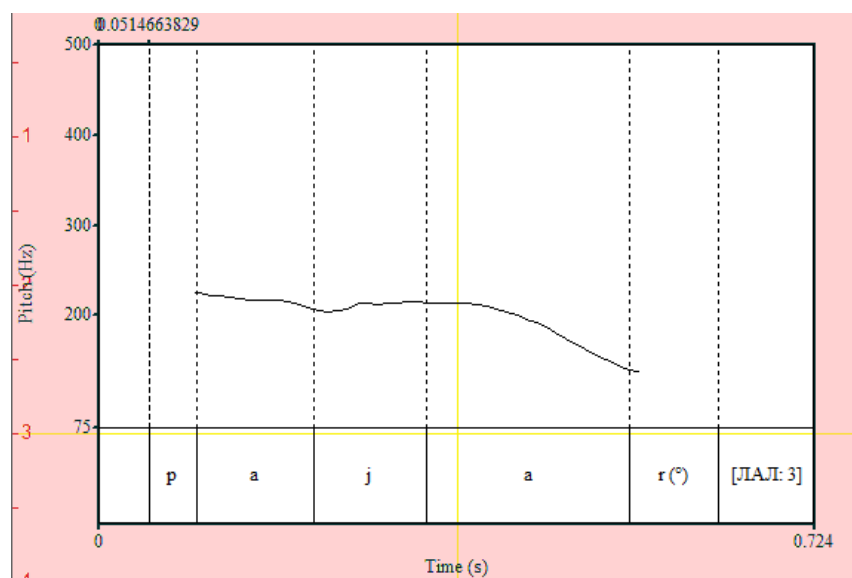
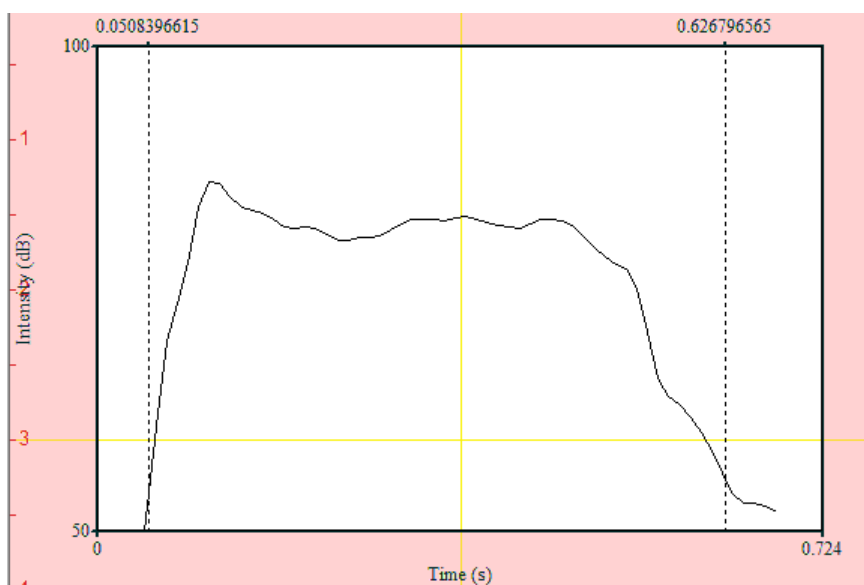
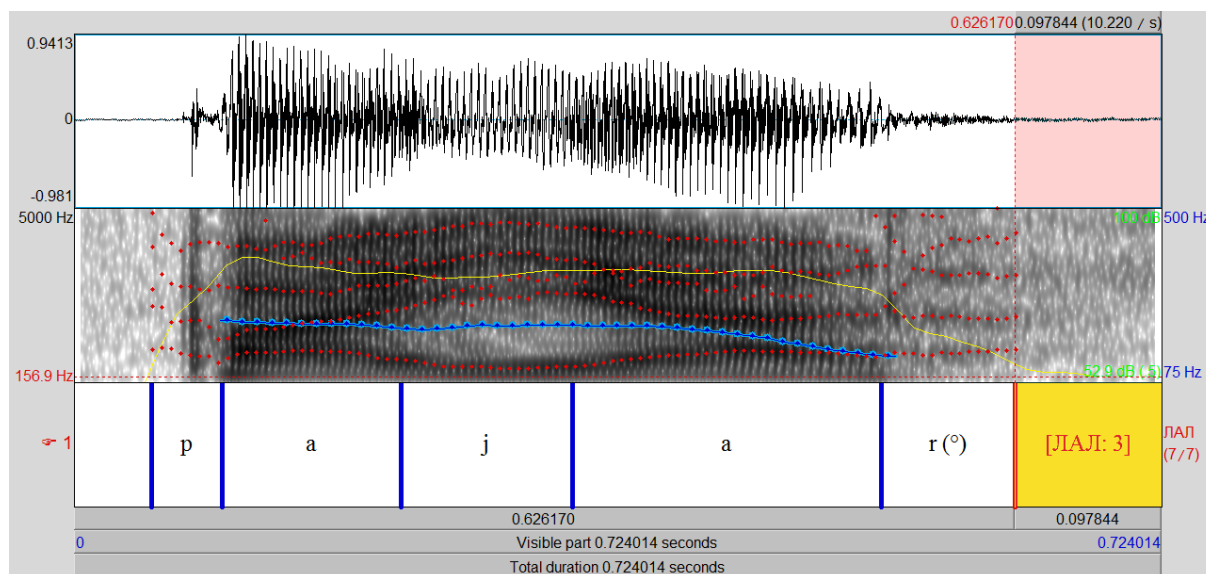

(11Г) Т гыдан. [pejár] *pajar*(°) [ЛАЛ: 1]

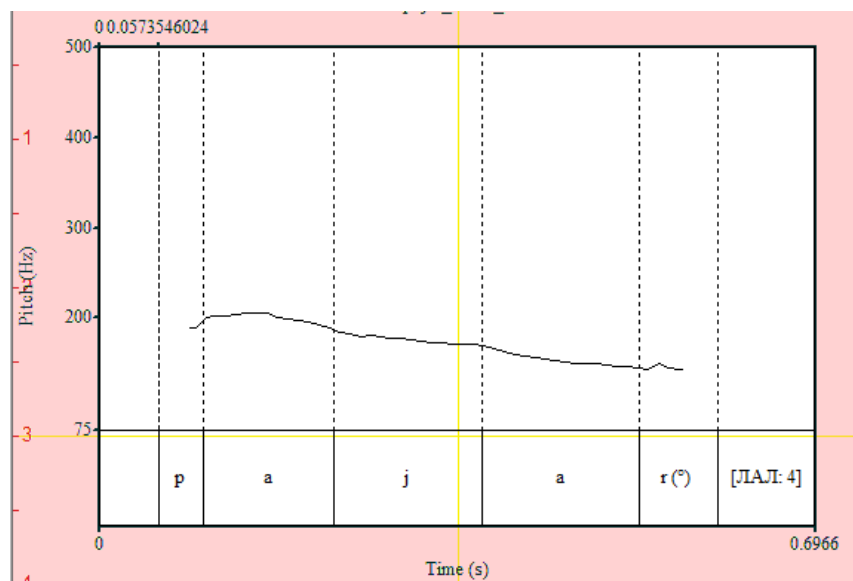
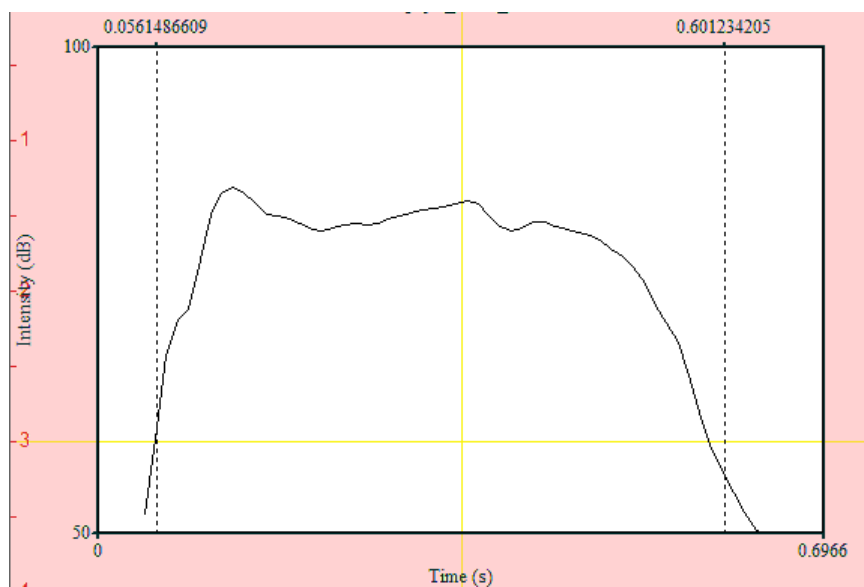
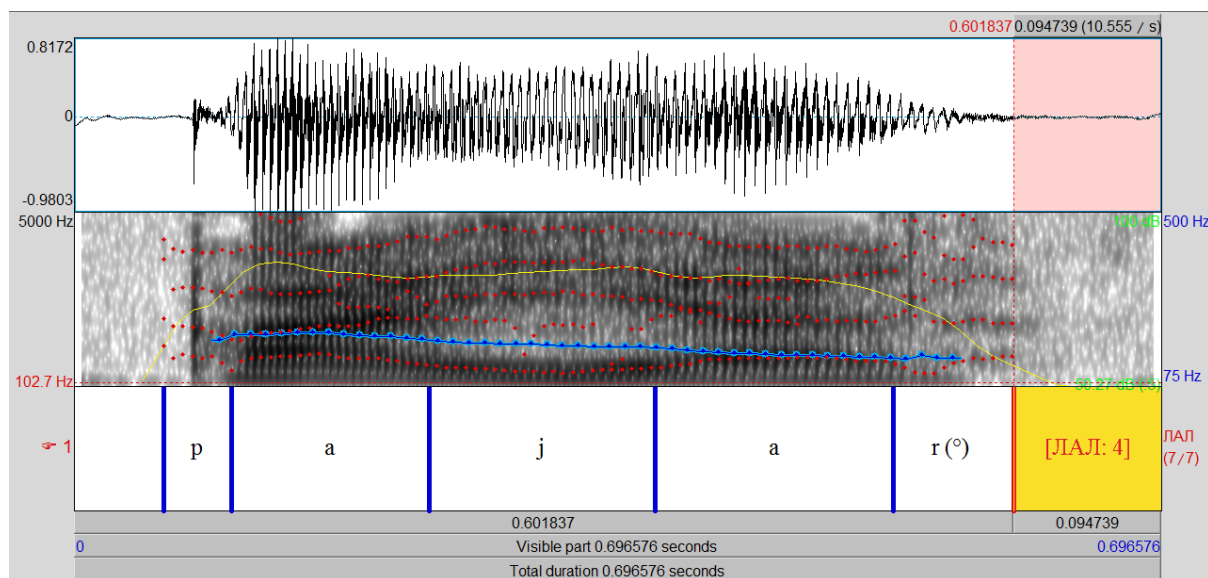
(11Г) Т гыдан. [pɛjʲɑr] *pajar*(°) [ЛАЛ: 2]

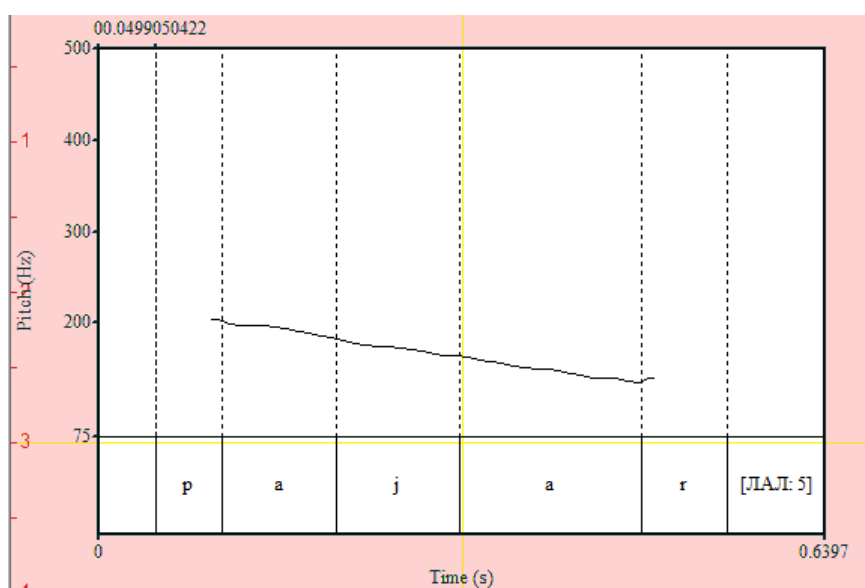
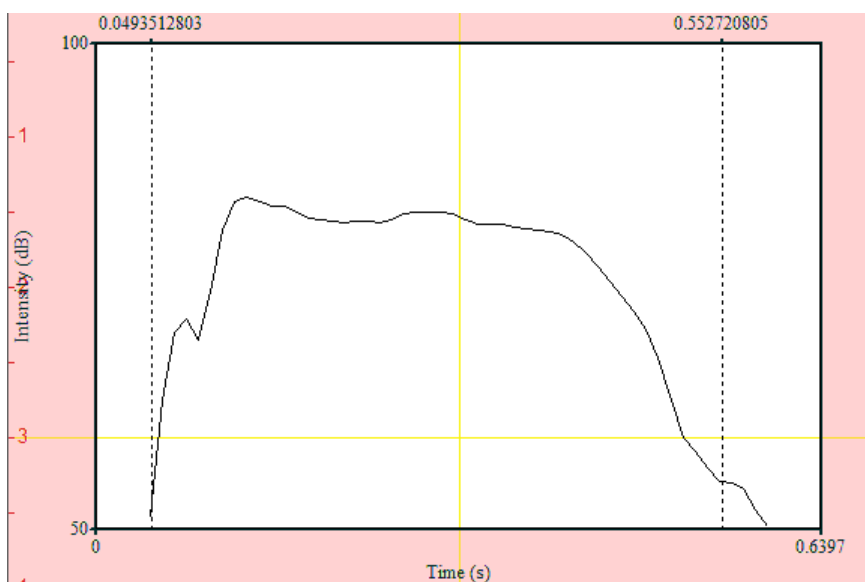
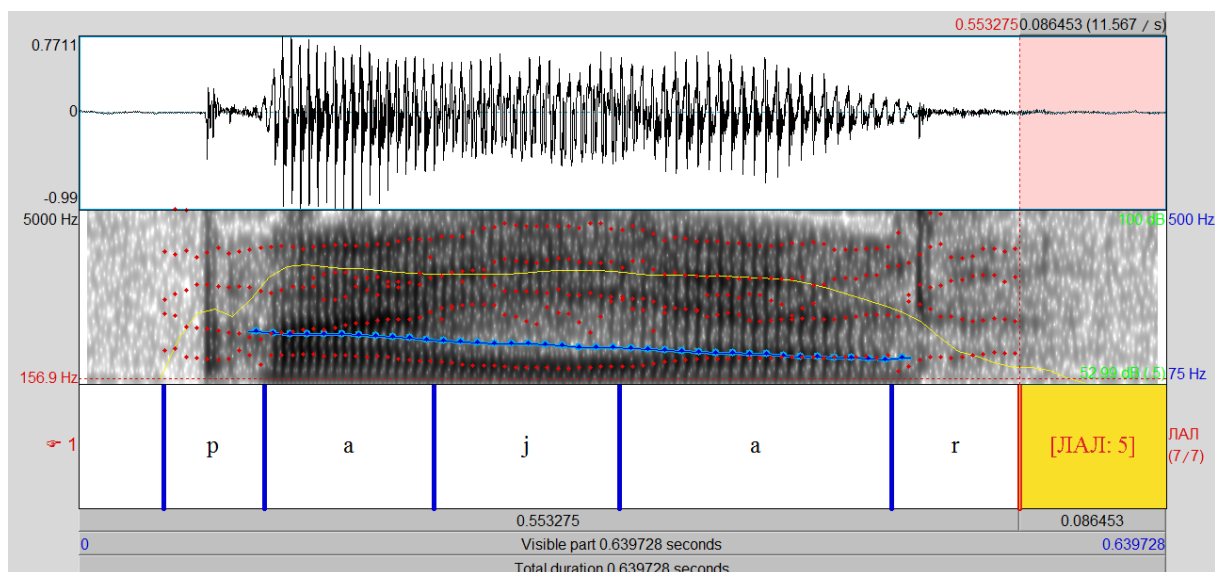

(11Г) Т гыдан. [pejɑ́r] *pajar*(°) [ЛАЛ: 3]

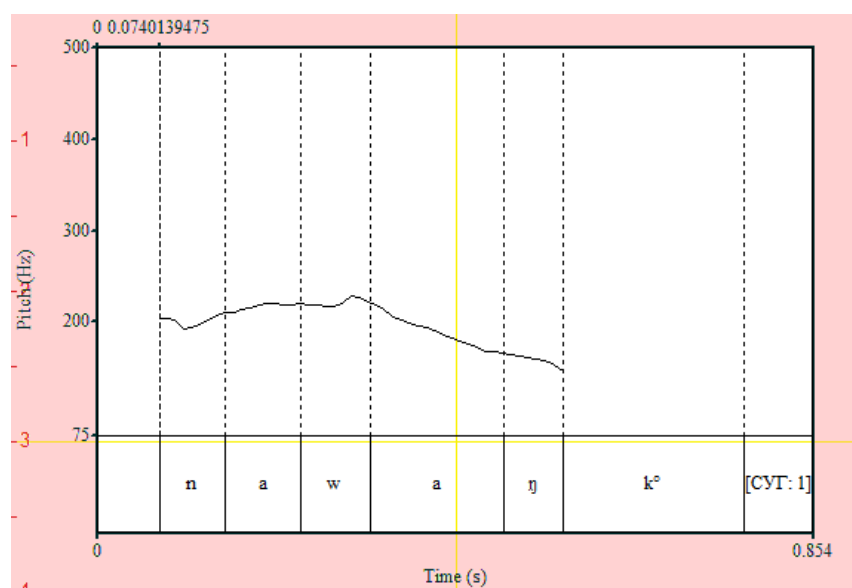
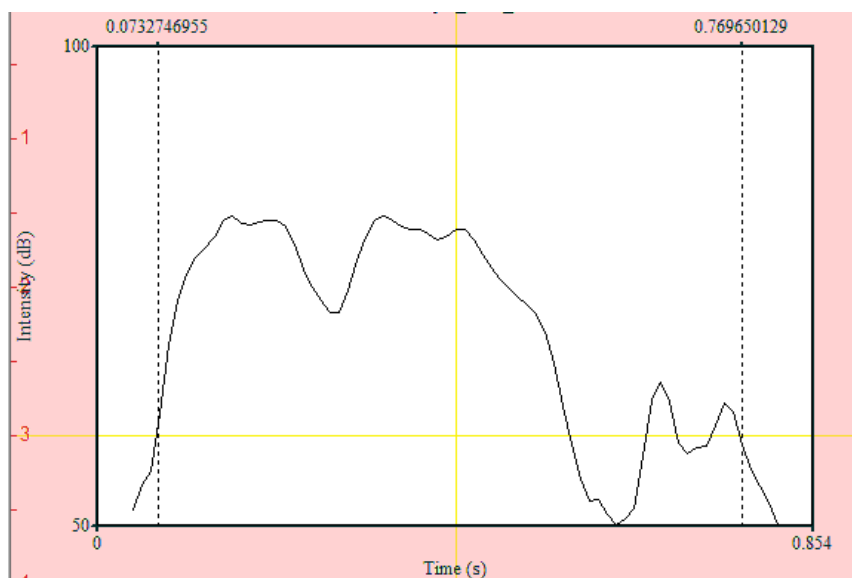
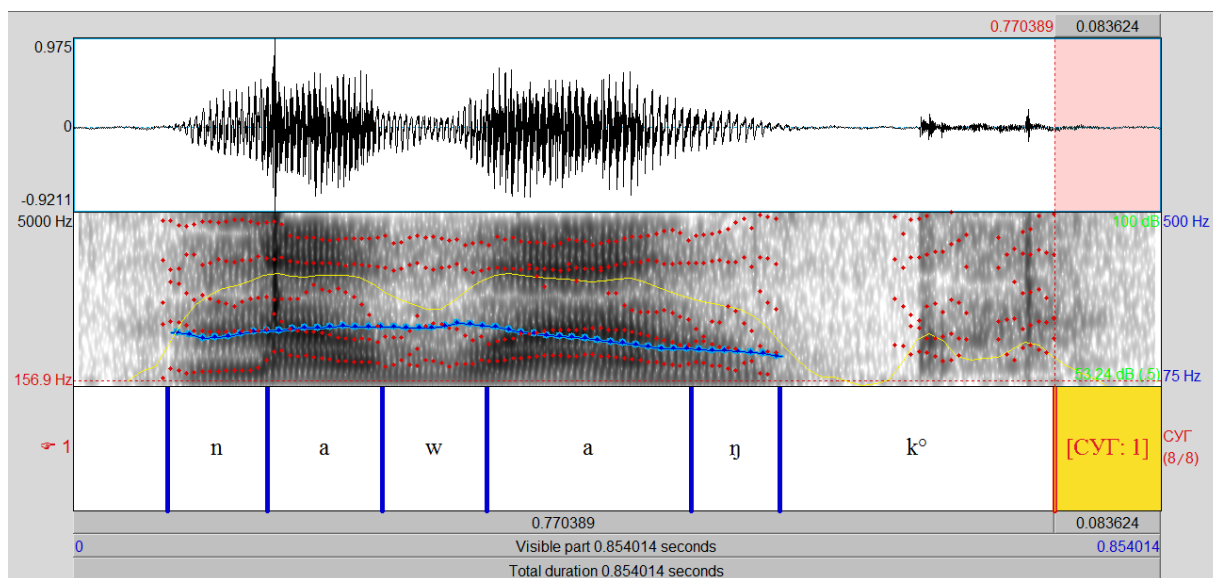

(11Г) Т гыдан. [pejár] *pajar*(°) [ЛАЛ: 4]

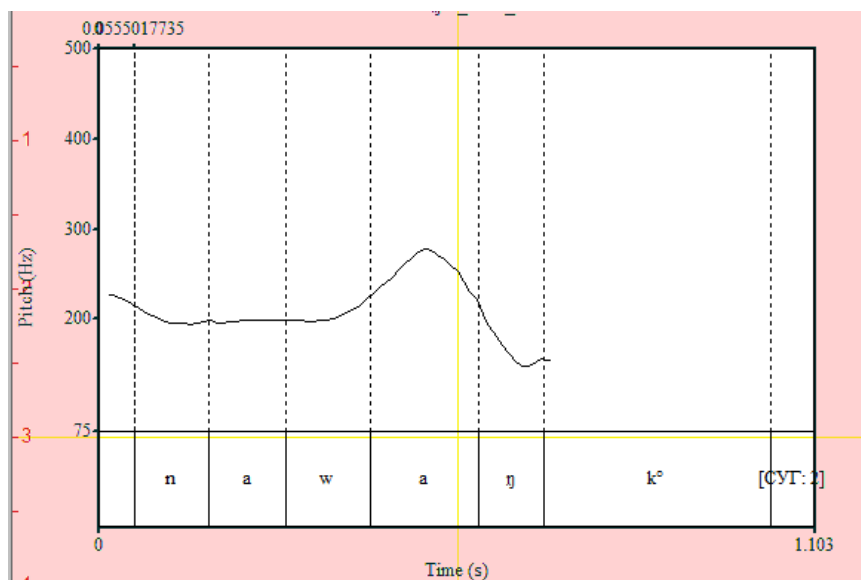
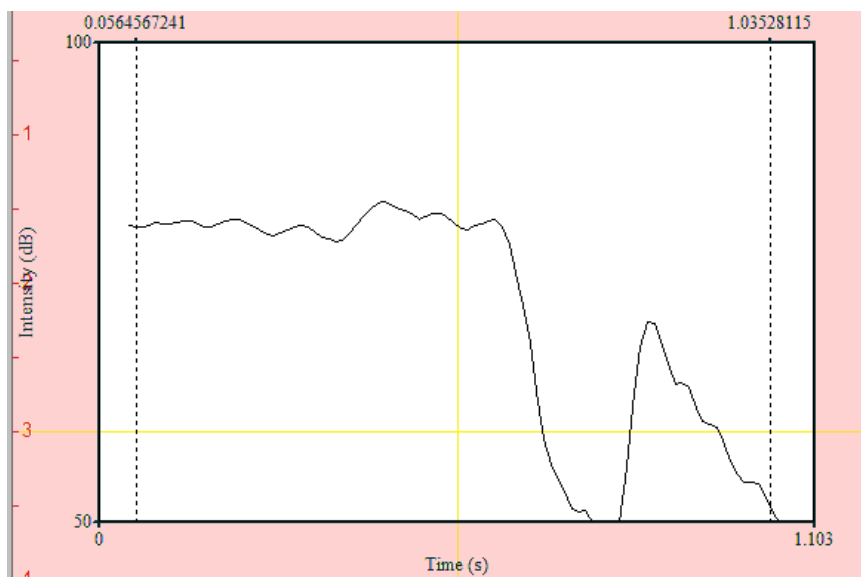
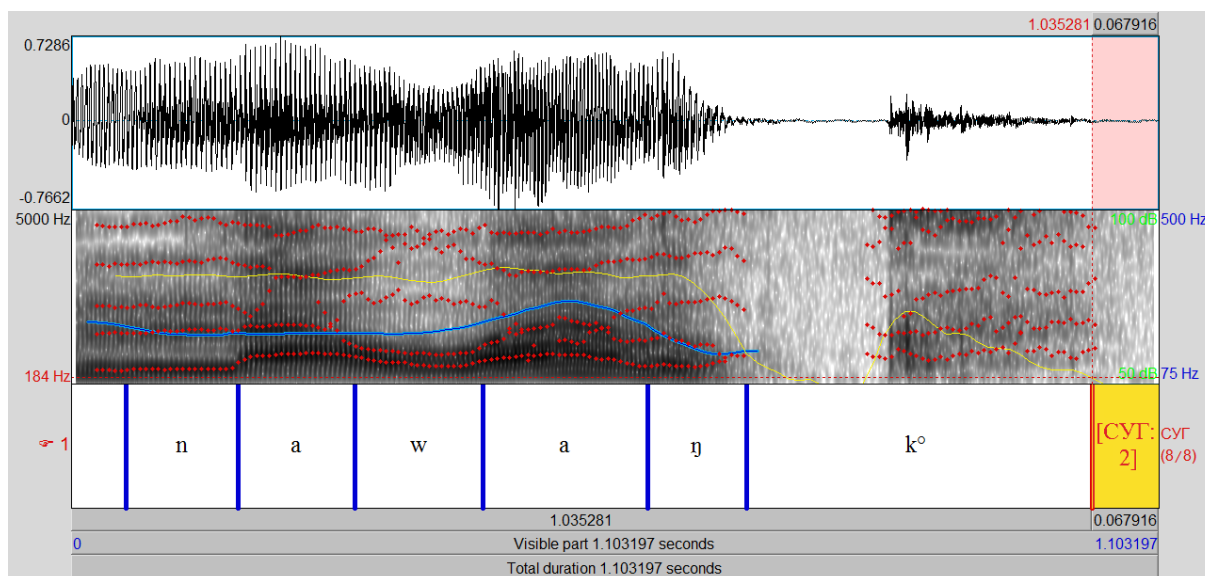

(11Г) Т гыдан. [pejáj] *pajar*(°) [ЛЛЛ: 5]

(12Г) Т гыдан. [nəβǎŋkʰ] ([nəβǎŋkʰ]) *nawaŋkʰ* [СУГ: 1]

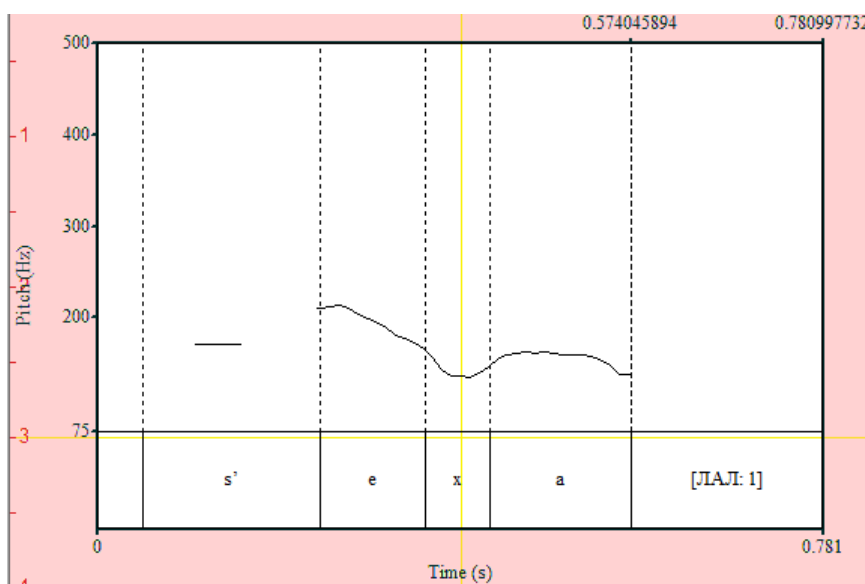
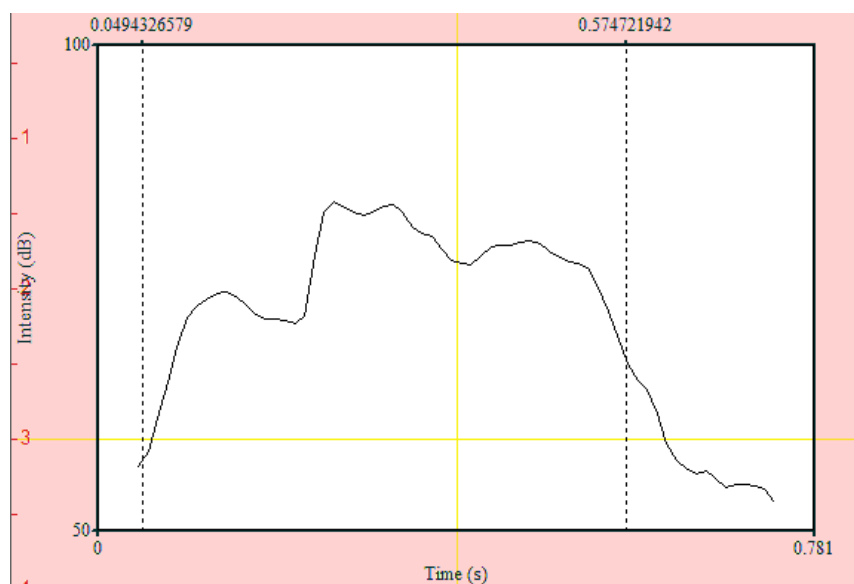
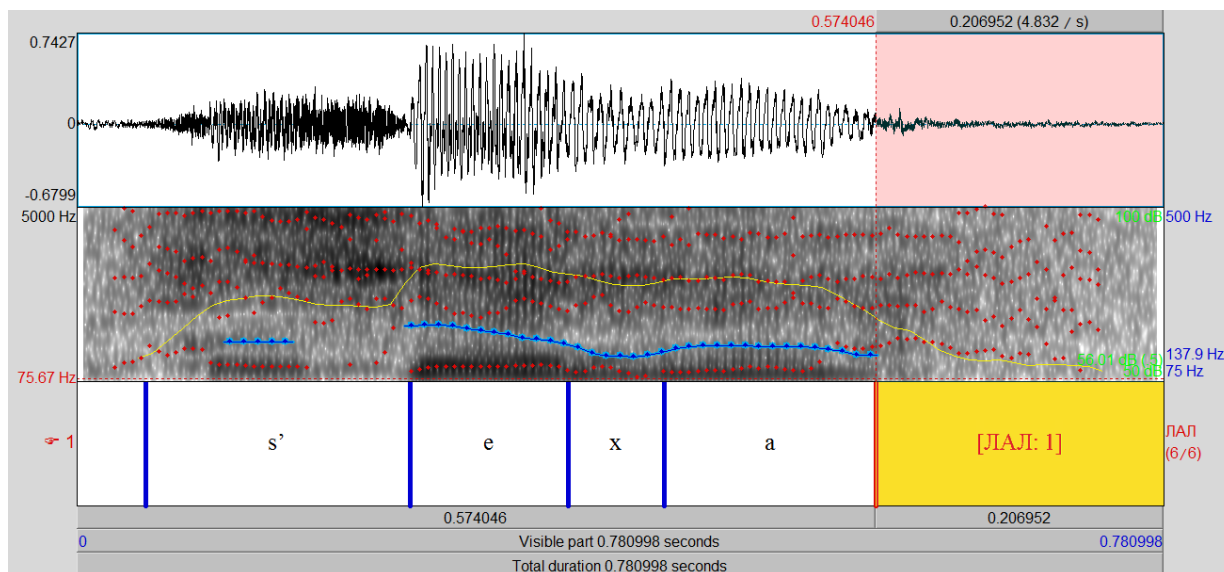

(12Г) Т гыдан. [nəβǎŋkʰ] ([nəβǎŋkʰ]) *nawəŋkʰ* [CYT: 2]

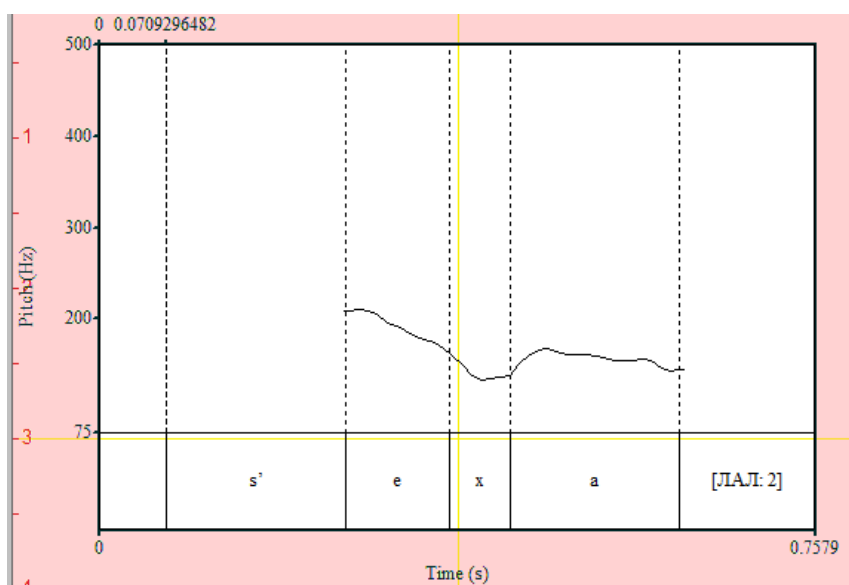
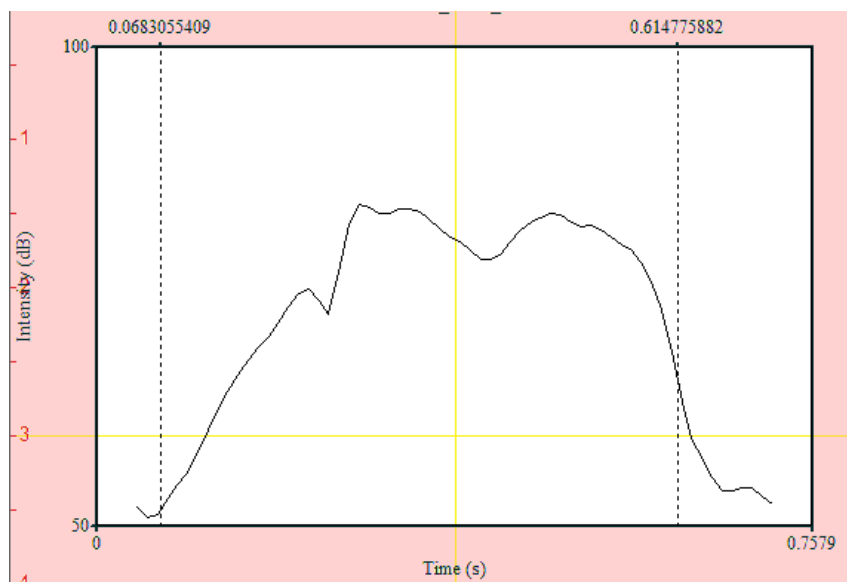
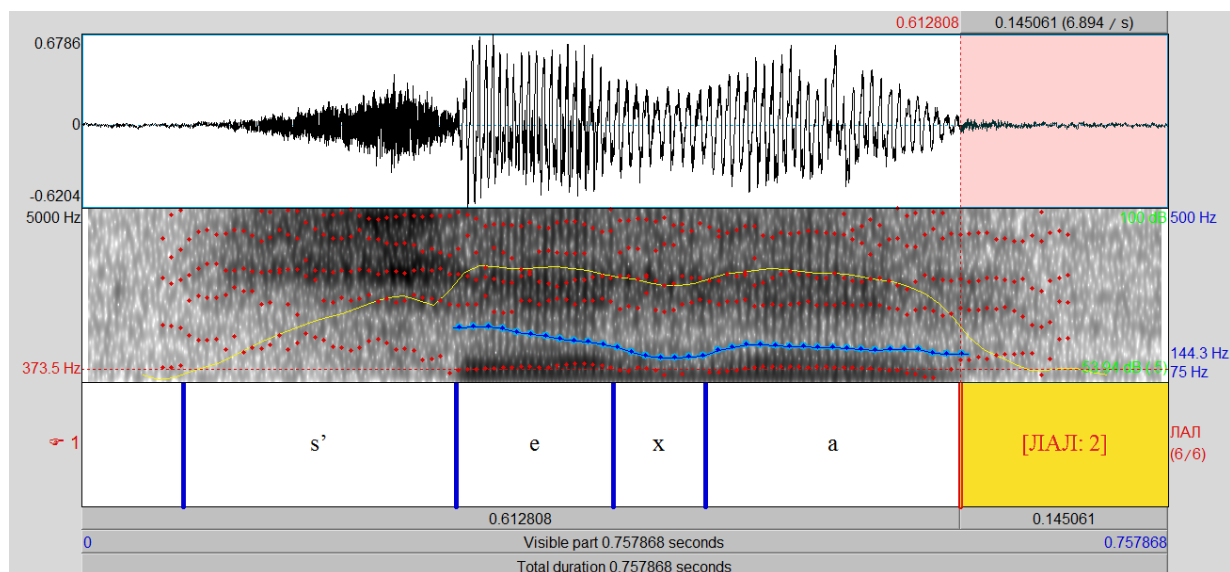

2. Фонетические слова с гласными среднего подъема переднего ряда в первом и втором слогах

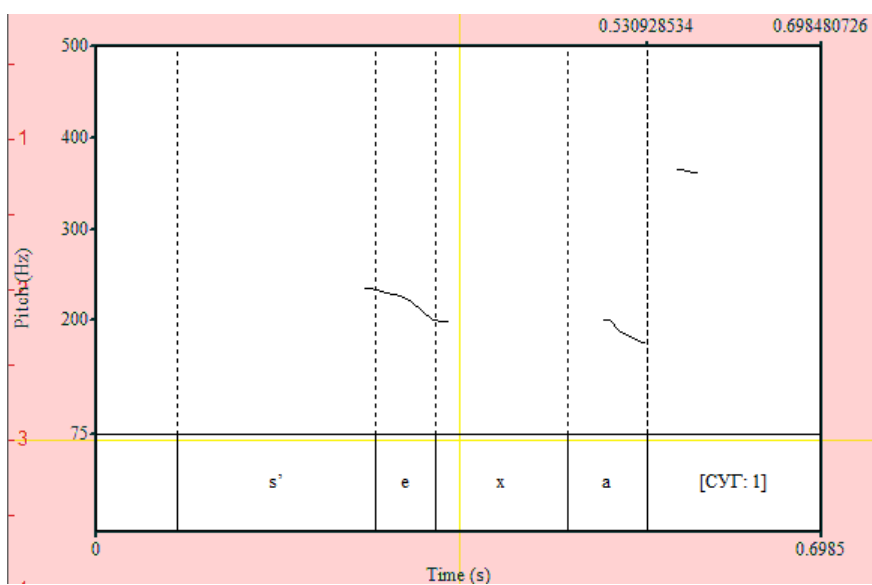
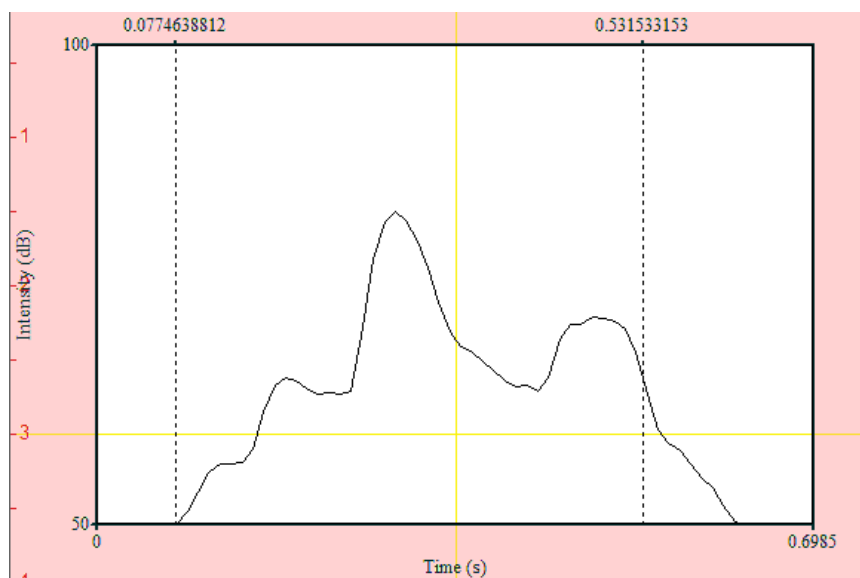
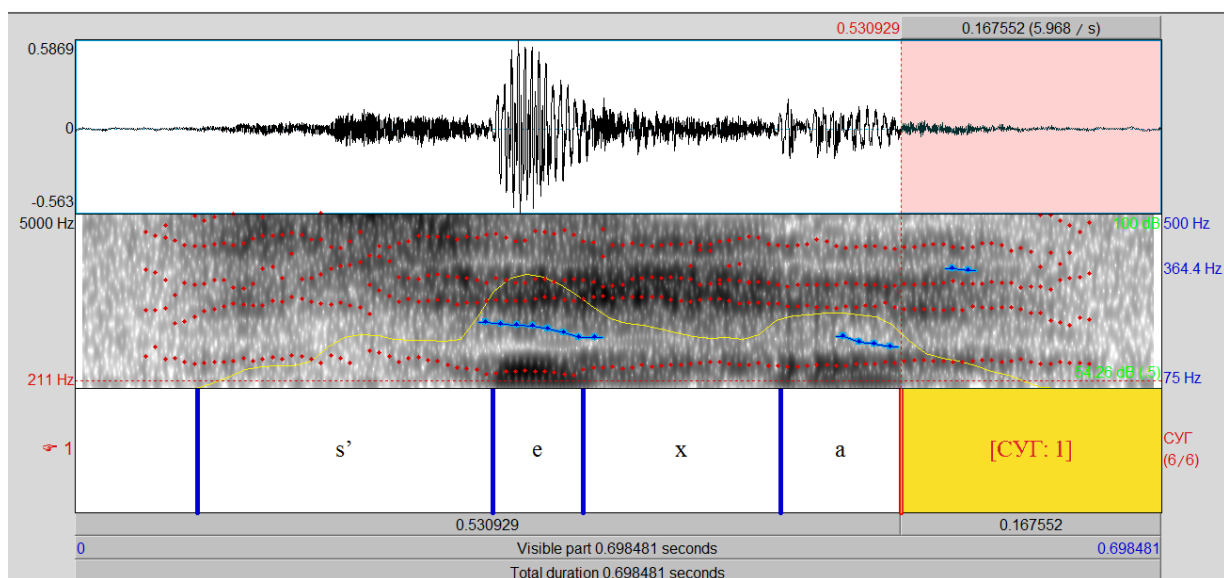
(13Г) Т гыдан. [s'ɛyɔ] s'exa [ЛИАЛ: 1]

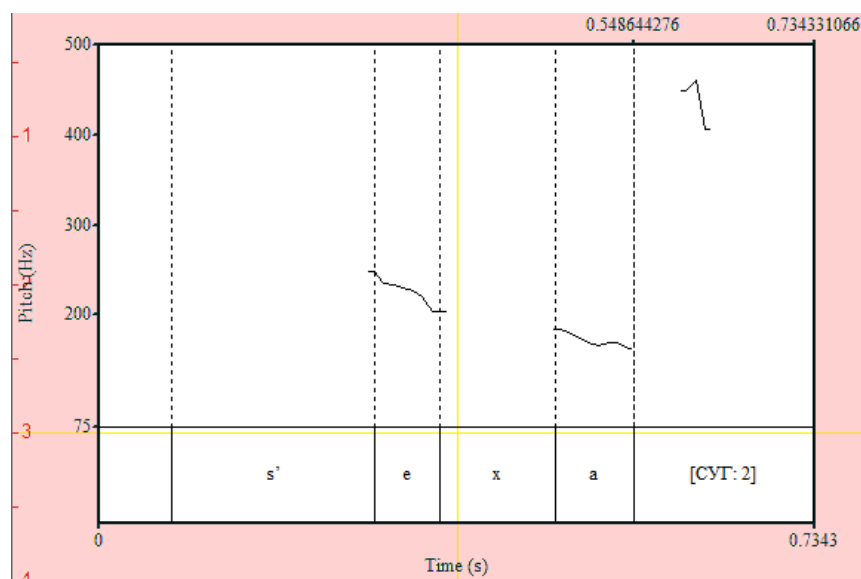
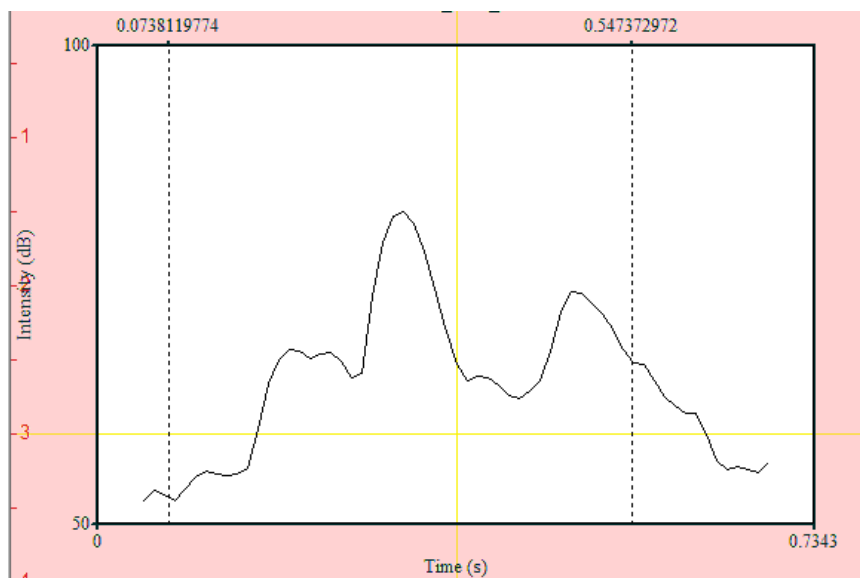
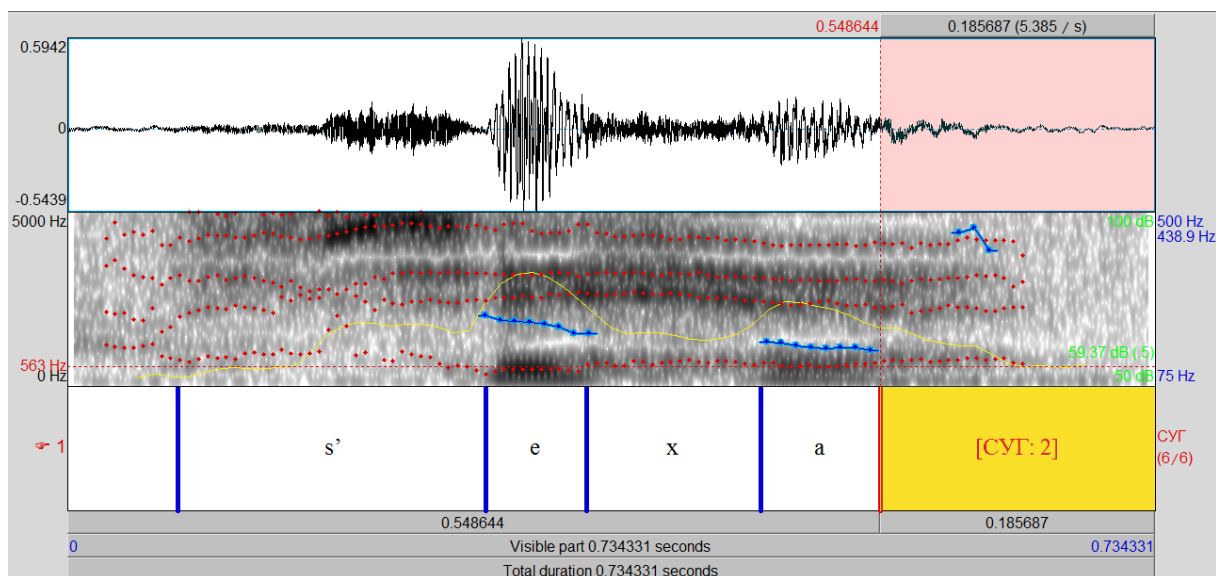
(13Г) Т гыдан. [s'éyə] s'exa [ЛАЛ: 2]

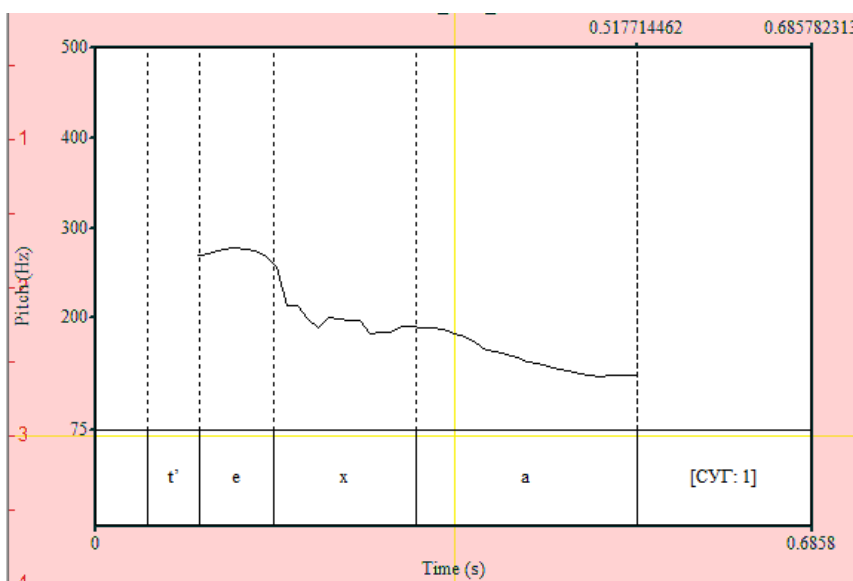
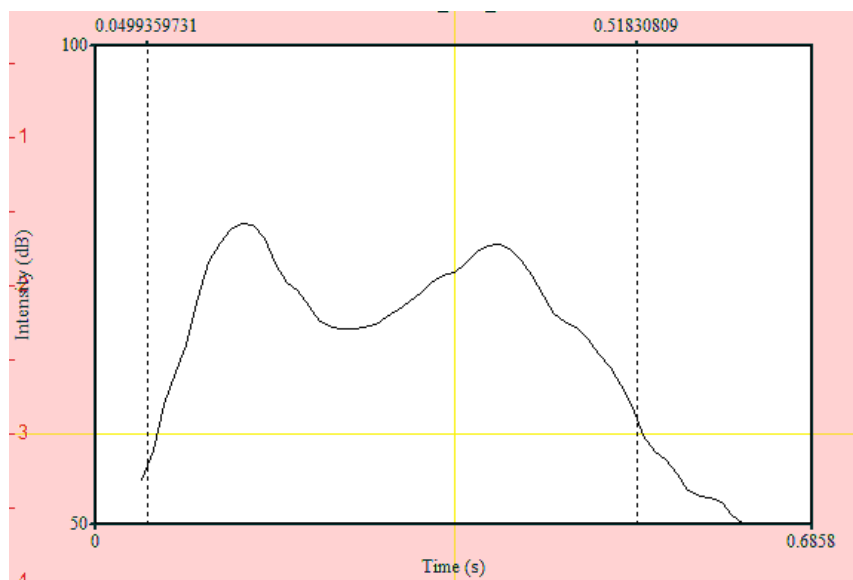
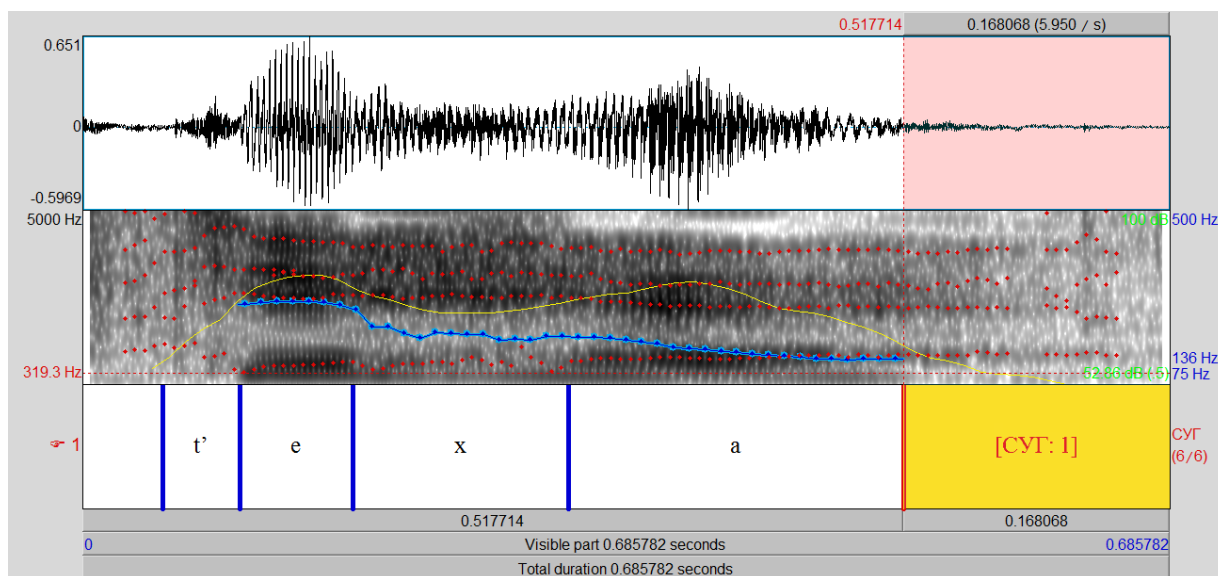
(13Г) Т гыдан. [s'ɛxə] s'exa [CYT: 1]

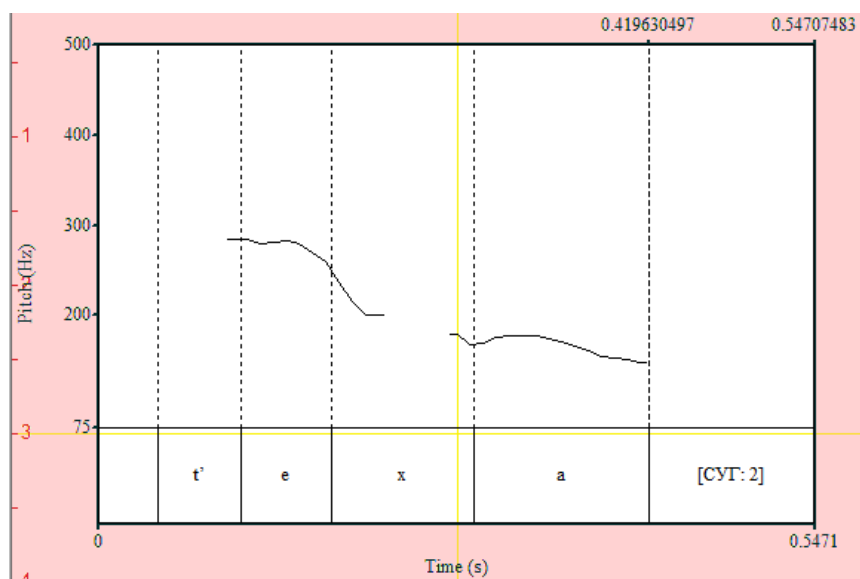
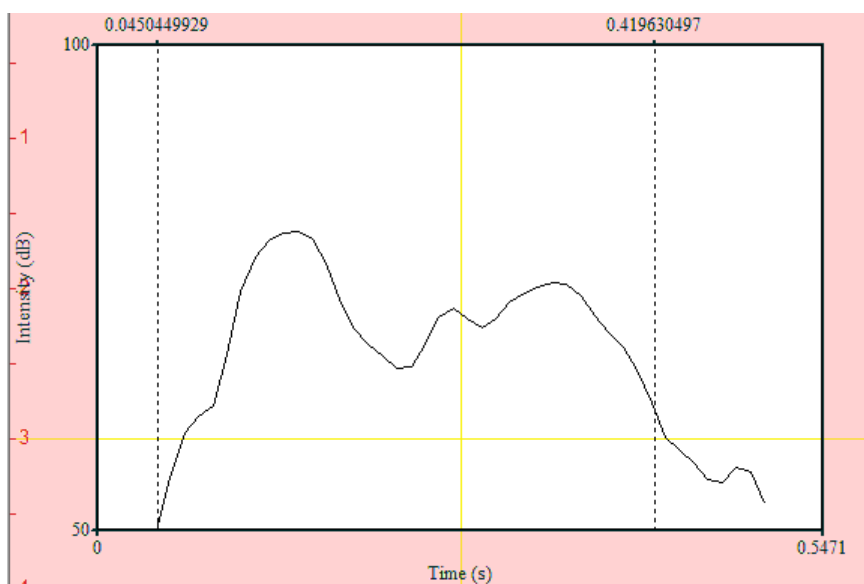
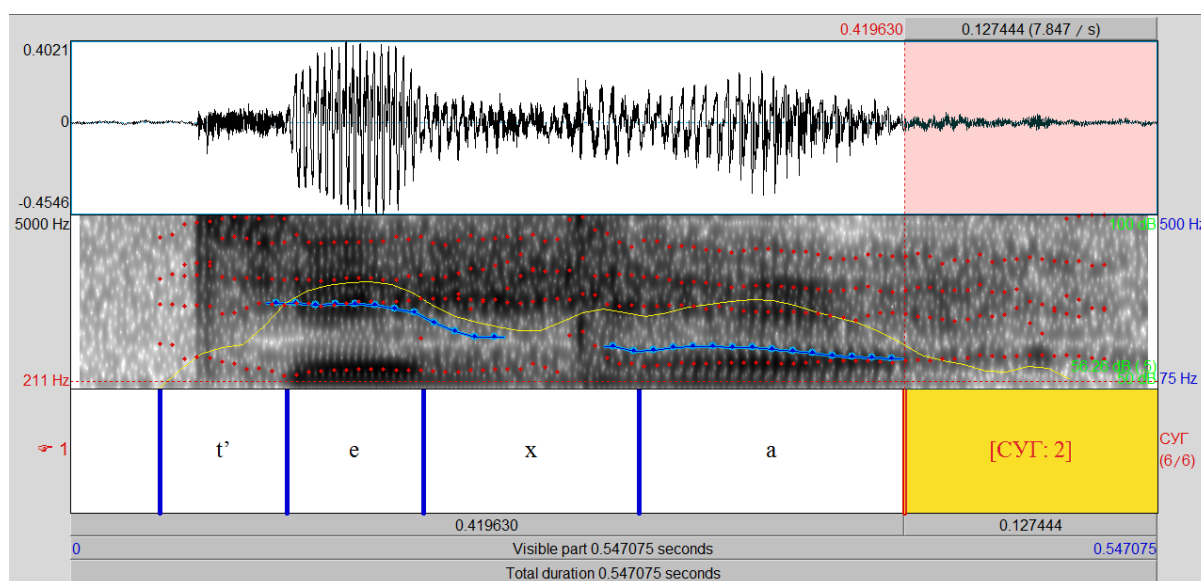
(13Г) Т гыдан. [s'ɛxə] s'ɛxə [CYT: 2]

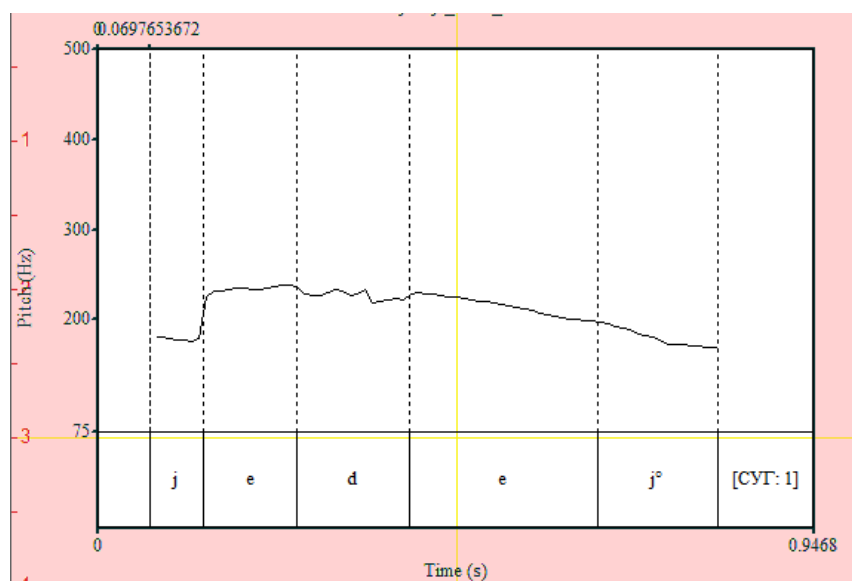
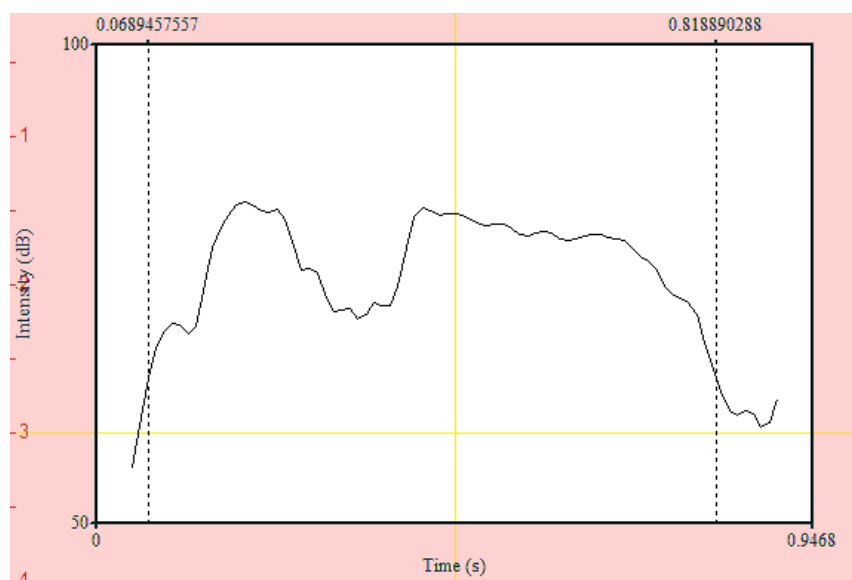
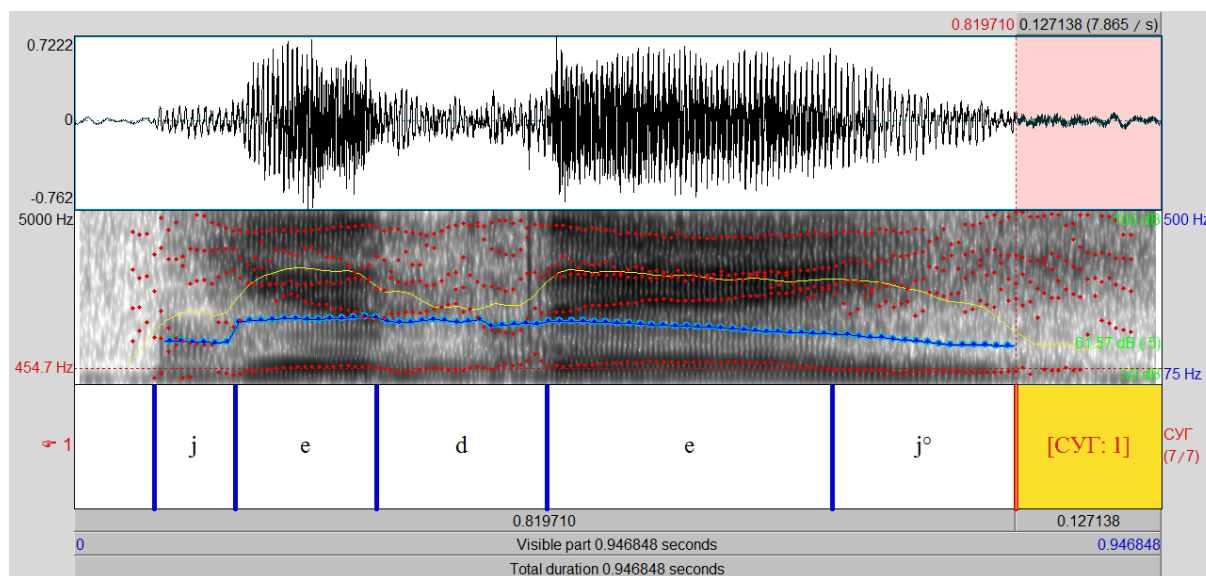
(14Г) Т гыдан. [tʰéyə] t'exa [CYT: 1]

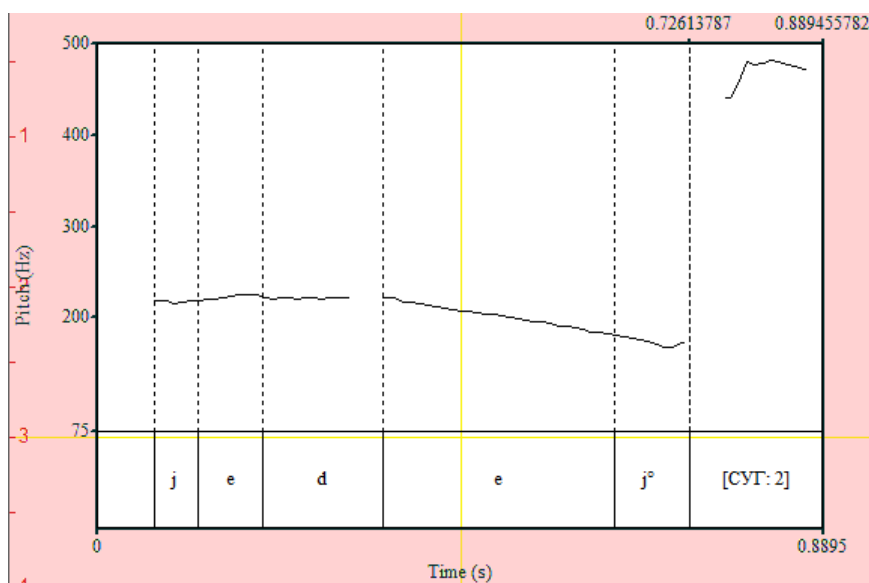
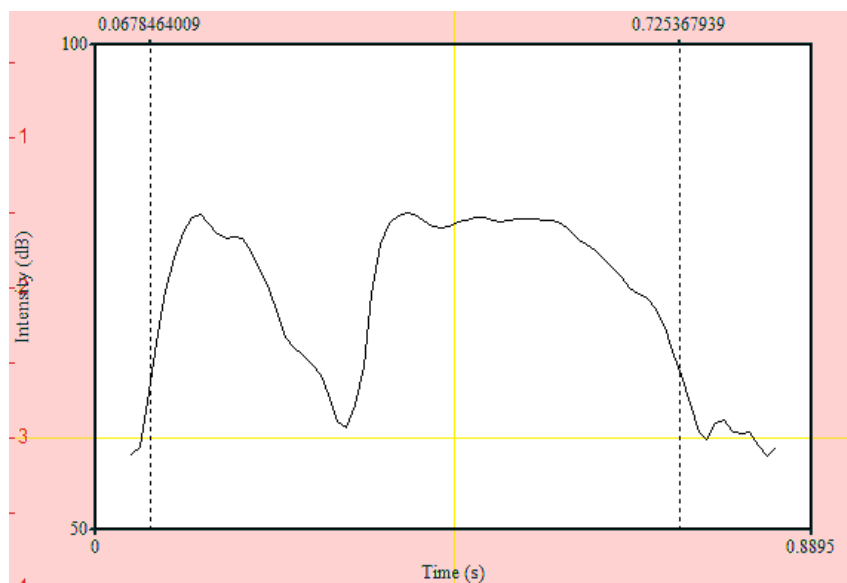
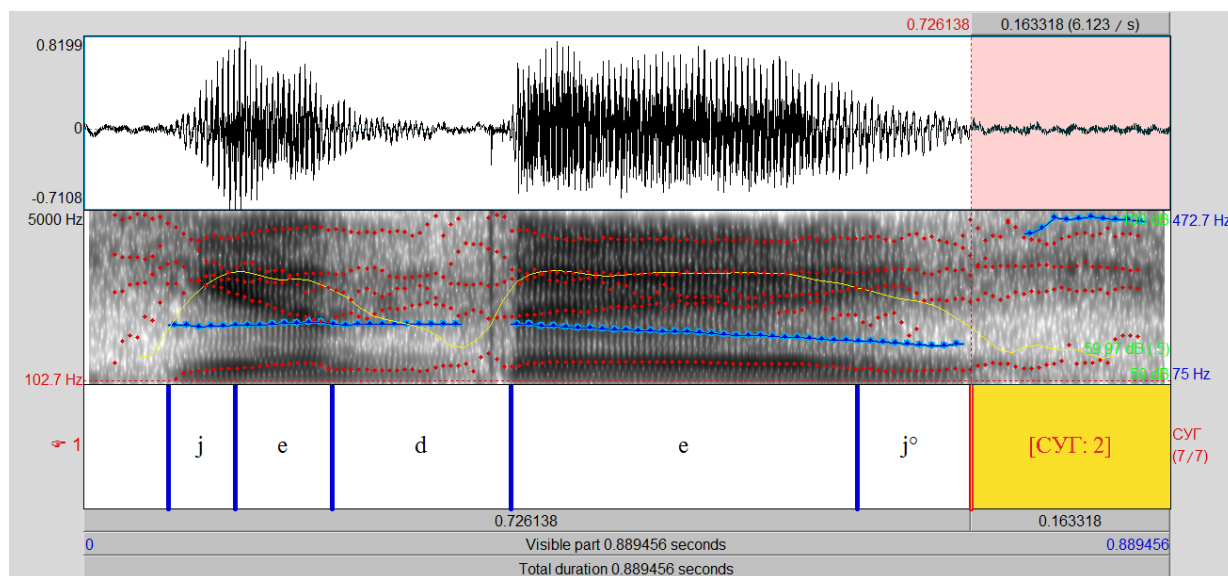

(14Г) Т гыдан. [tʰéxə] t'exa [CYT: 2]

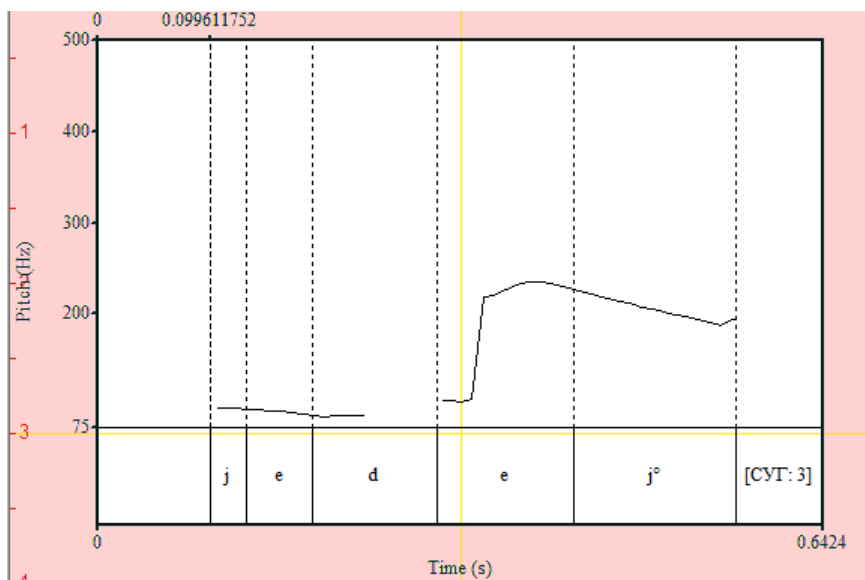
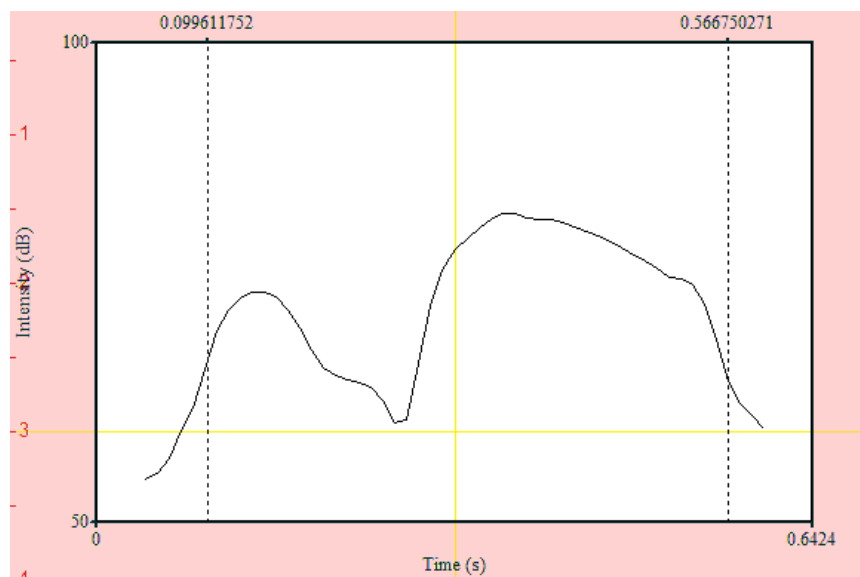
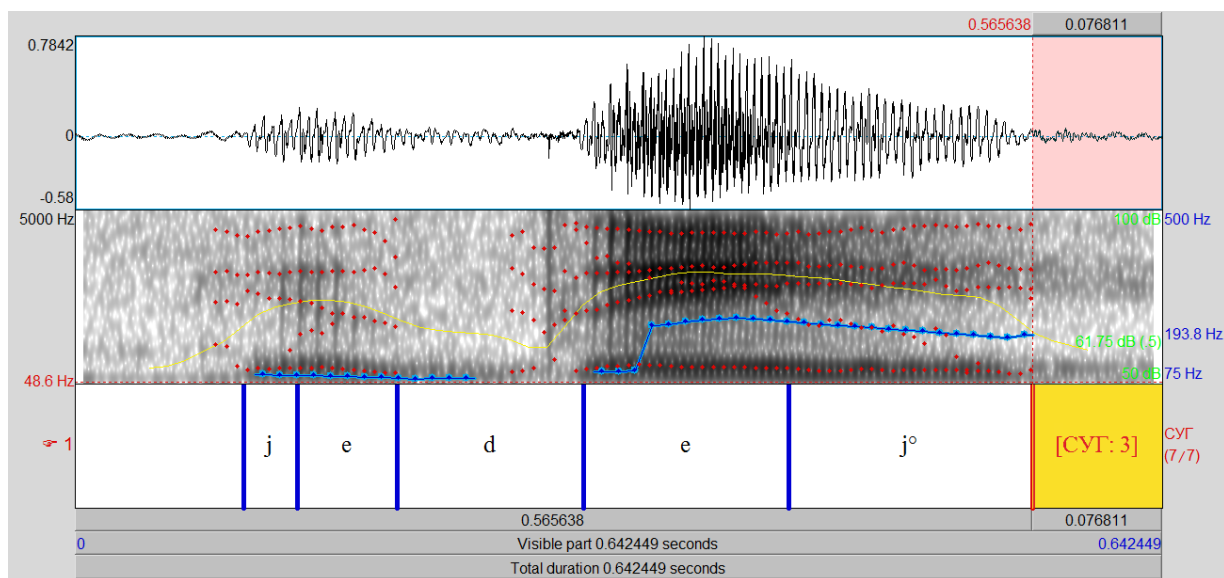

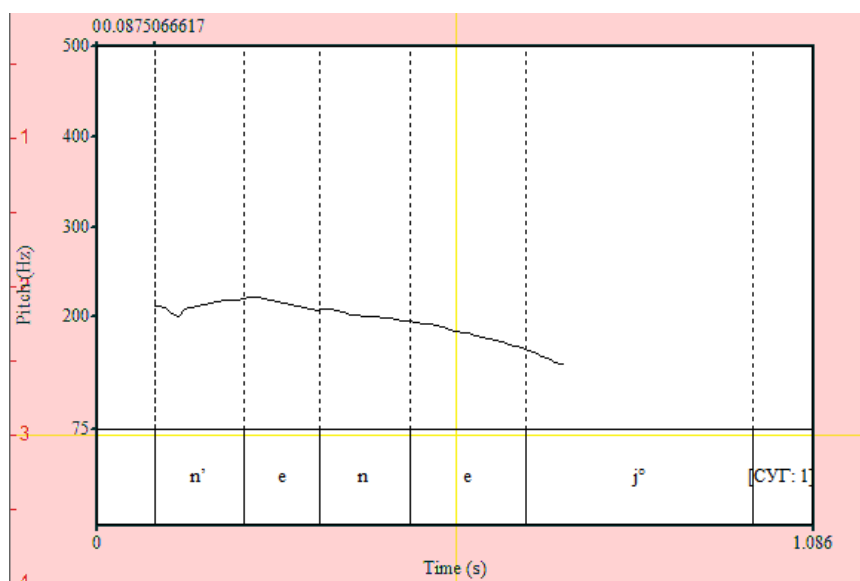
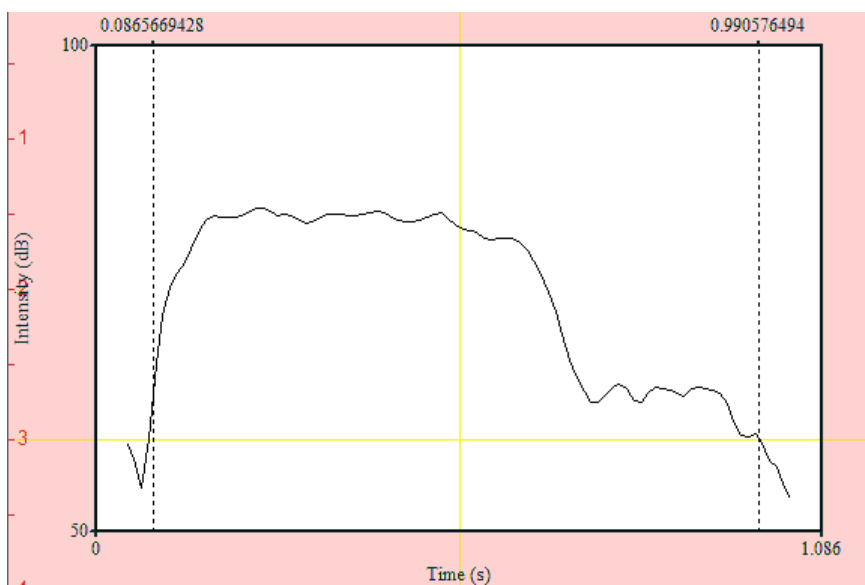
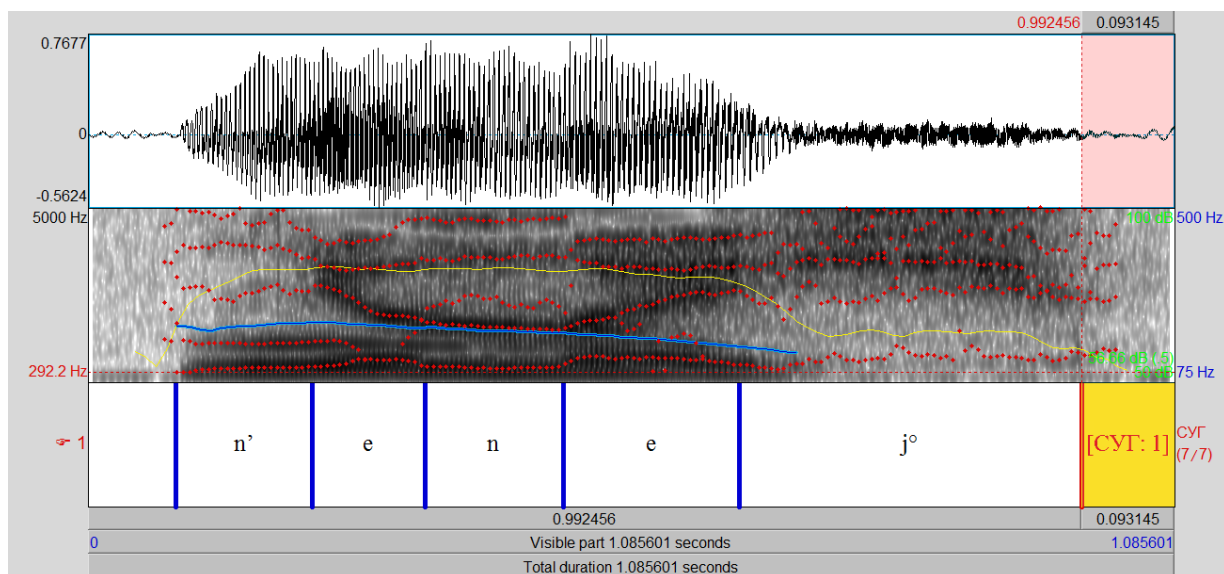
(15Г) Т гыдан. [jedéj] *jedej*° [CUT: 1]

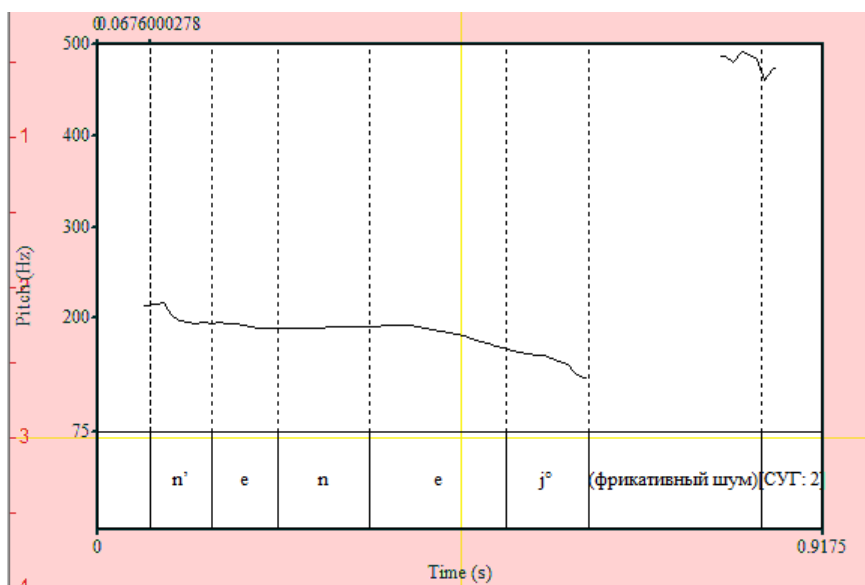
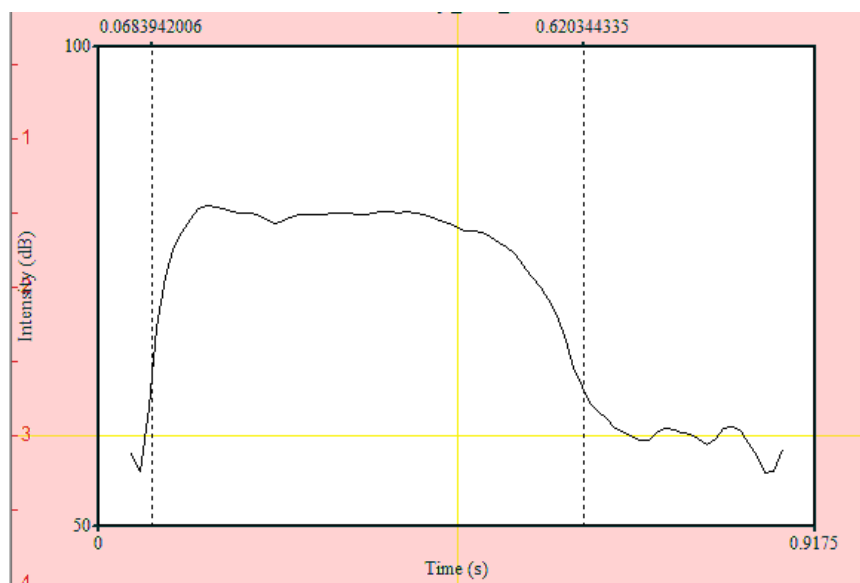
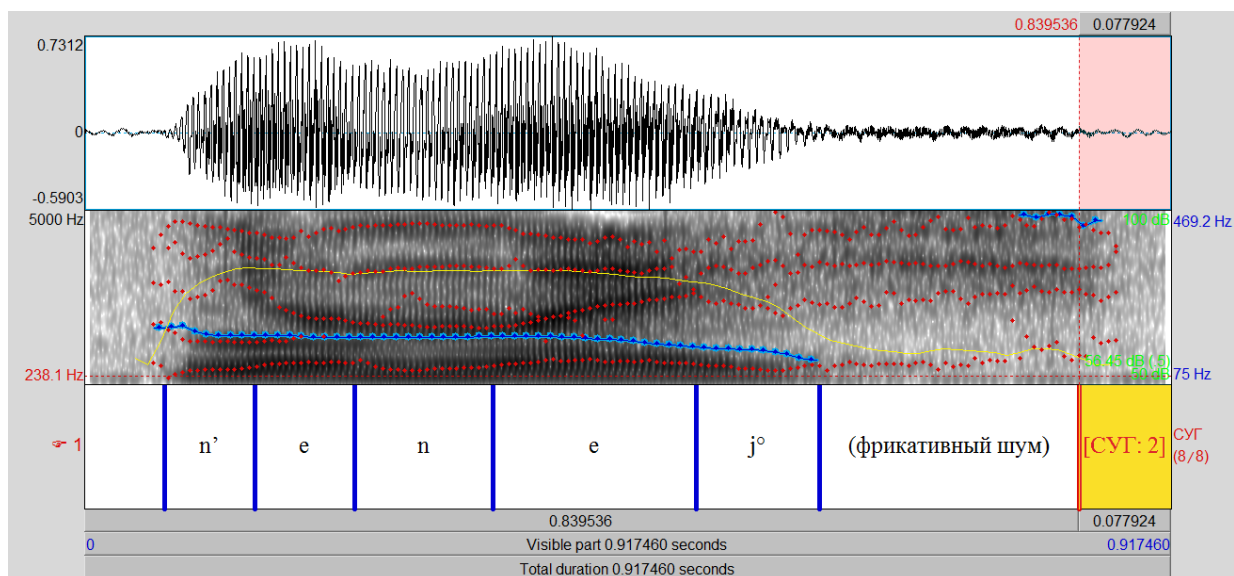
(15Г) Т гыдан. [jeděj] *jedej*^o [CUT: 2]

(15Г) Т гыдан. [jědédj] *jedej*° [CUT: 3]

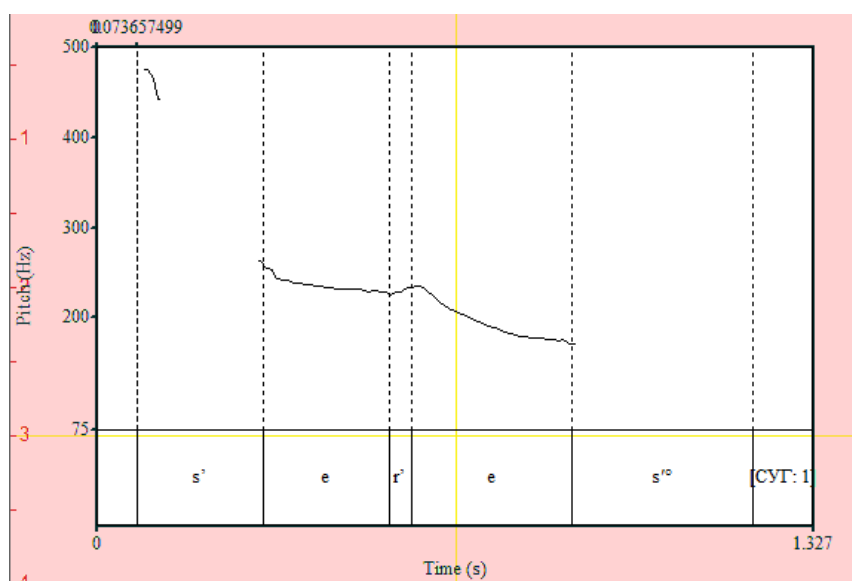
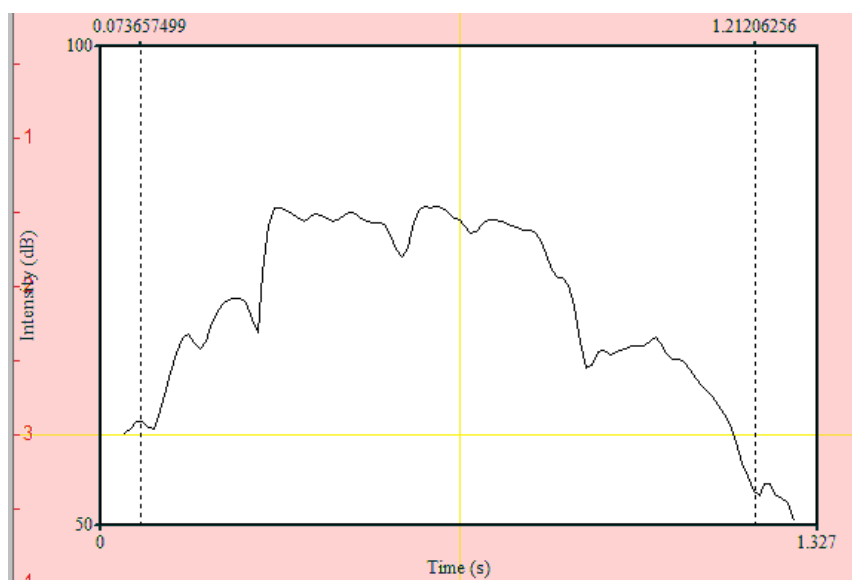
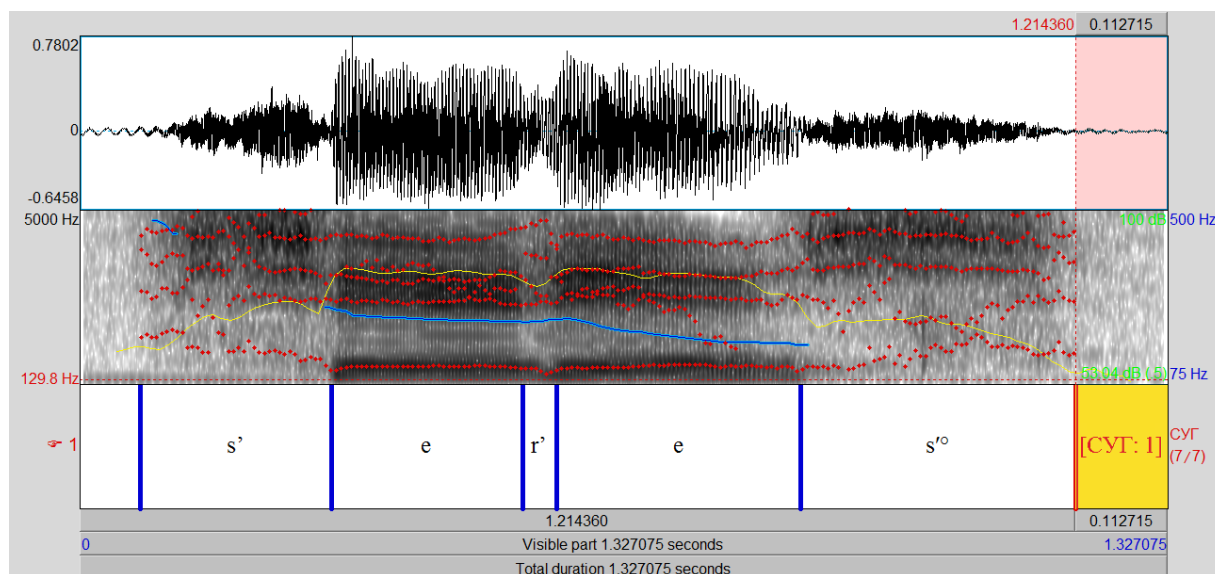

(16Г) Т гыдан. [ničnéj^o] n'enej^o [CUT: 1]

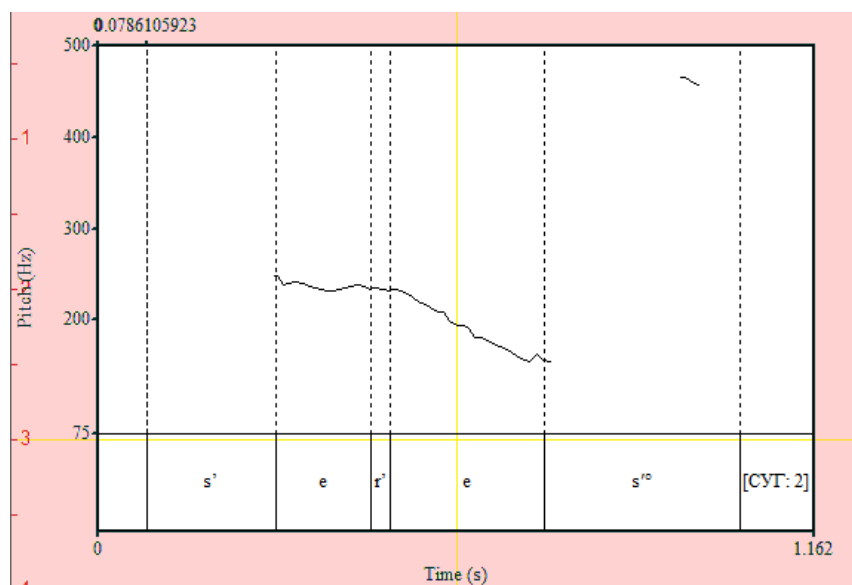
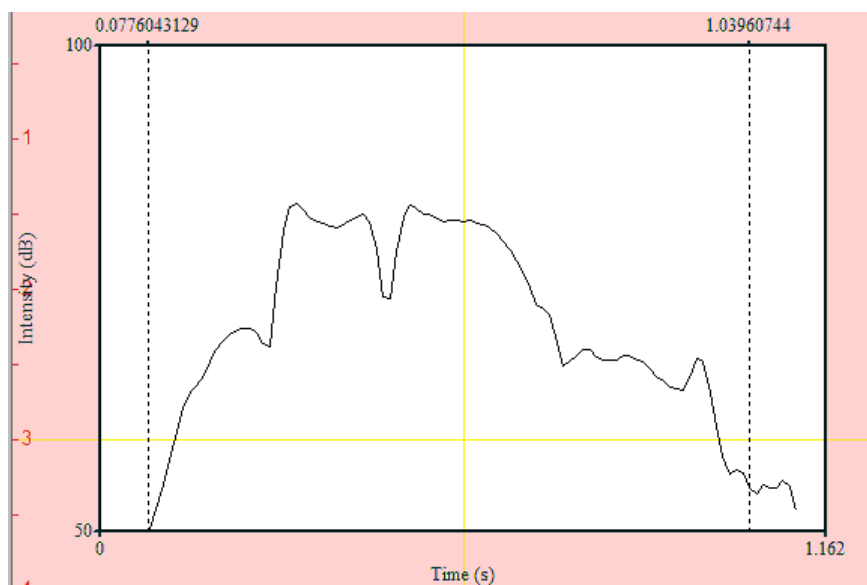
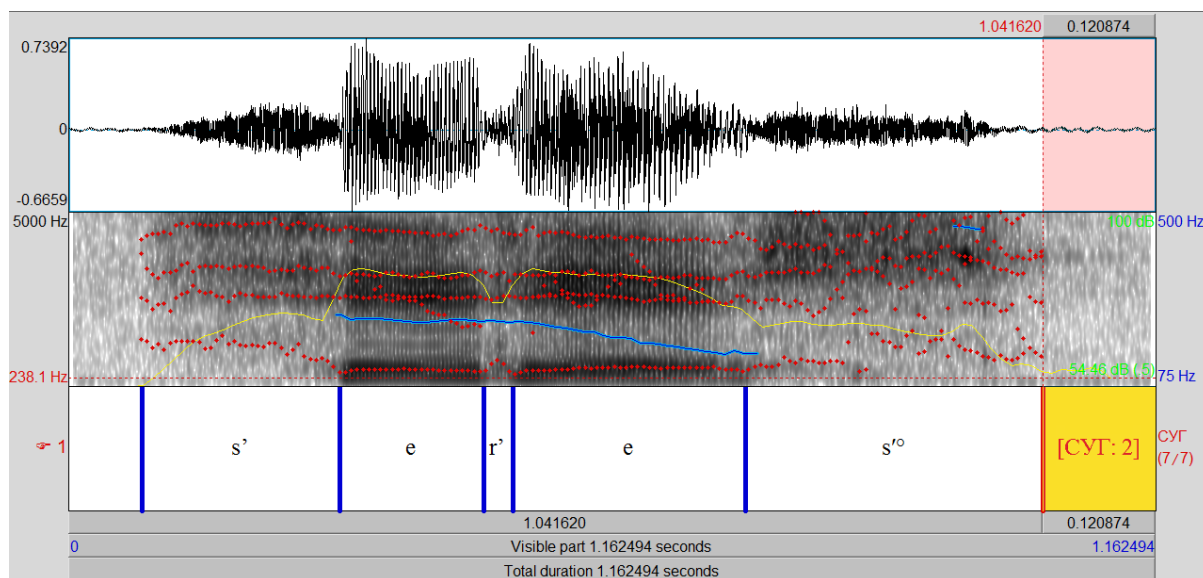
(16Г) Т гыдан. [ničnej°] n'enej° [СУГ: 2]

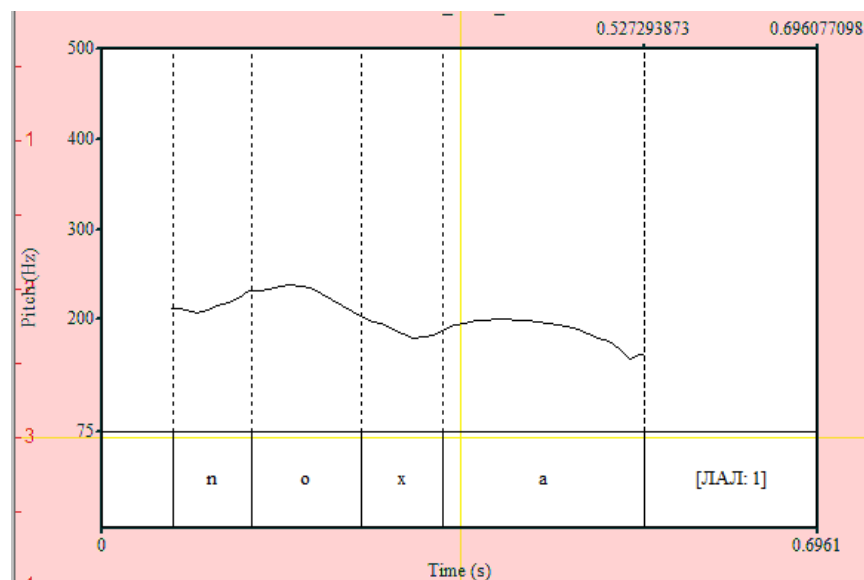
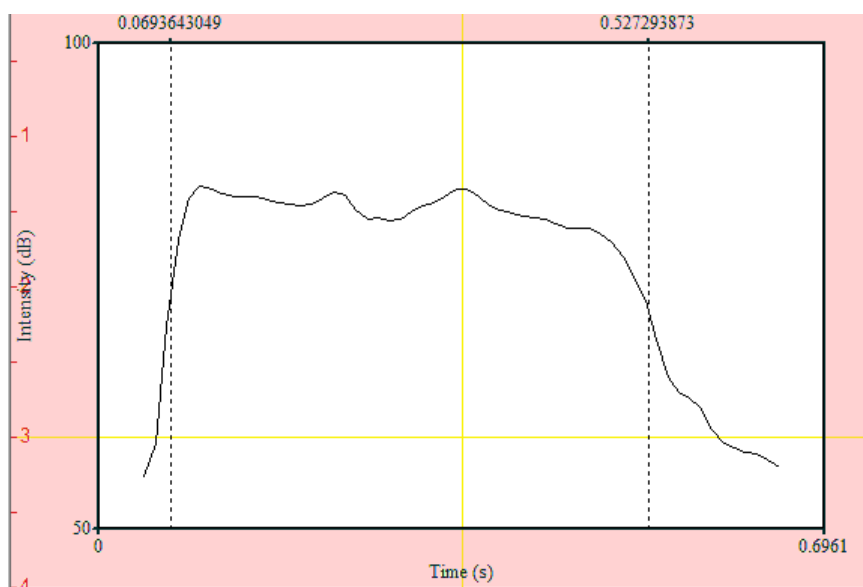
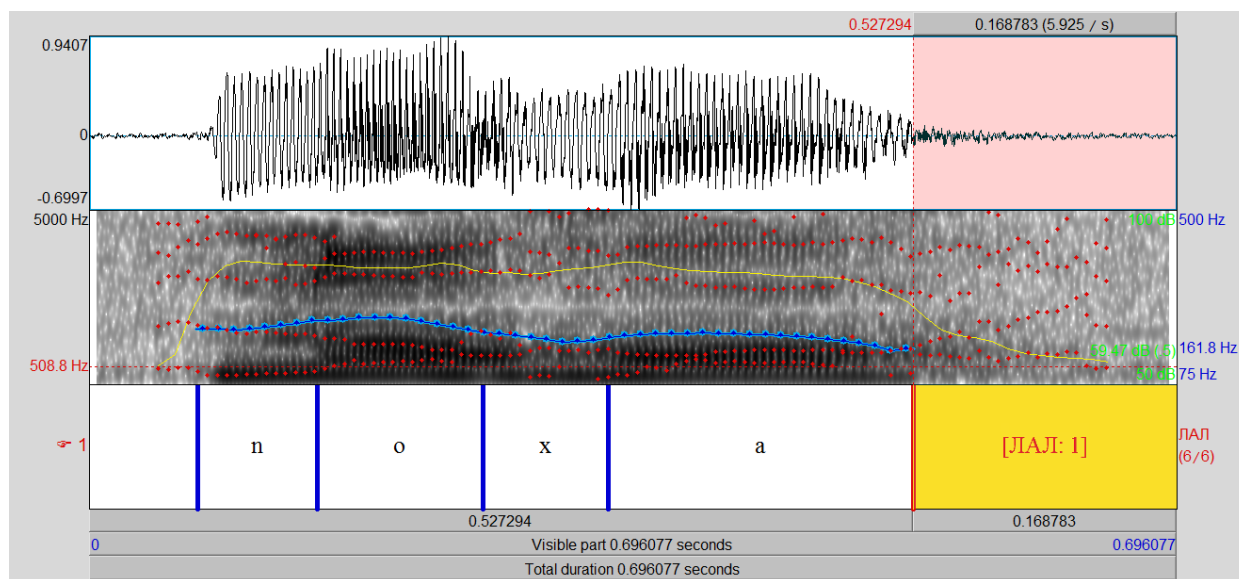
(17Г) Т гыдан. [s'eriés] s'er'es'ro [CYT: 1]

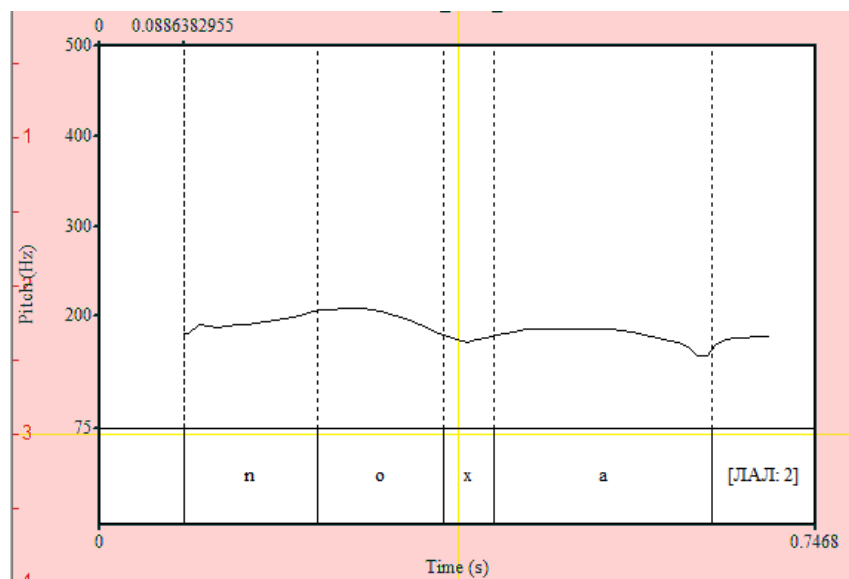
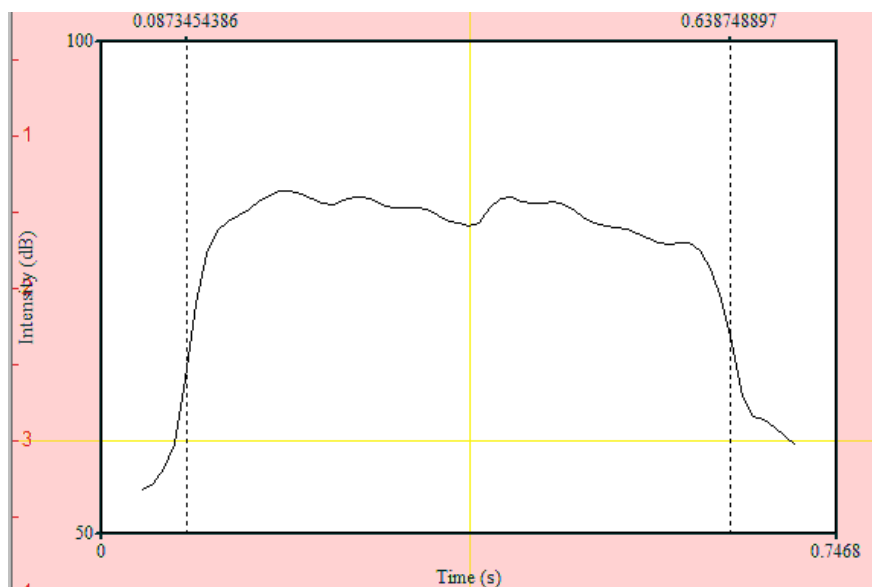
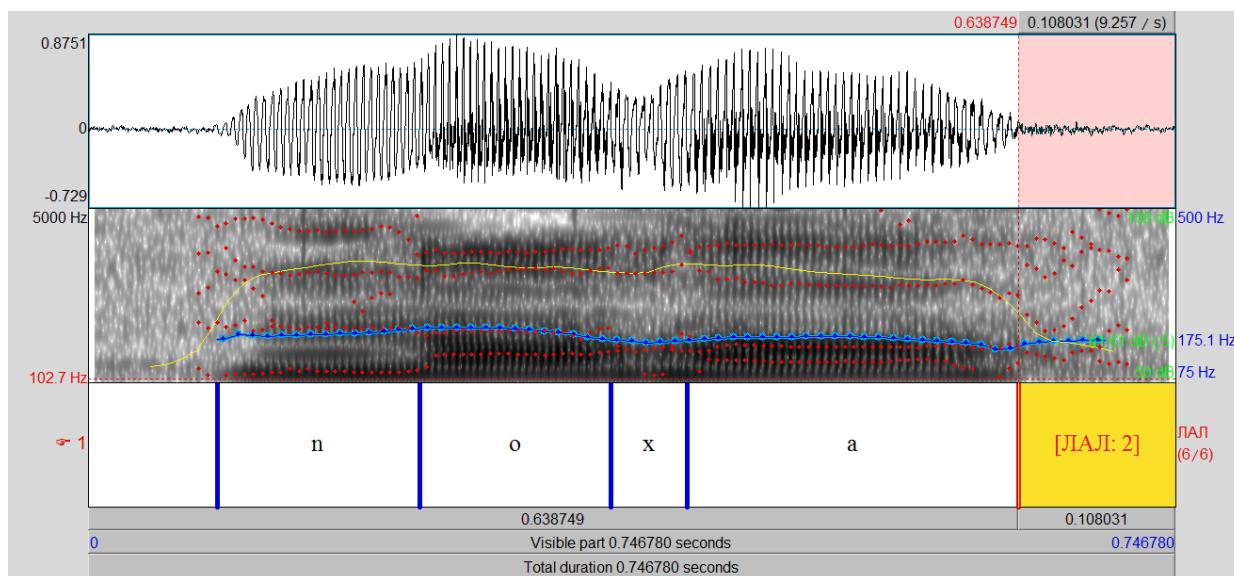
(17Г) Т гыдан. [s'ier'es'ʰo] s'er'es'ʰo [CYT: 2]

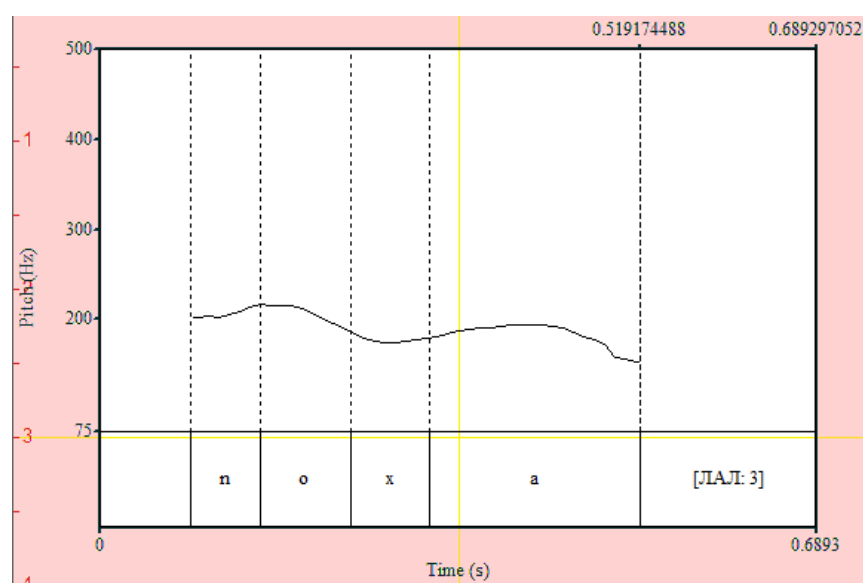
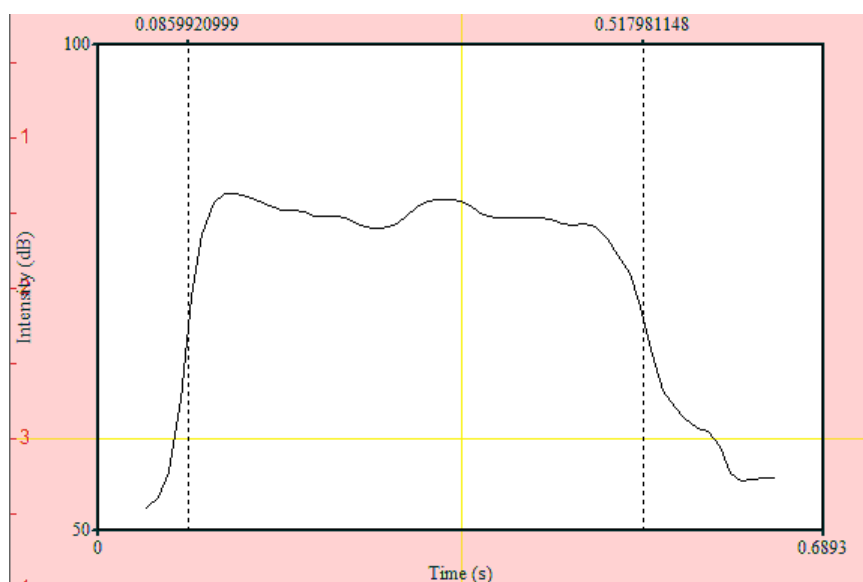
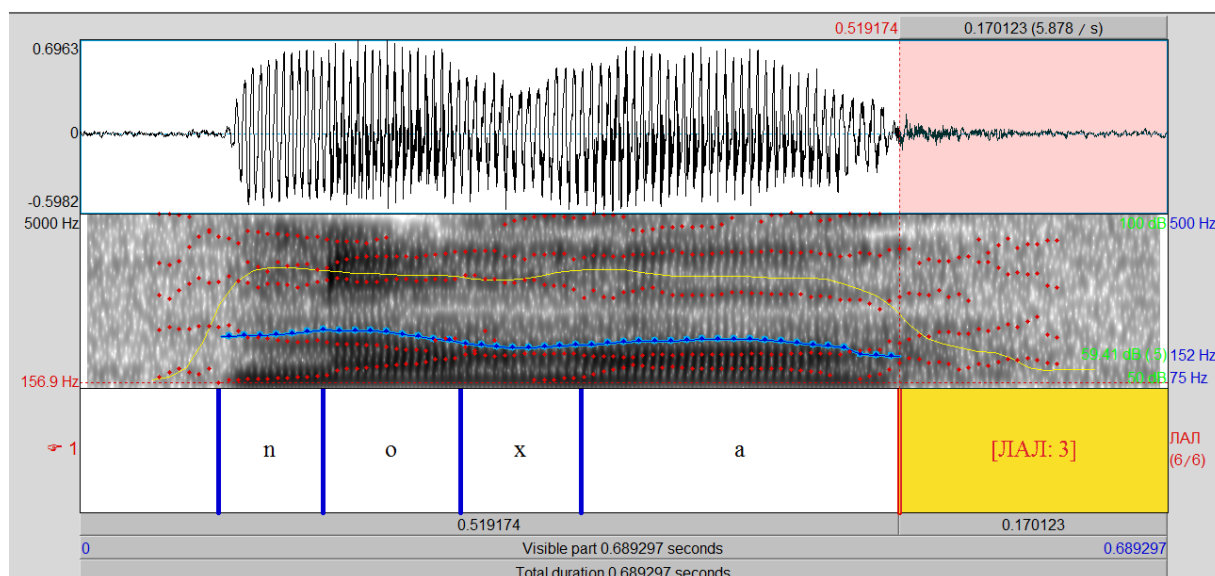

3. Фонетические слова с гласными среднего подъема заднего ряда в первом и втором слогах

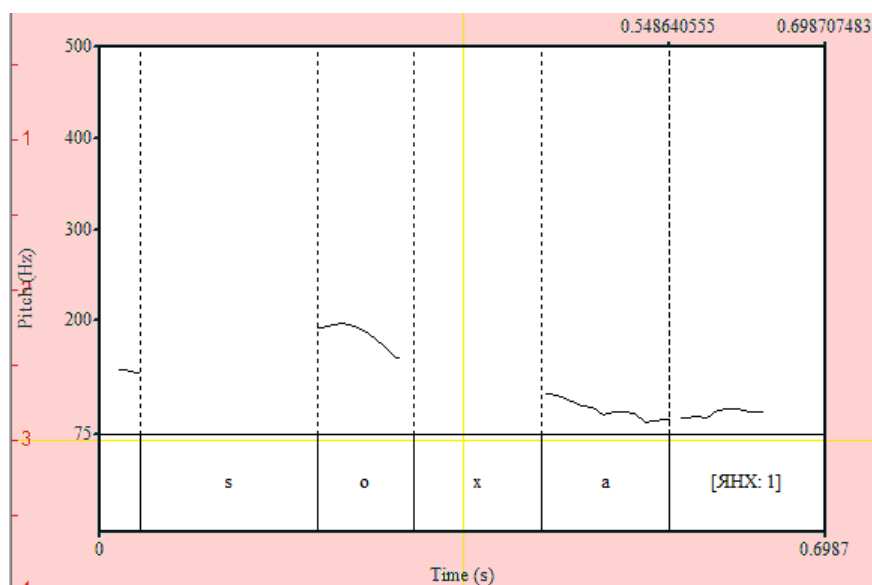
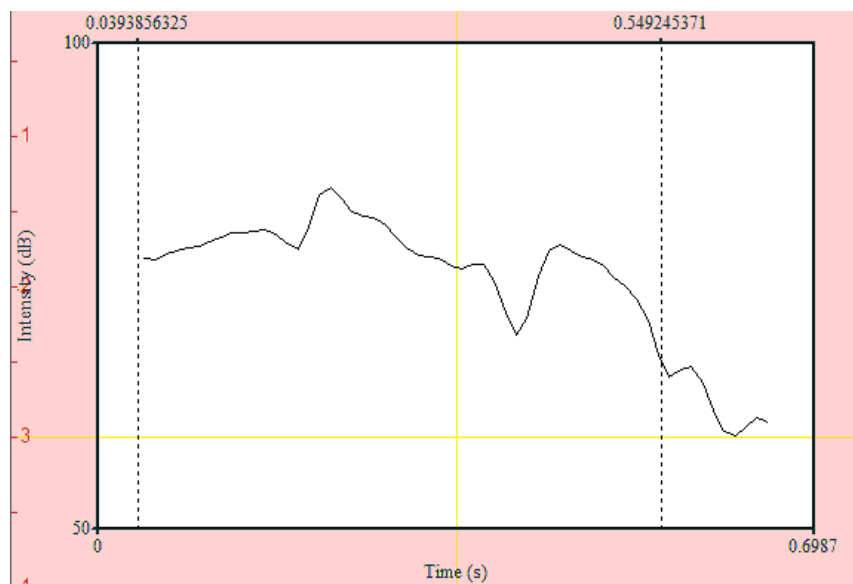
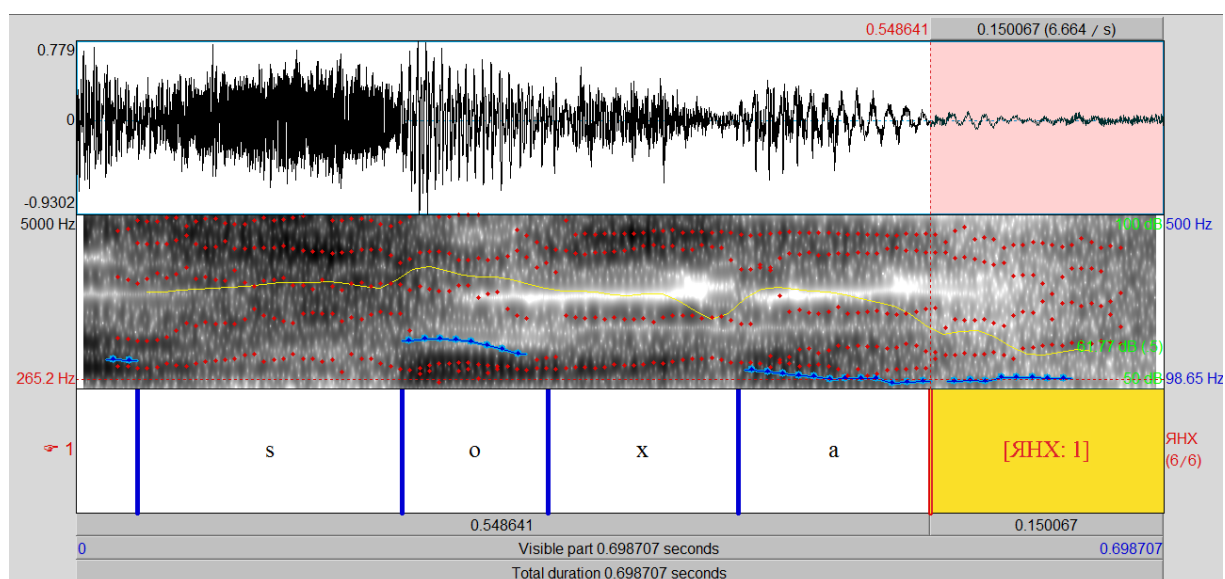
(18Г) Т гыдан. [nóуə] *ноха* [ЛЛЛ: 1]

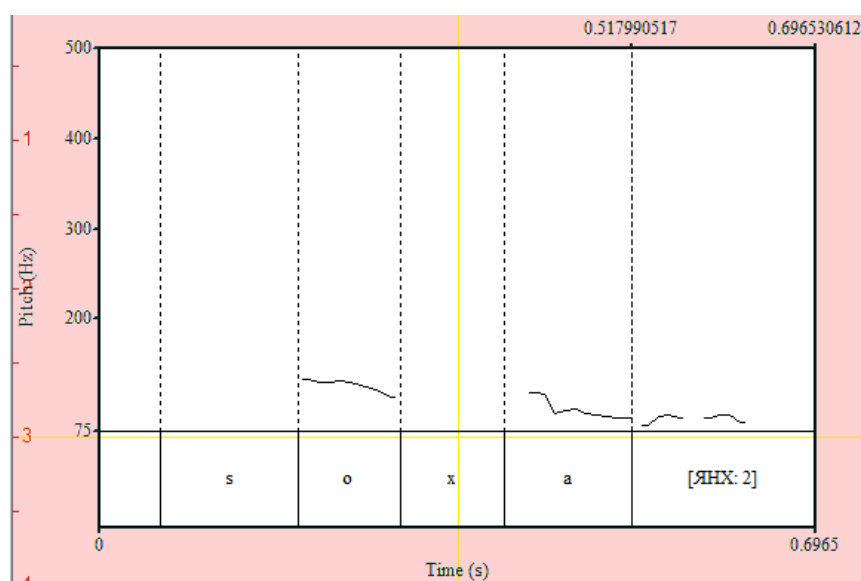
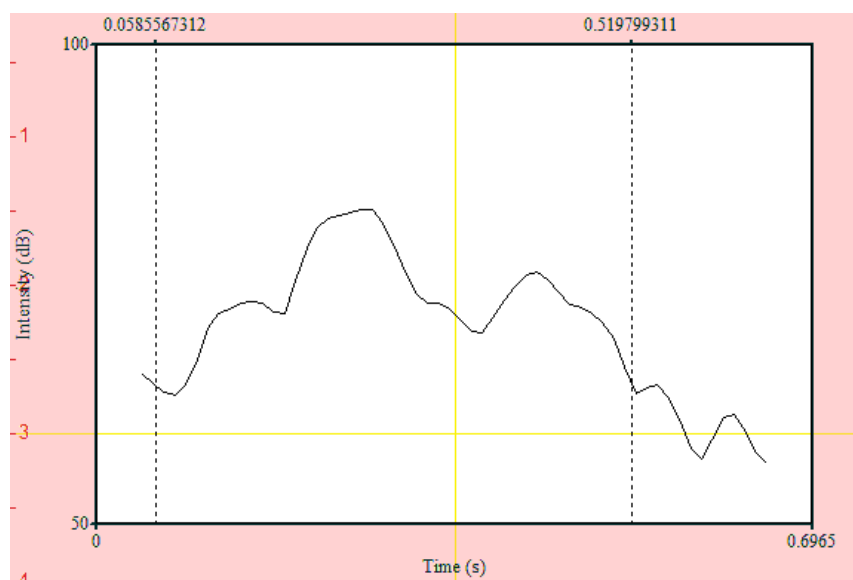
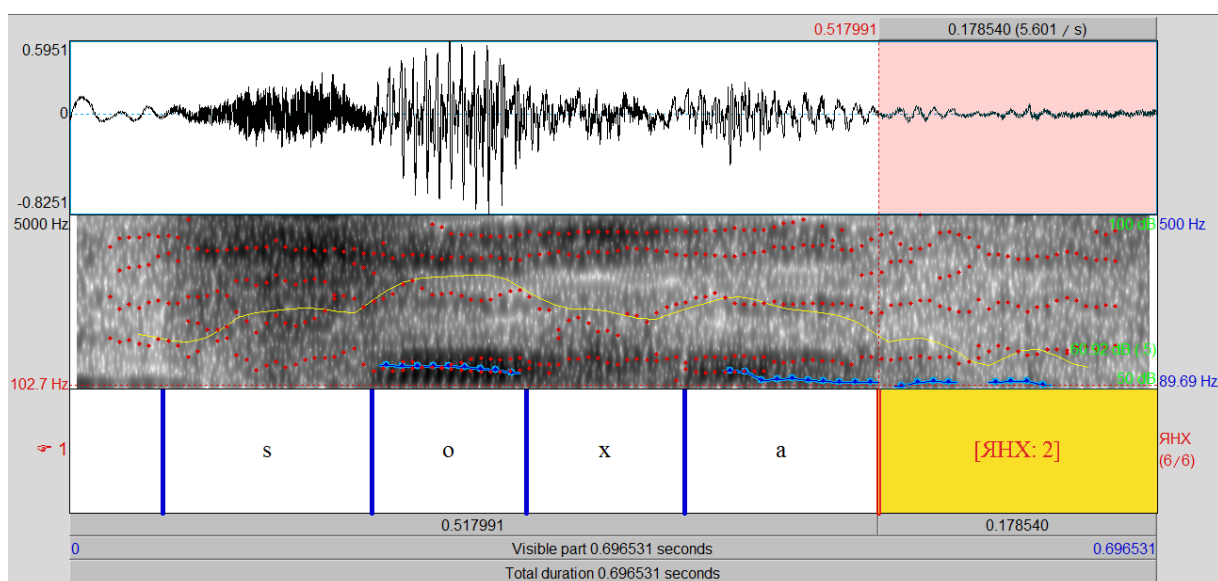
(18Г) Т гыдан. [nóʊə] *ноха* [ЛАЛ: 2]

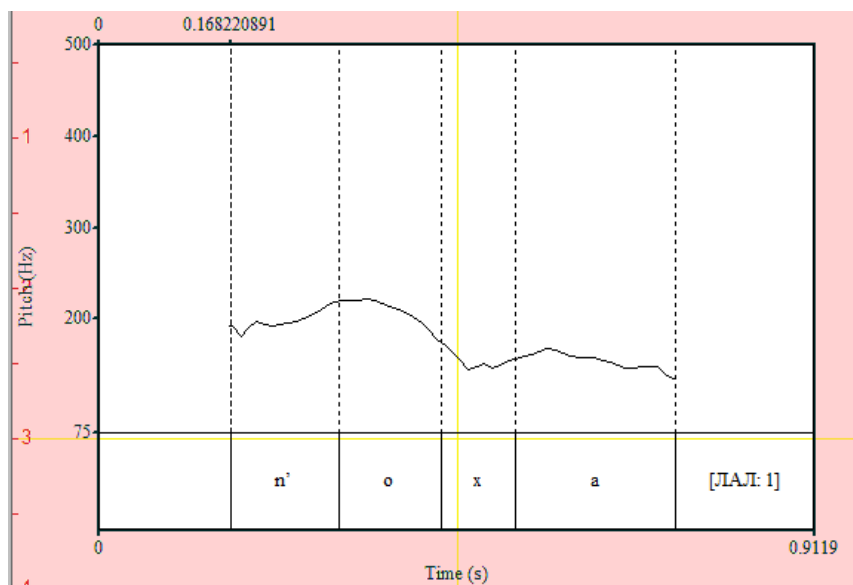
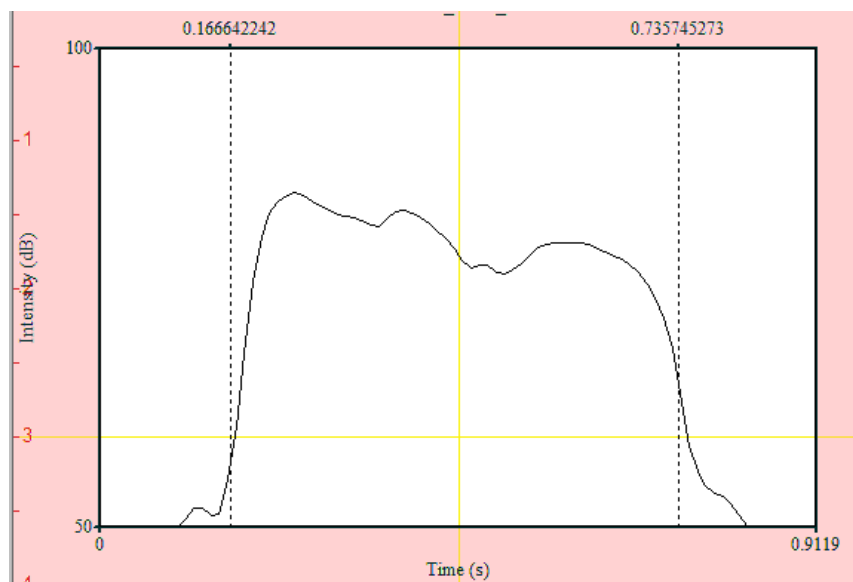
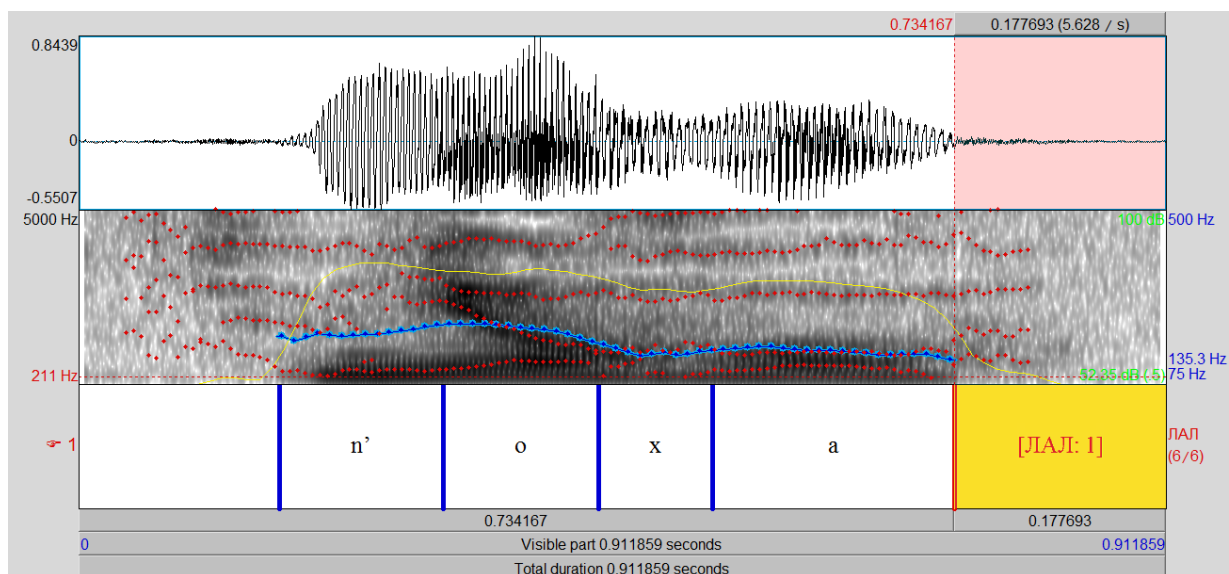
(18Г) Т гыдан. [nóʏə] *noxa* [ЛИАЛ: 3]

(19Г) Т гыдан. [sóxɔ] soxa [ЯНХ: 1]

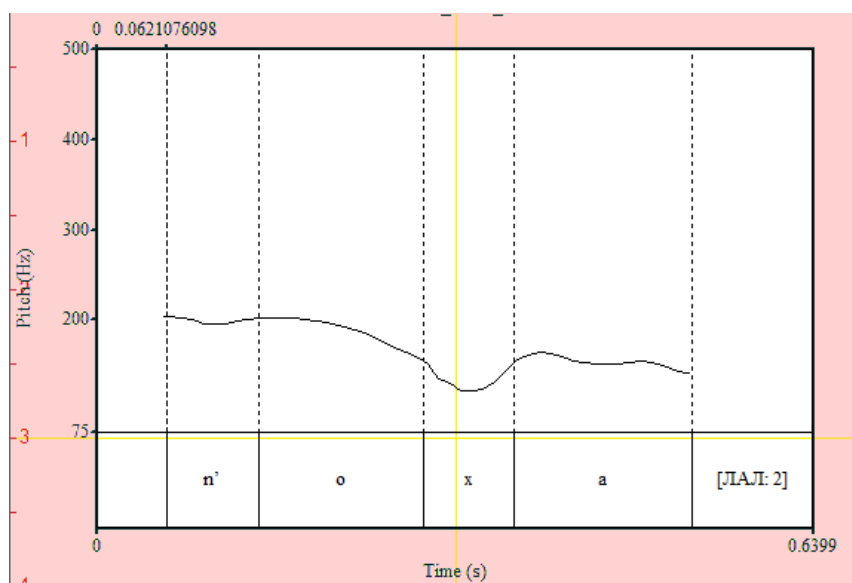
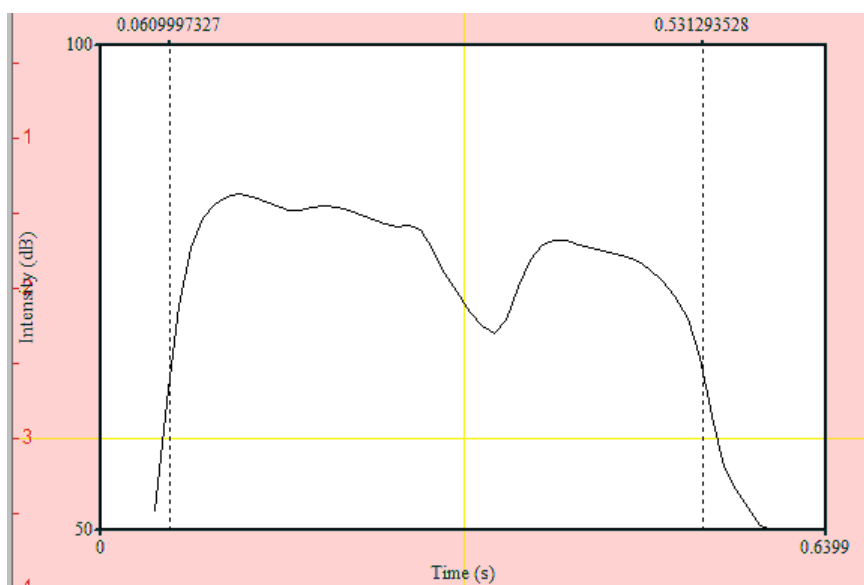
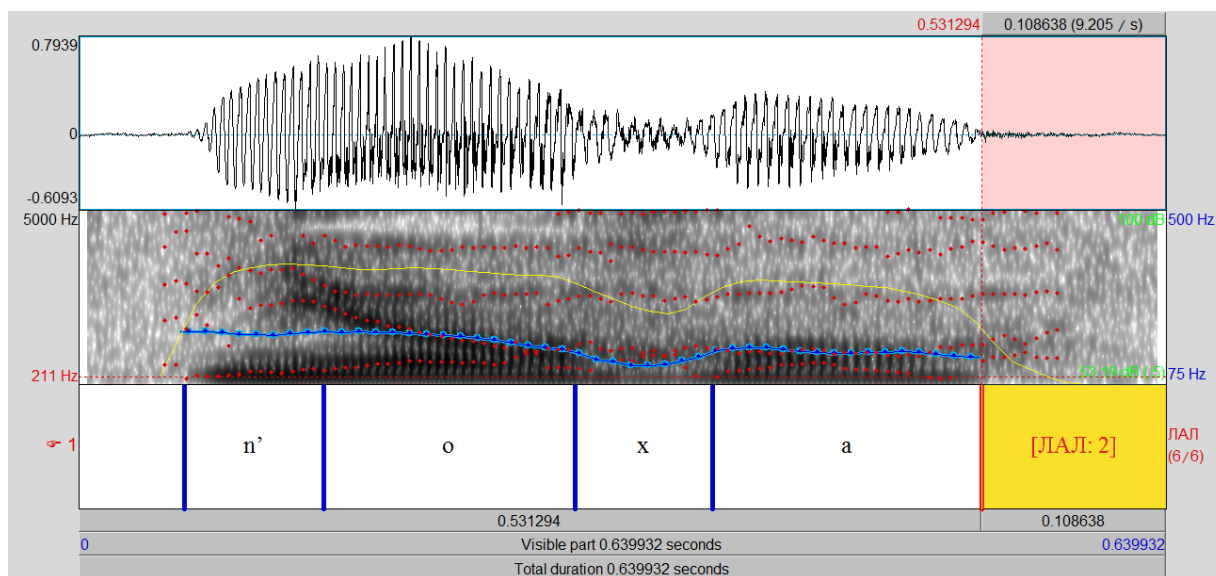

(19Г) Т гыдан. [sóxə] *soxa* [ЯНХ: 2]

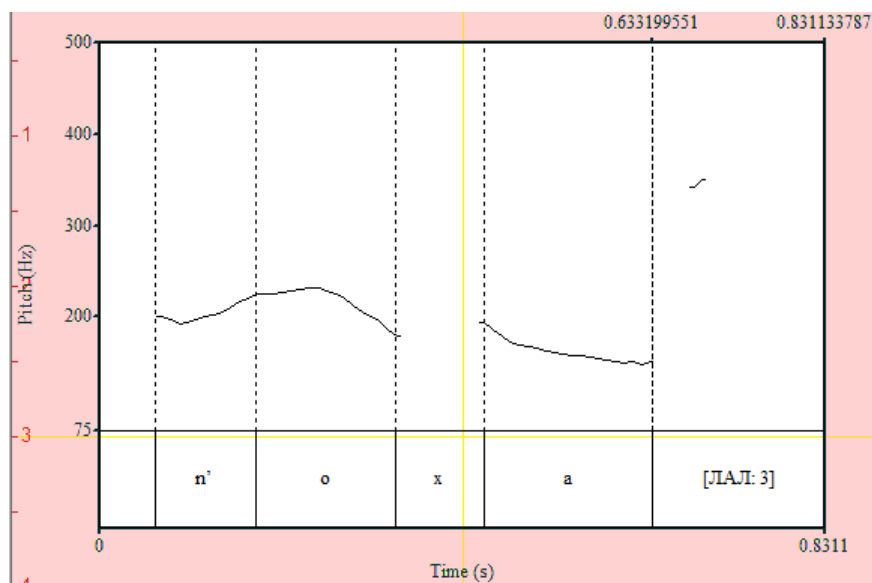
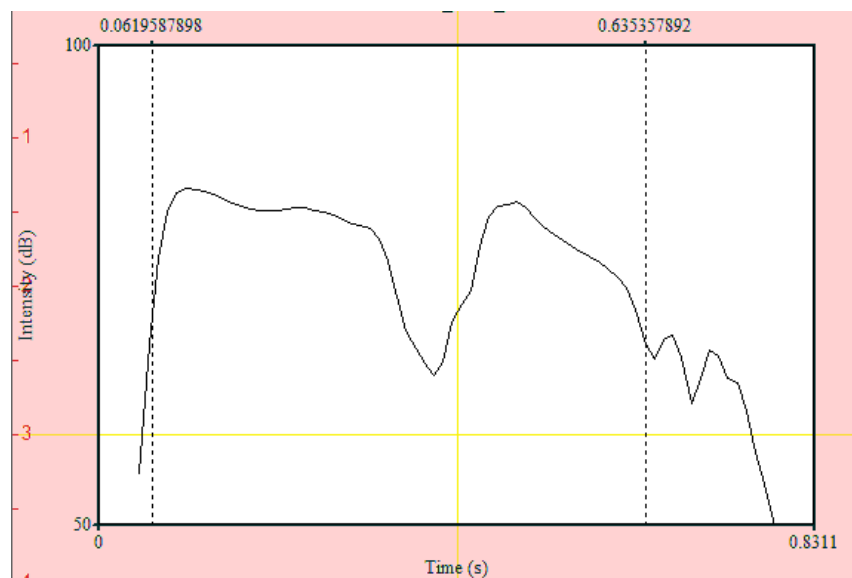
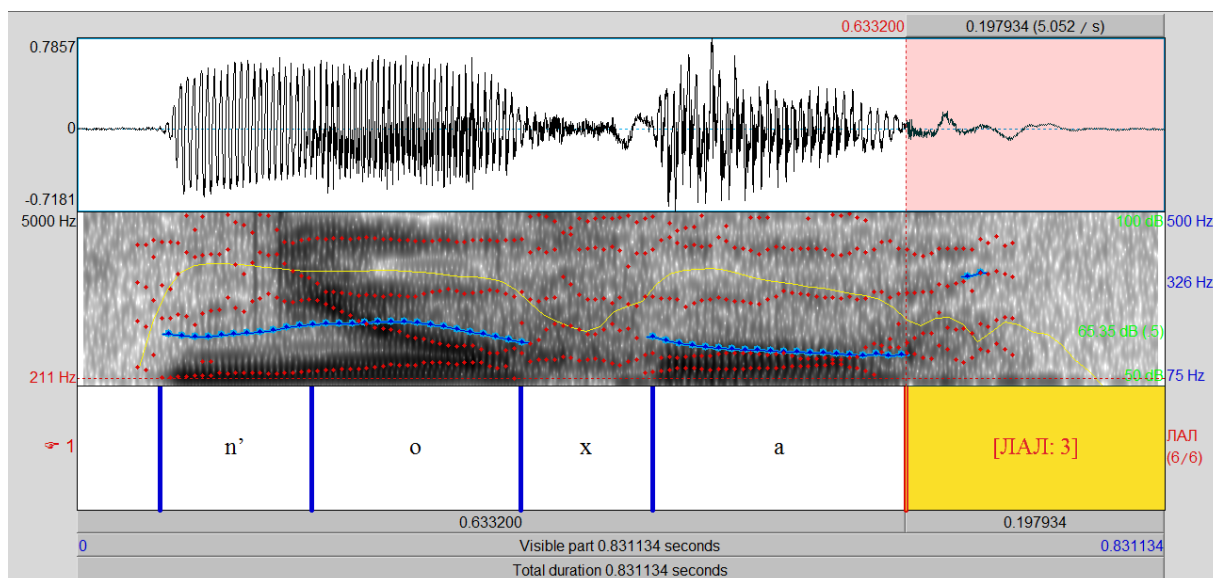
(20Г) Т гыдан. [n'oxa] n'oxa [ЛАЛ: 1]

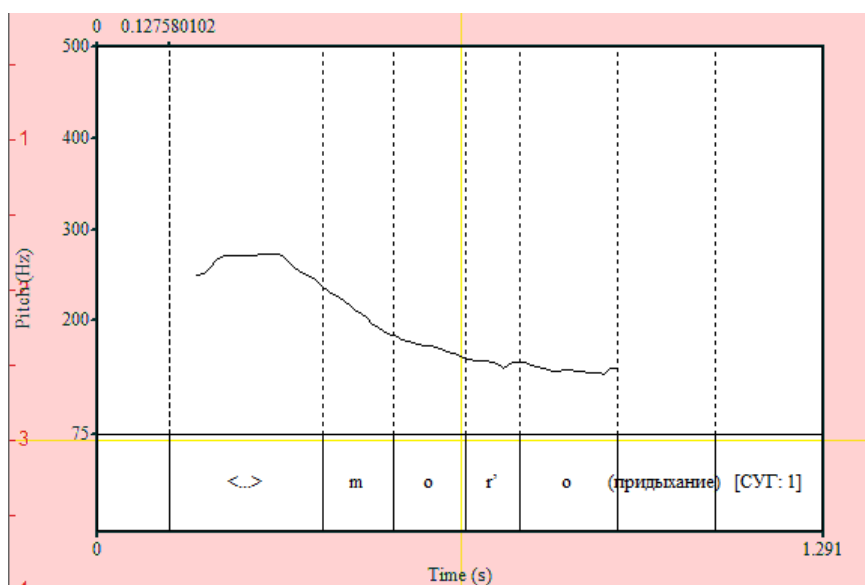
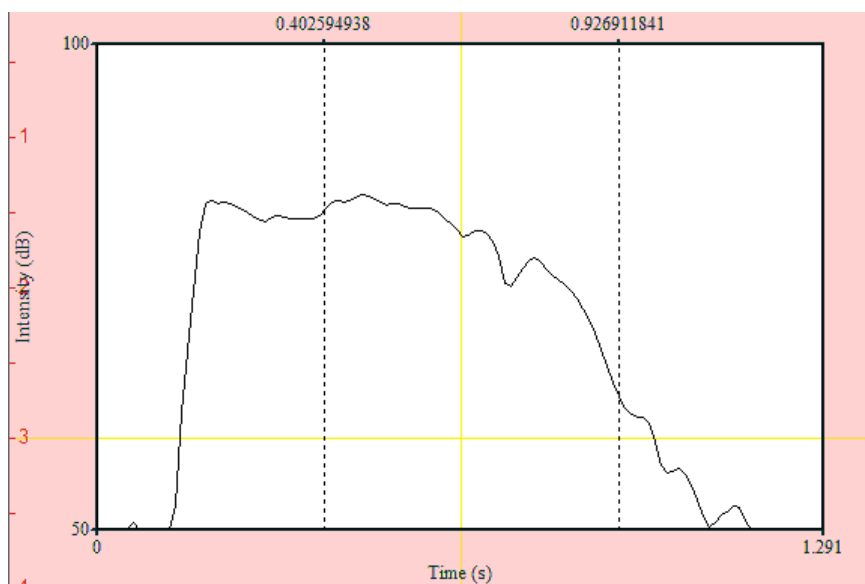
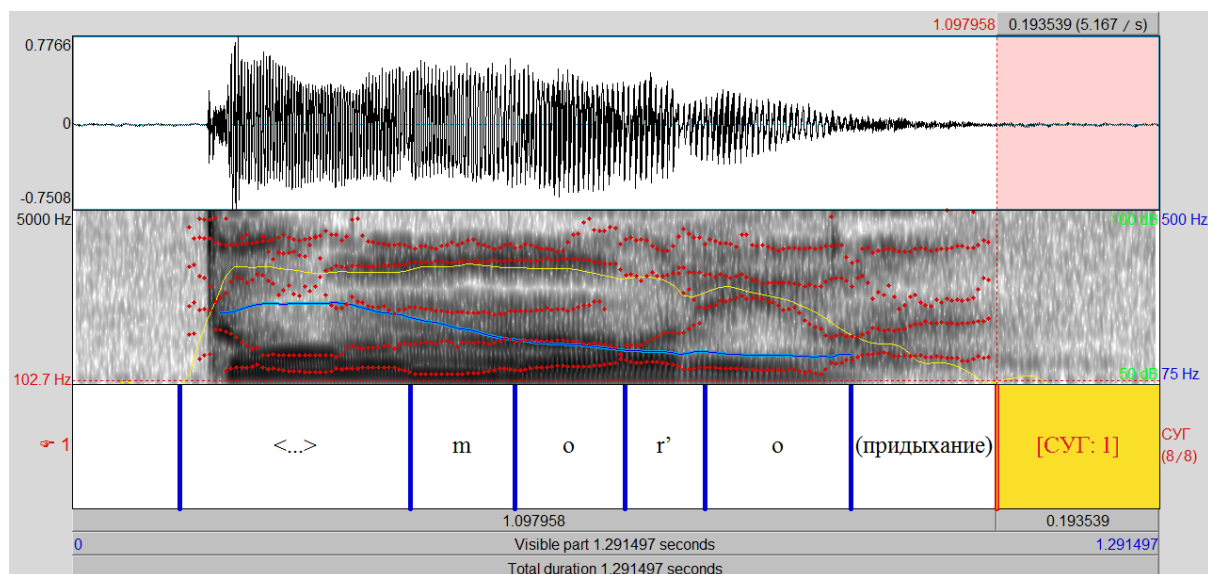

(20Г) Т гыдан. [n'óxə] n'oxa [ЛАЛ: 2]

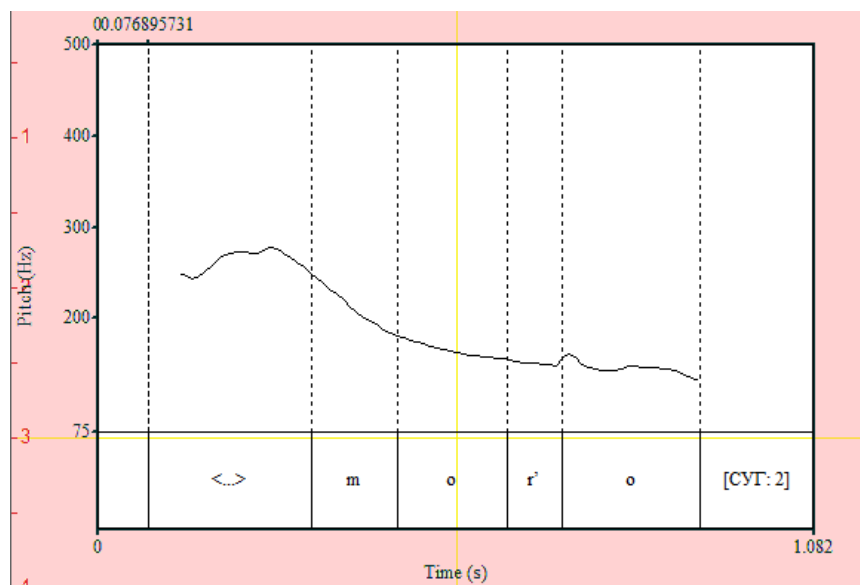
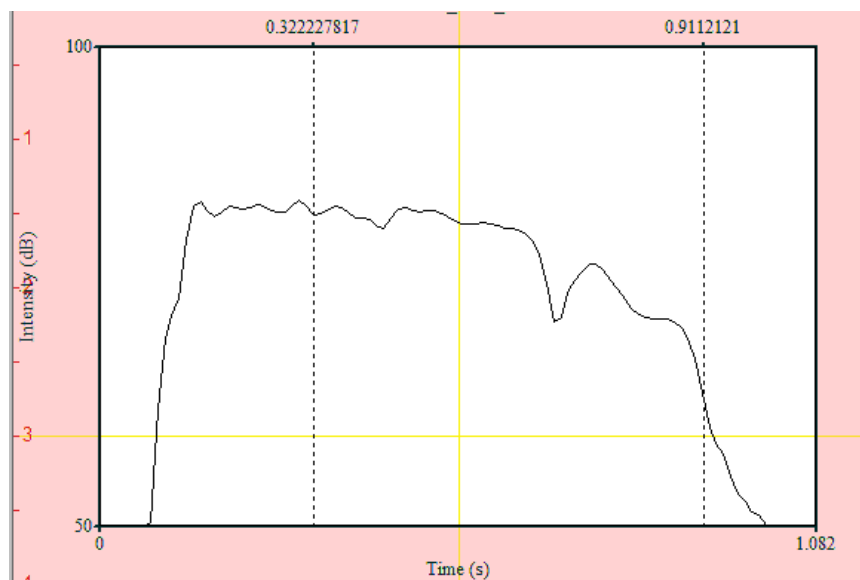
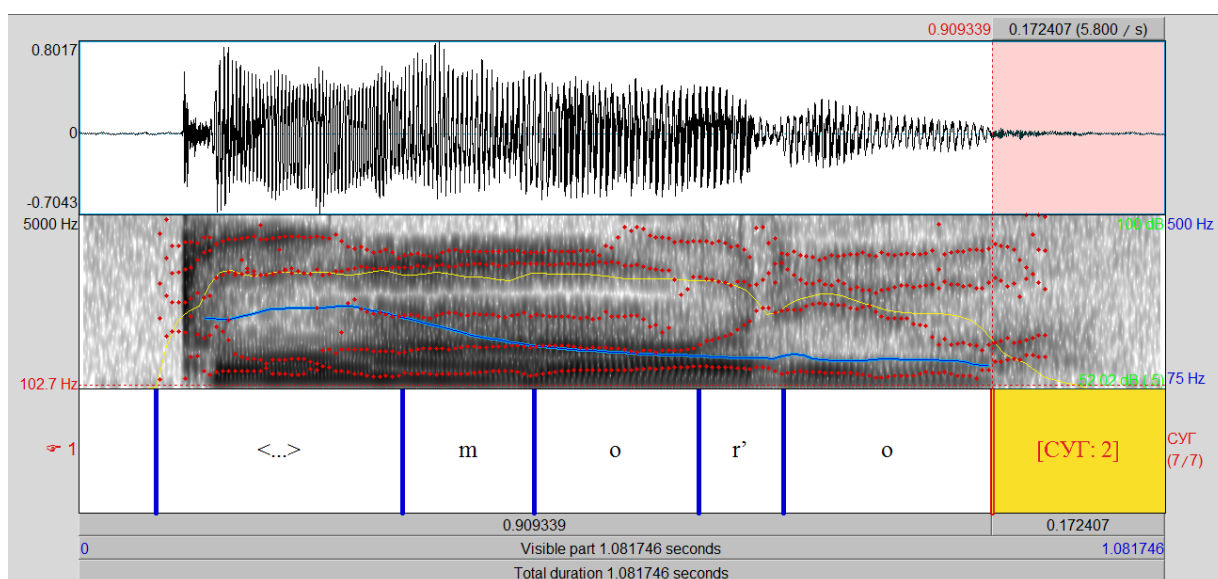

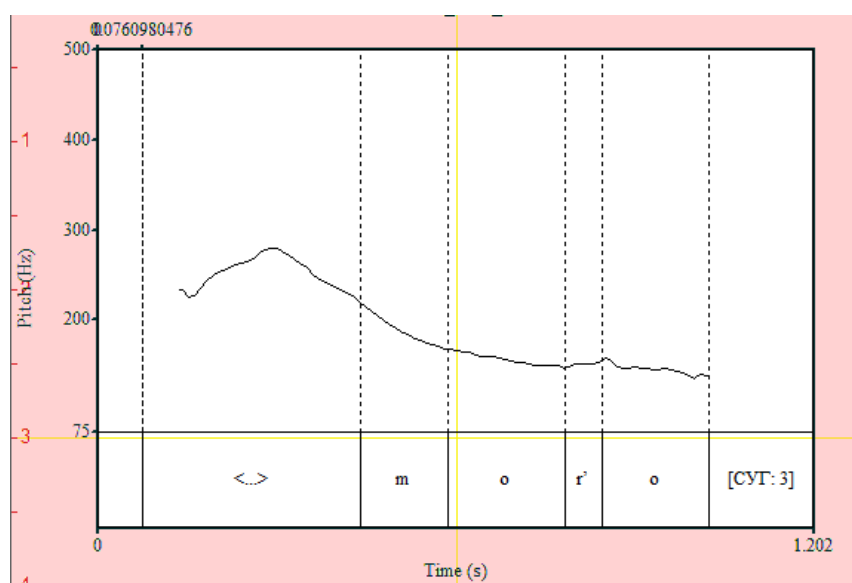
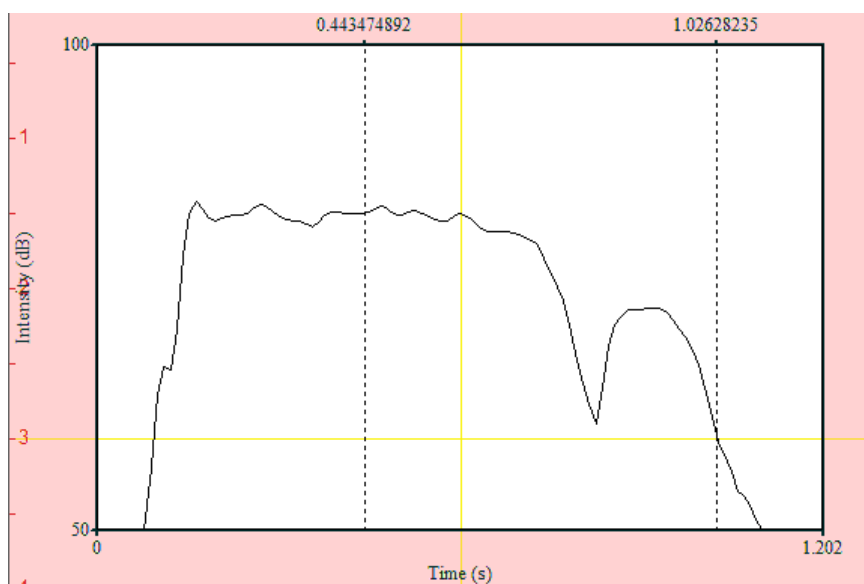
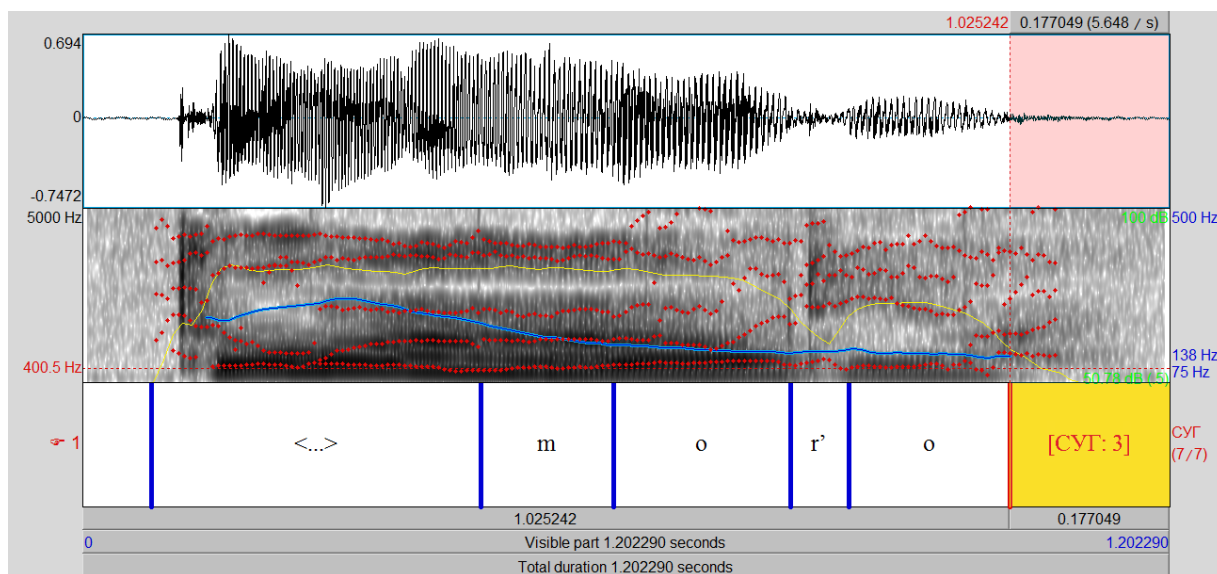
(20Г) Т гыдан. [n'oxa] n'oxa [ЛАЛ: 3]

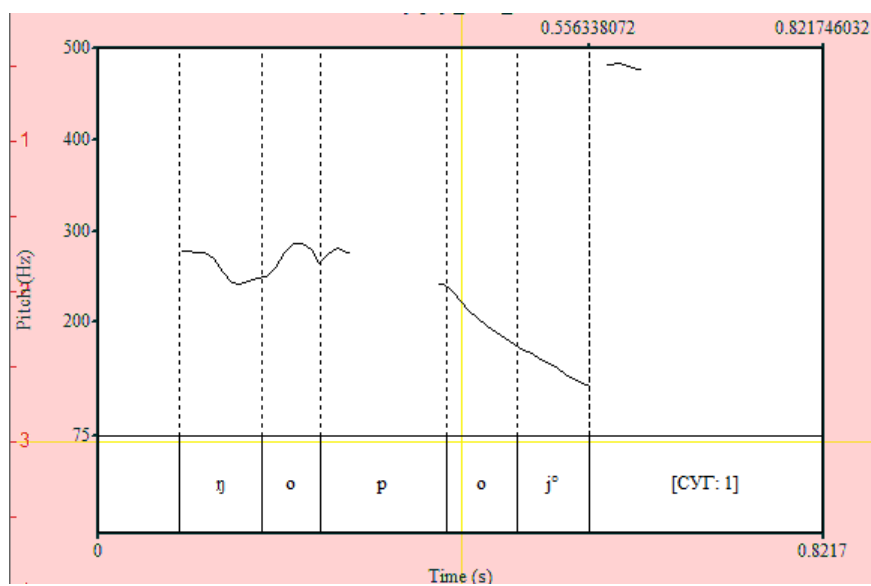
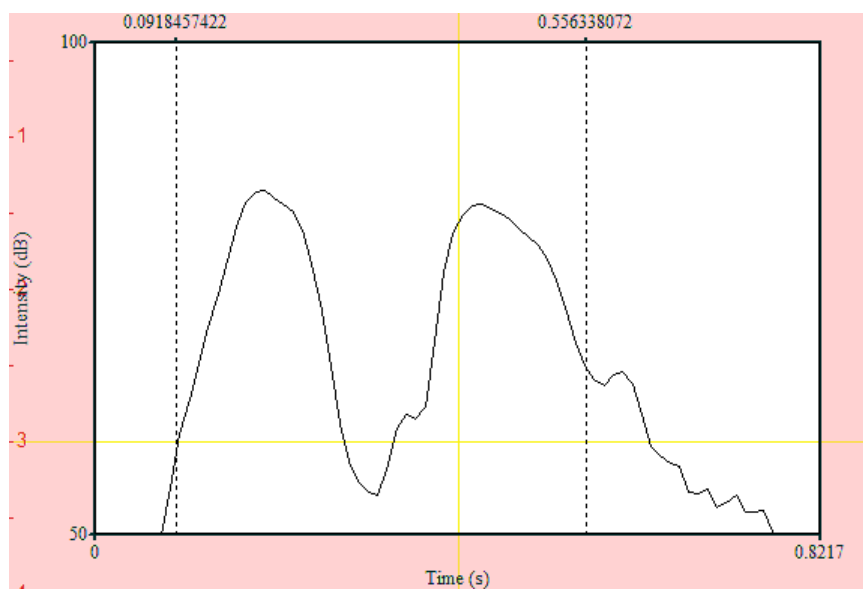
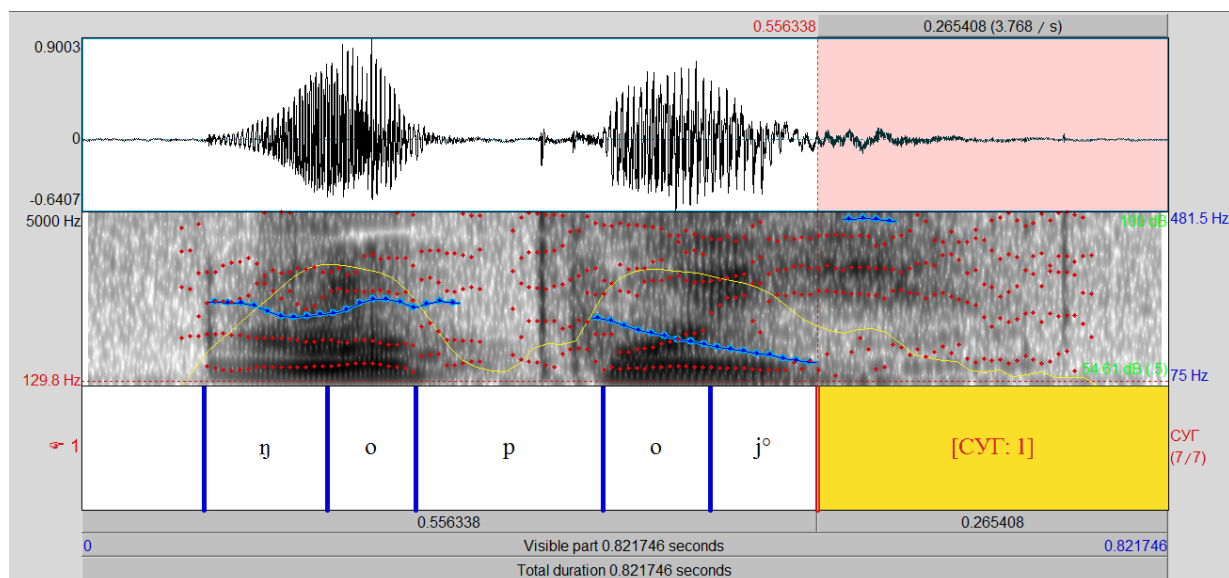
(21Г) Т гыдан. [móŕiə] *mor'o* [СУГ: 1]

(21Г) Т гыдан. [mõŋiə] *mor'o* [СУГ: 2]

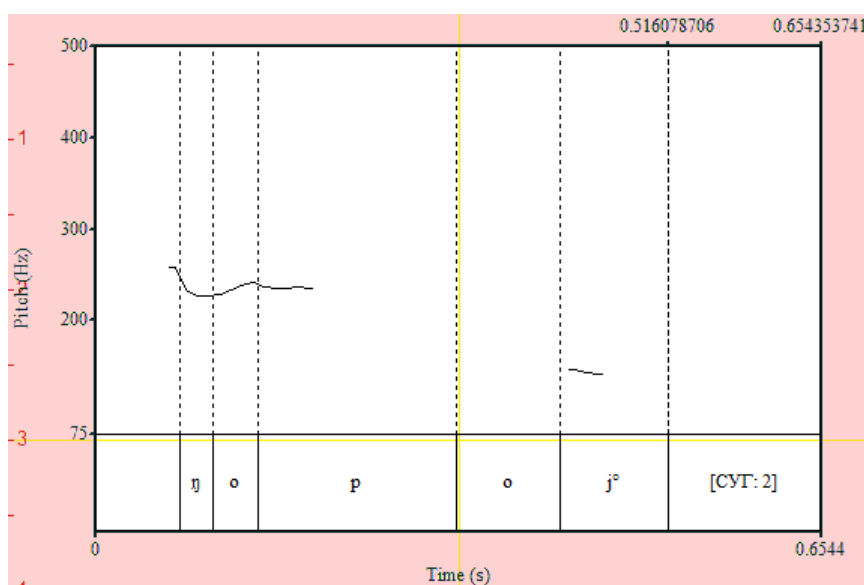
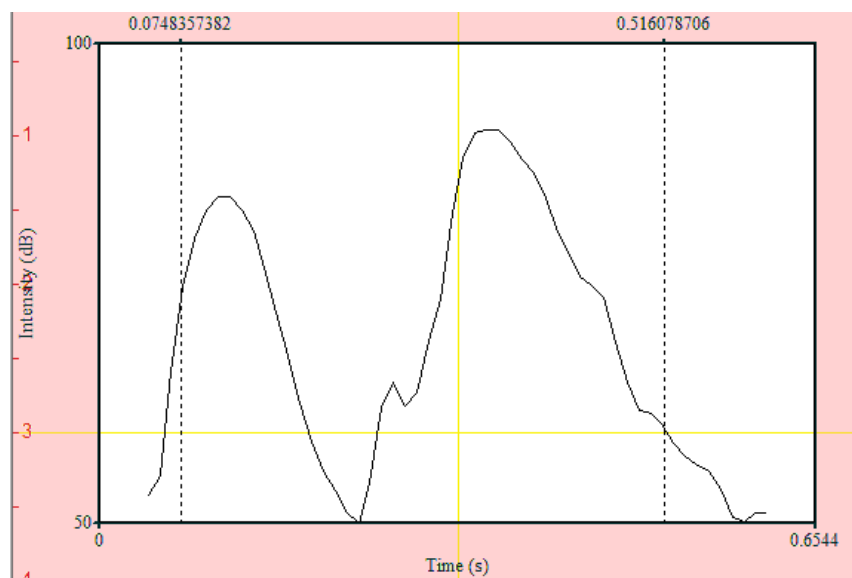
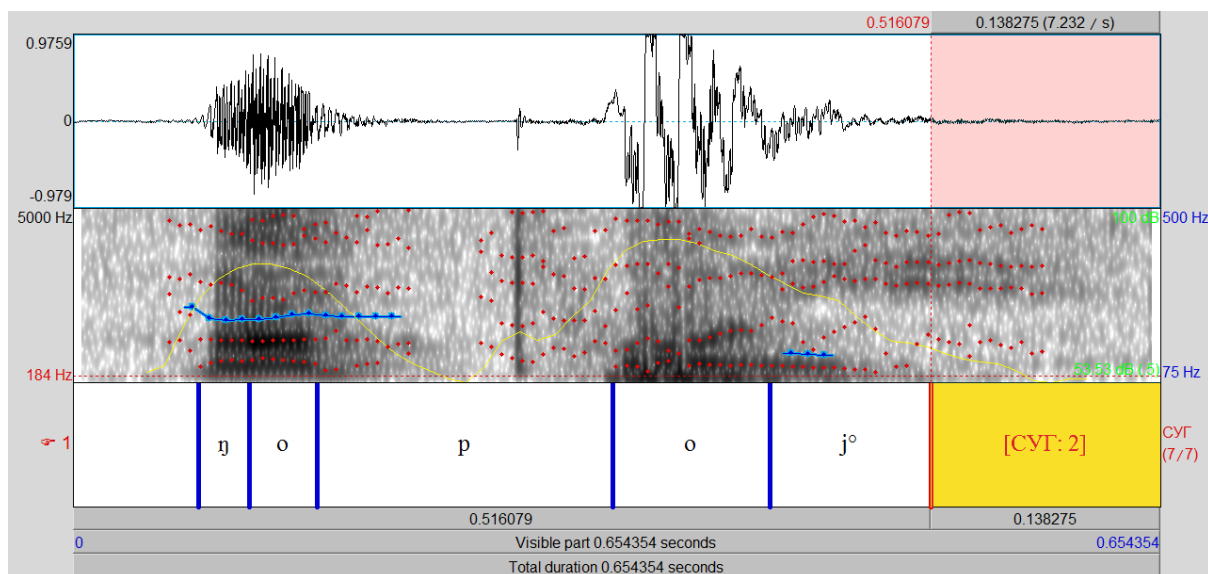

(21Г) Т гыдан. [mǒŋ'ə] *mor'o* [СУГ: 3]

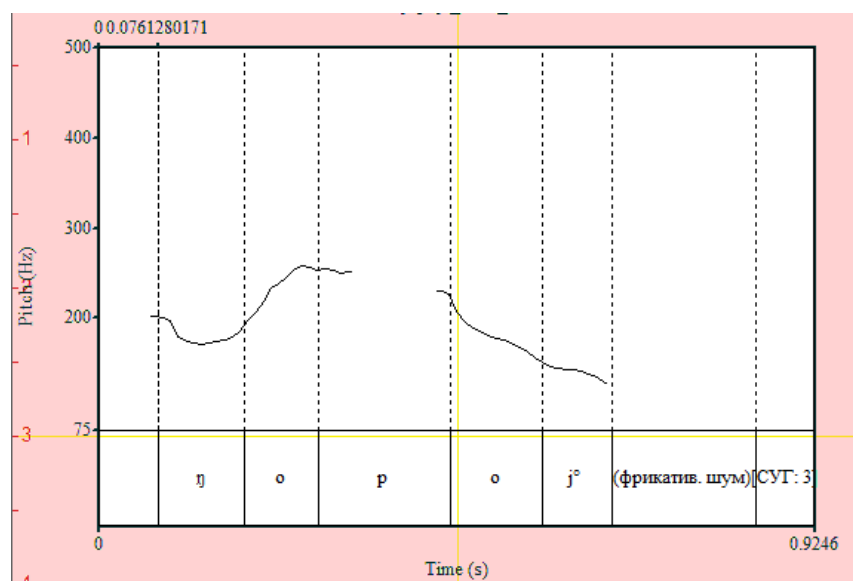
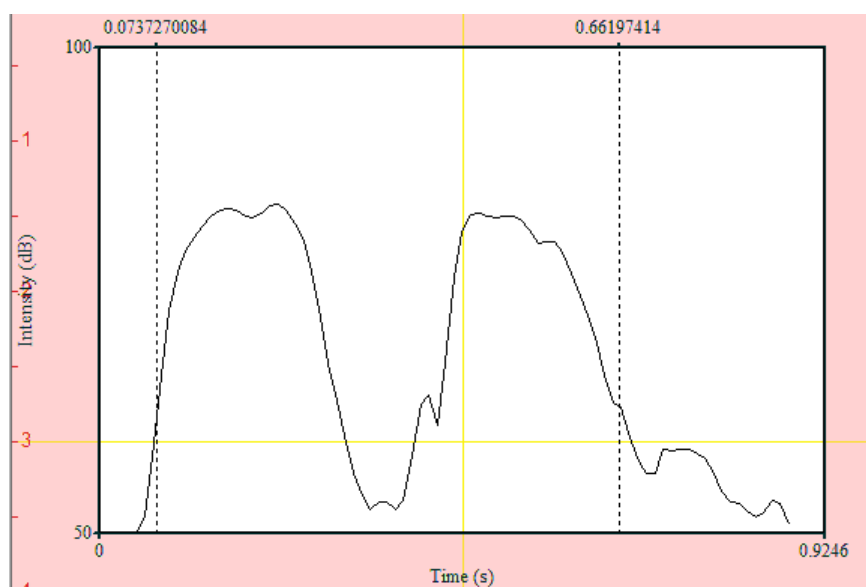
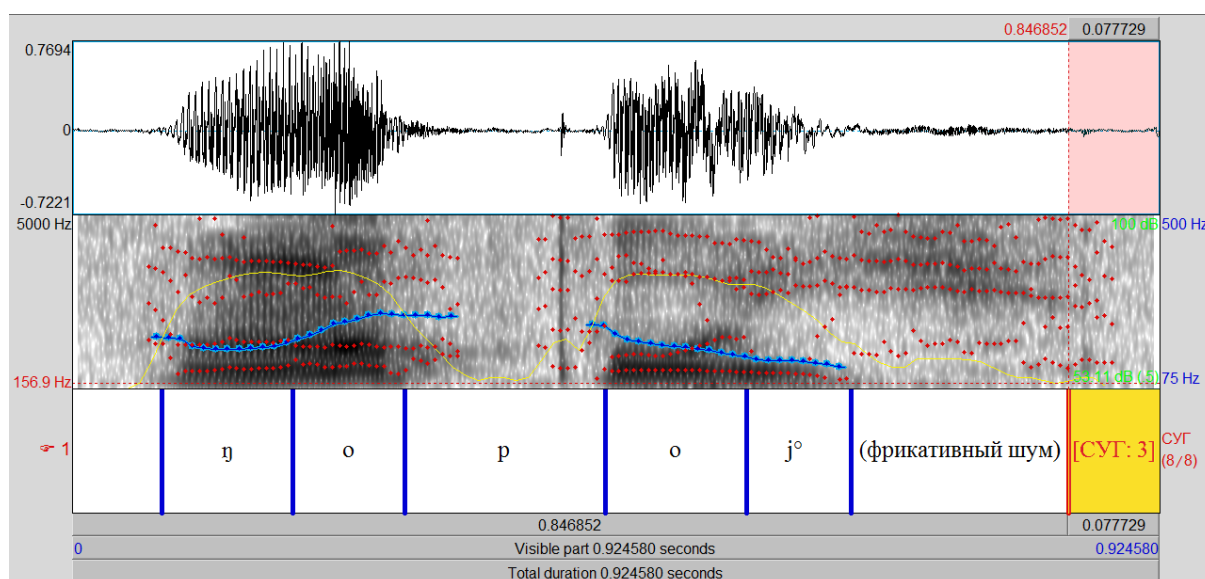
(22Г) Т гыдан. [ηорój] ηорój° [CUT: 1]

(22Г) Т гыдан. [ɲəɾɔj] ɲəɾɔj° [CUT: 2]

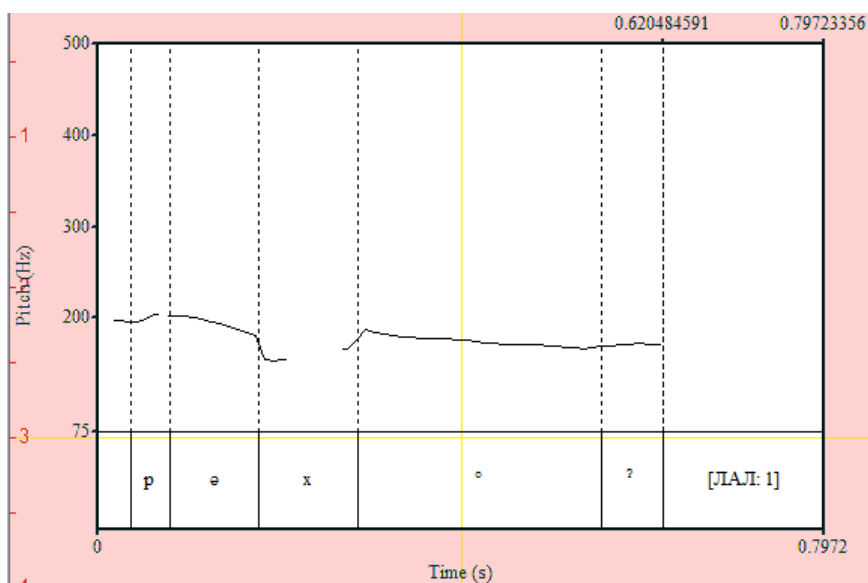
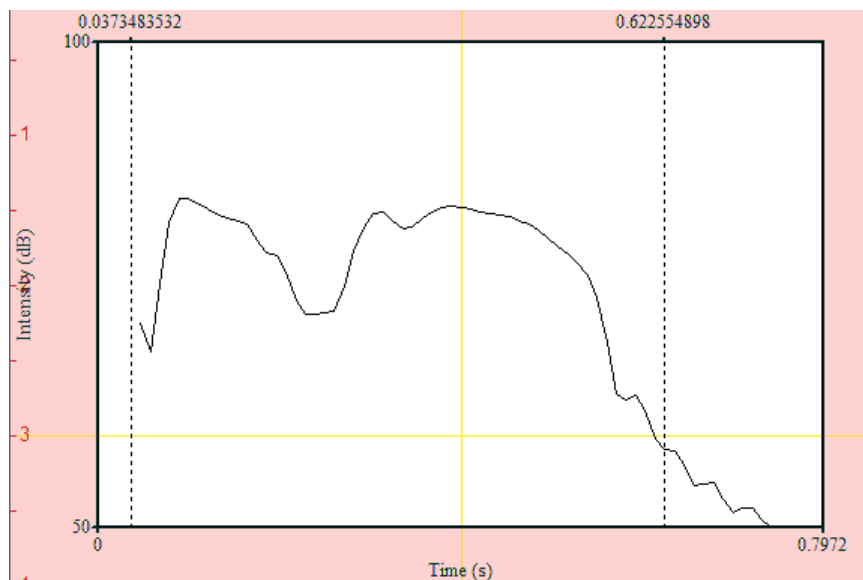
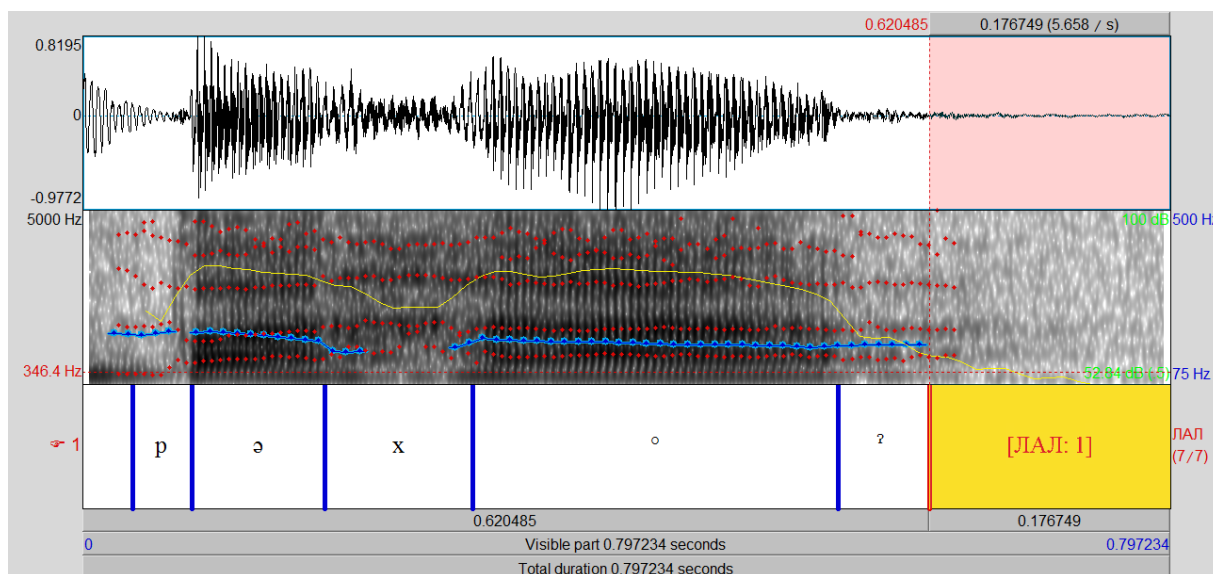

(22Г) Т гыдан. [ηorój°] ηorój° [СУГ: 3]

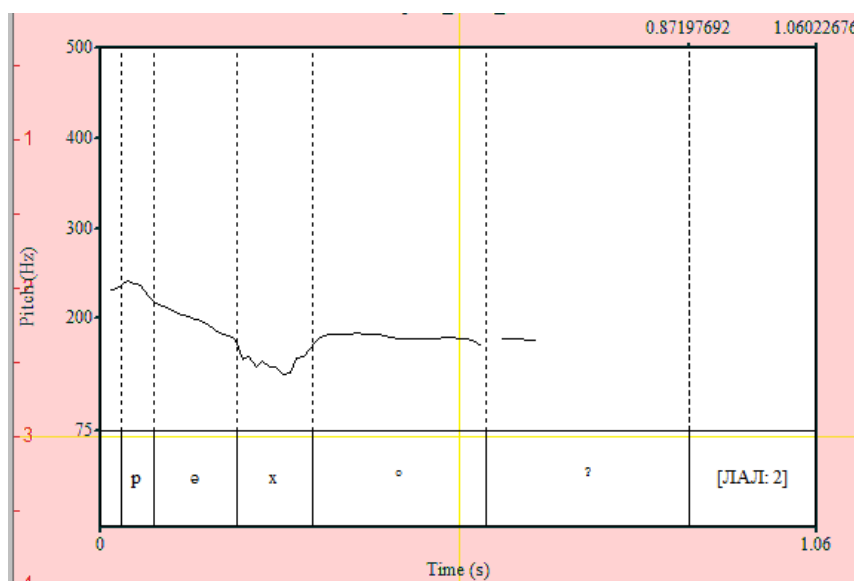
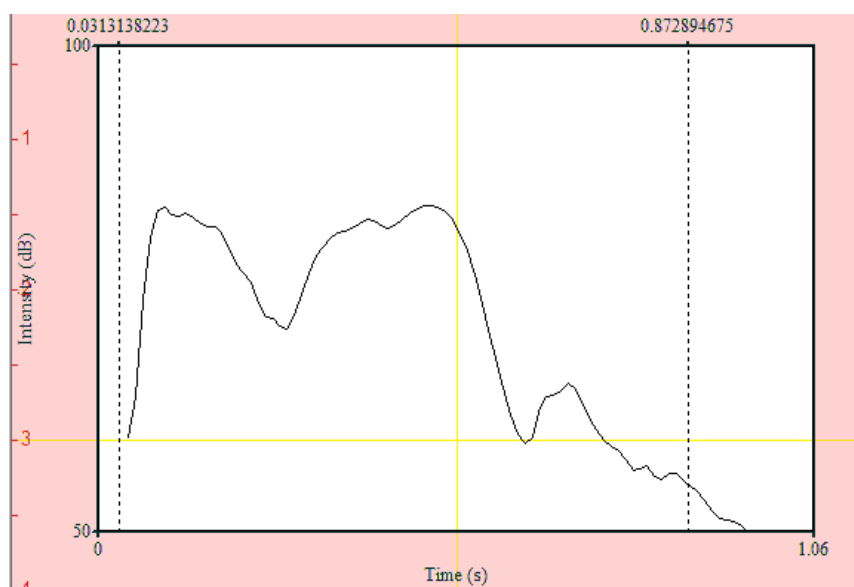
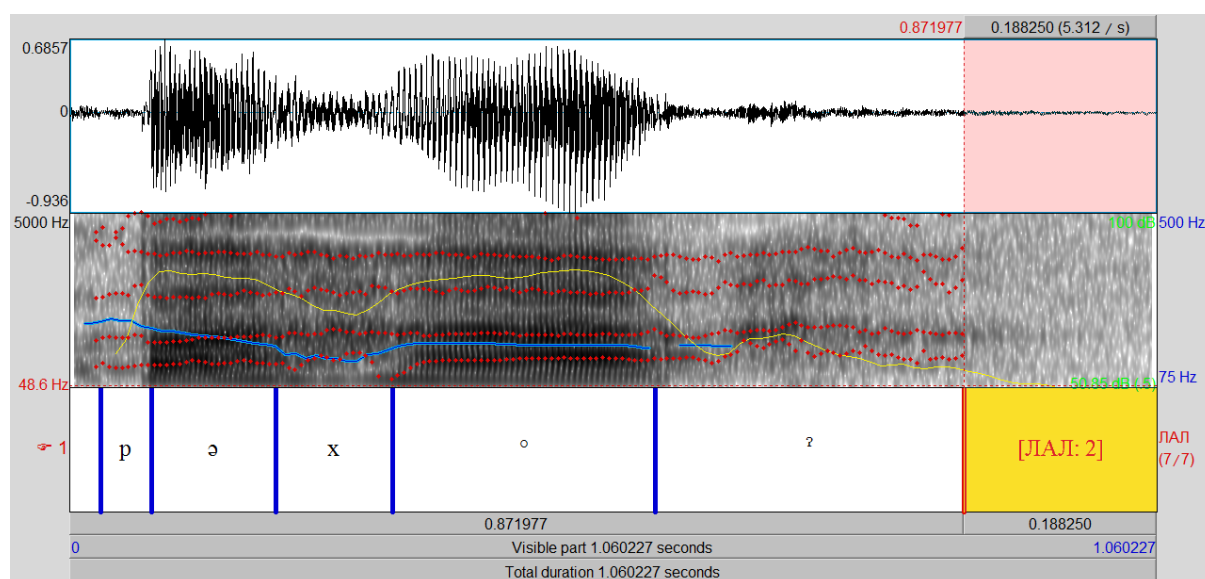

4. Фонетические слова с краткими гласными среднего ряда в первом и втором слогах

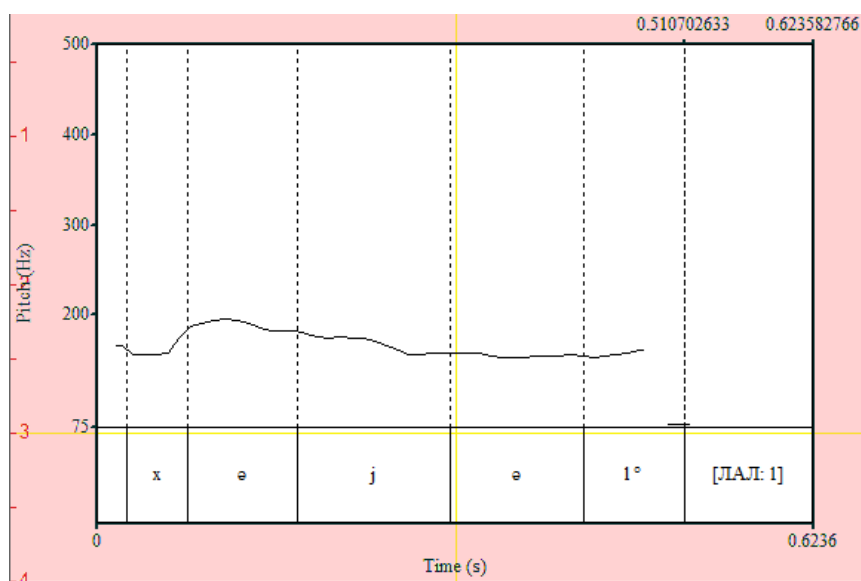
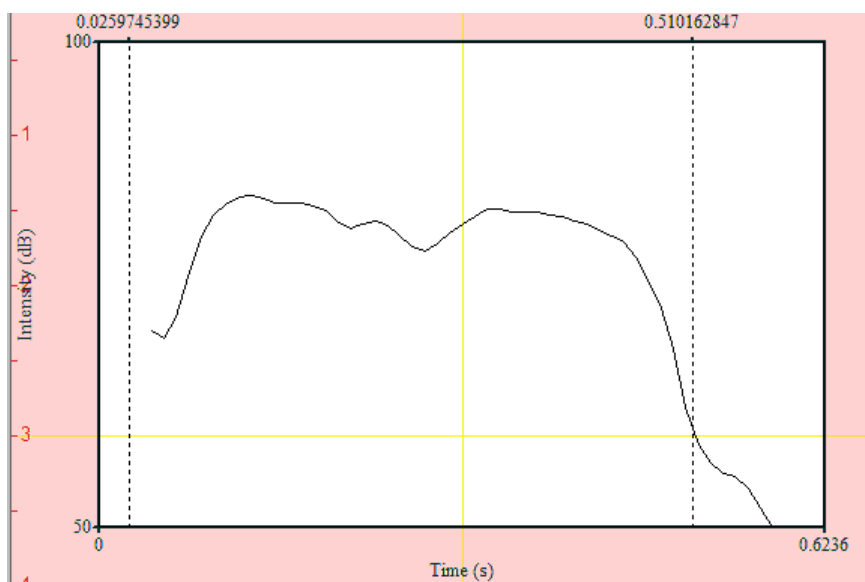
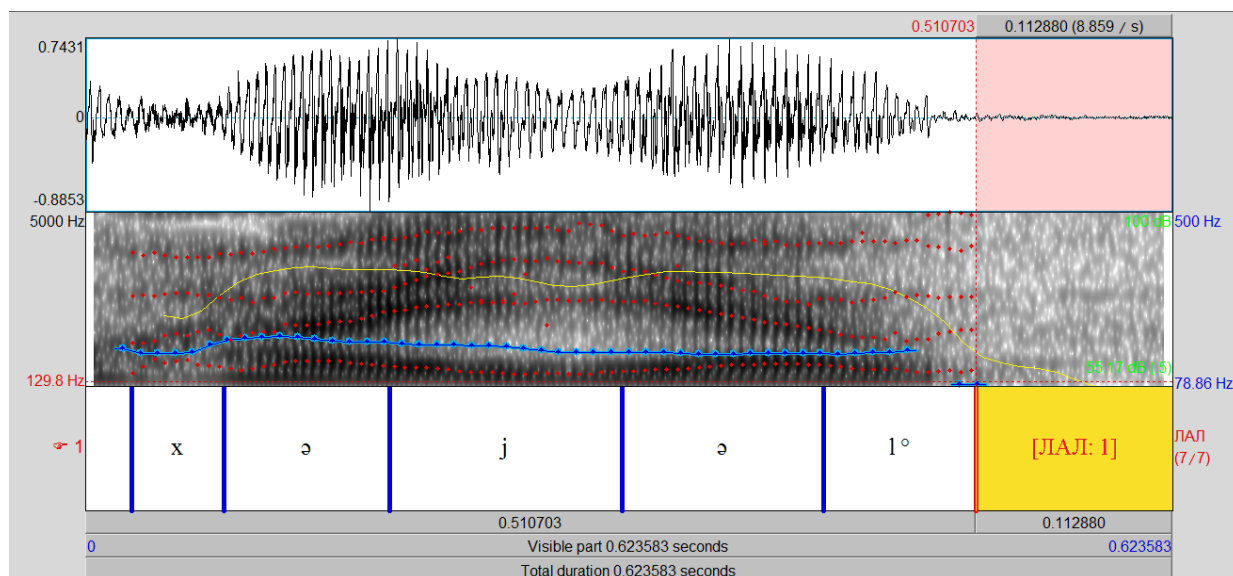
(23Г) Т гыдан. [pəxʲə] pəxʲə [ЛЛЛ: 1]

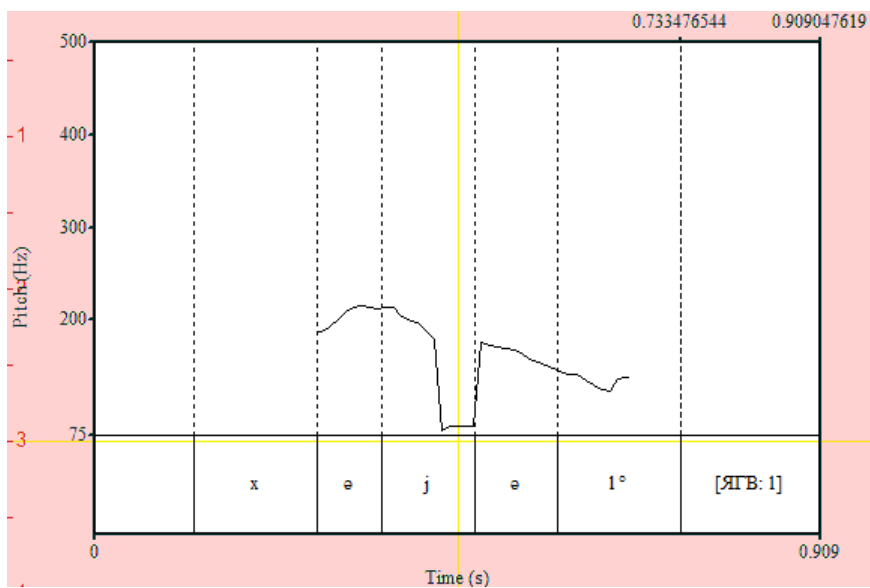
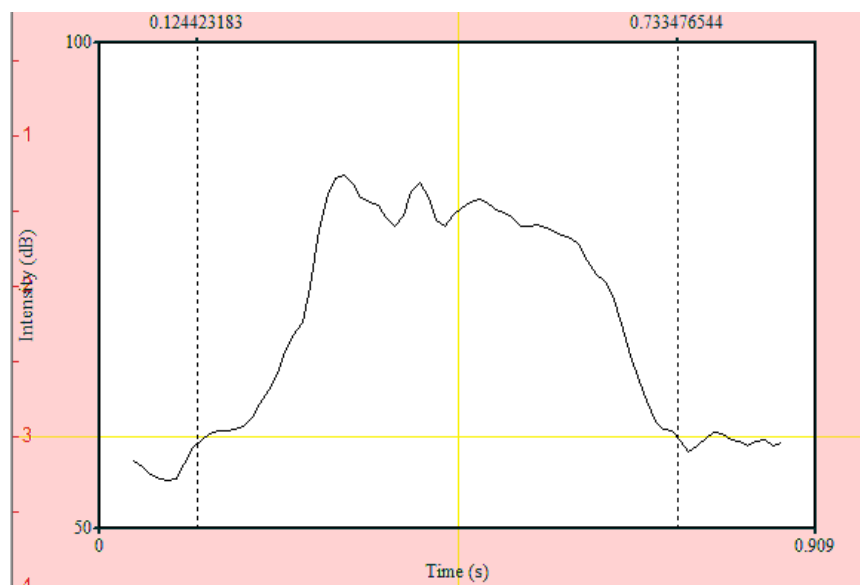
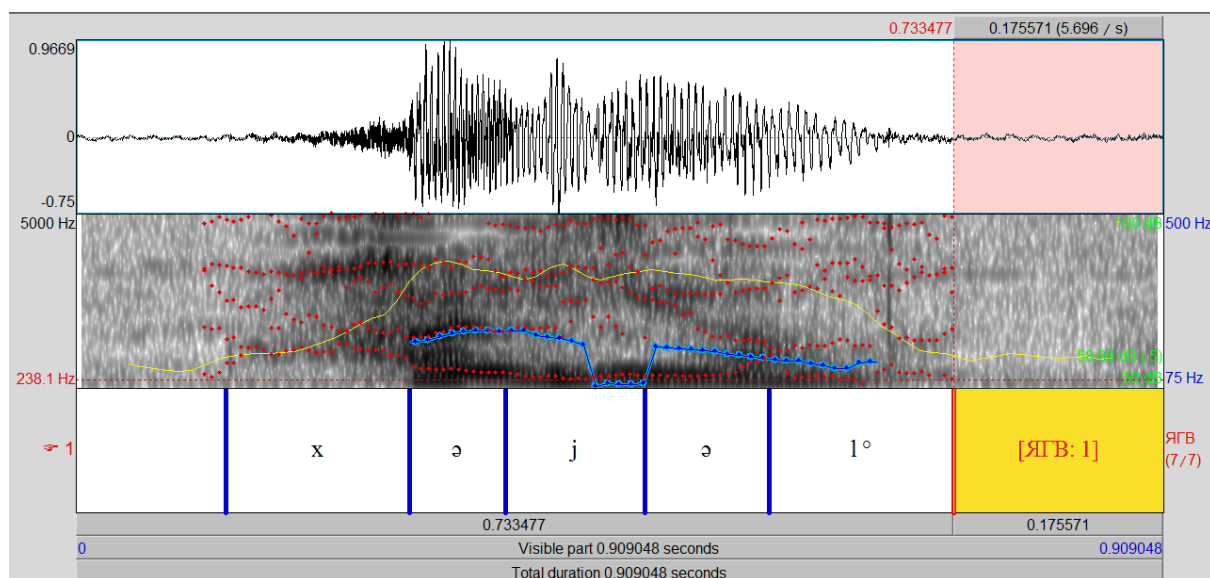
(23Г) Т гыдан. [pəiʏeʔ^h] pəx^{oʔ} [ЛАЛ: 2]

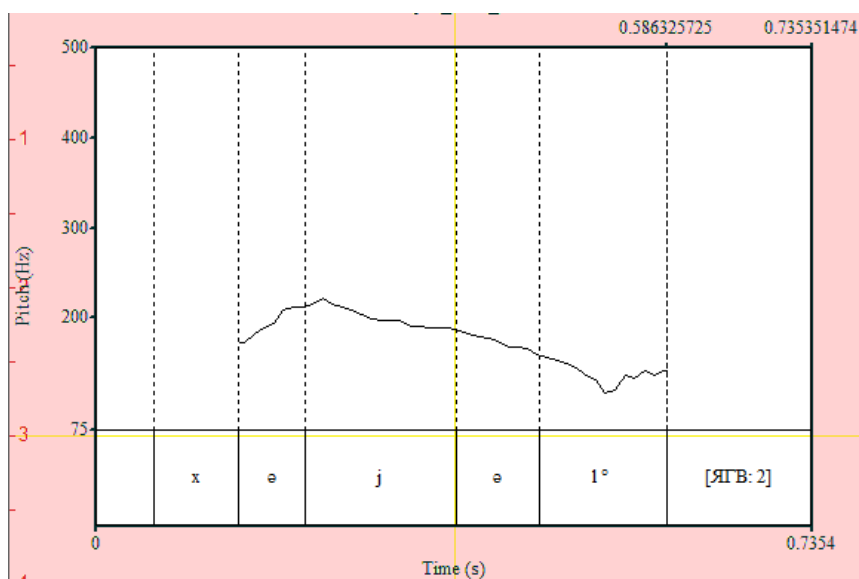
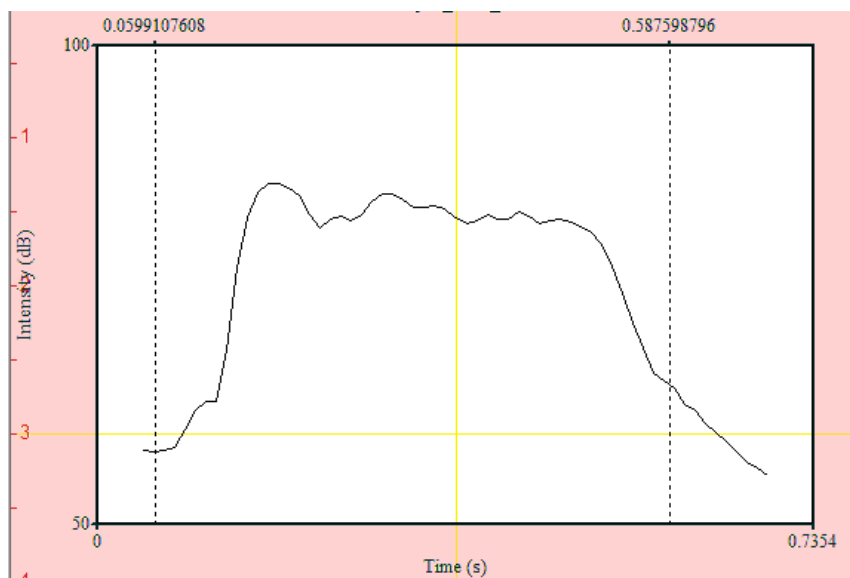
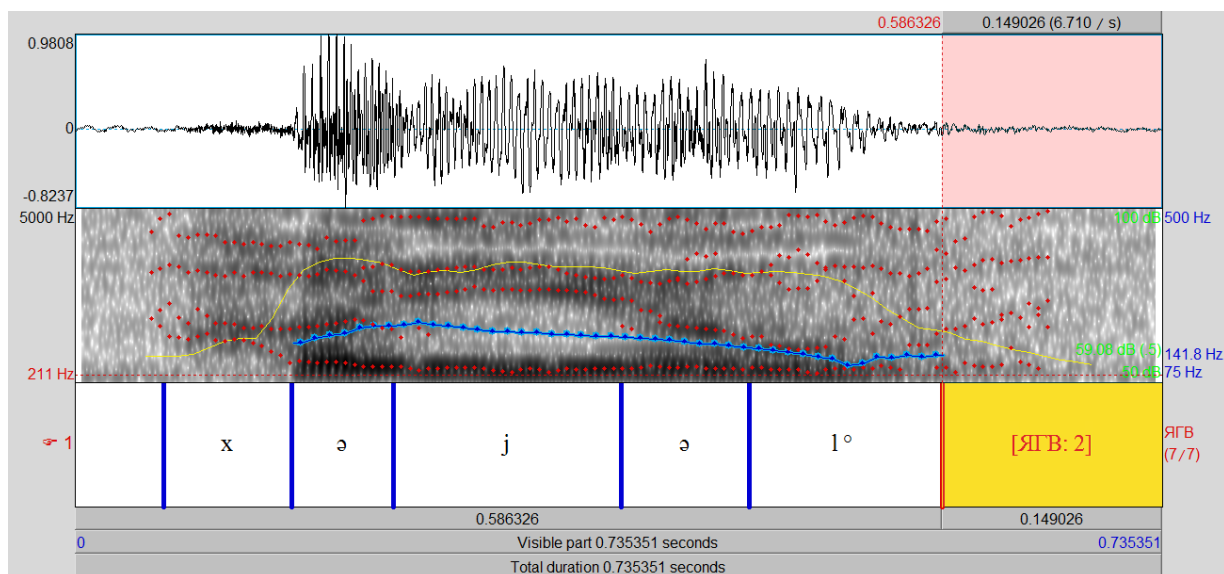
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl] xəjəl° [ЛАЛ: 1]

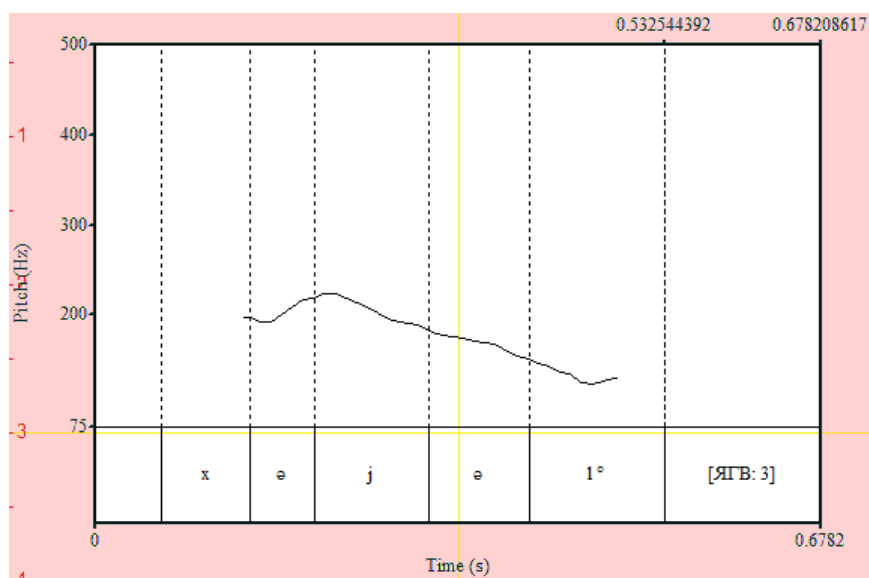
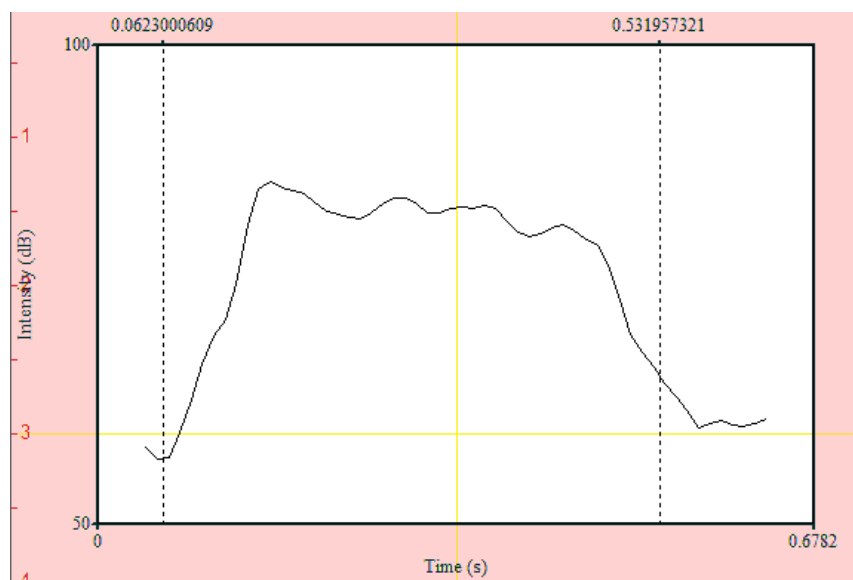
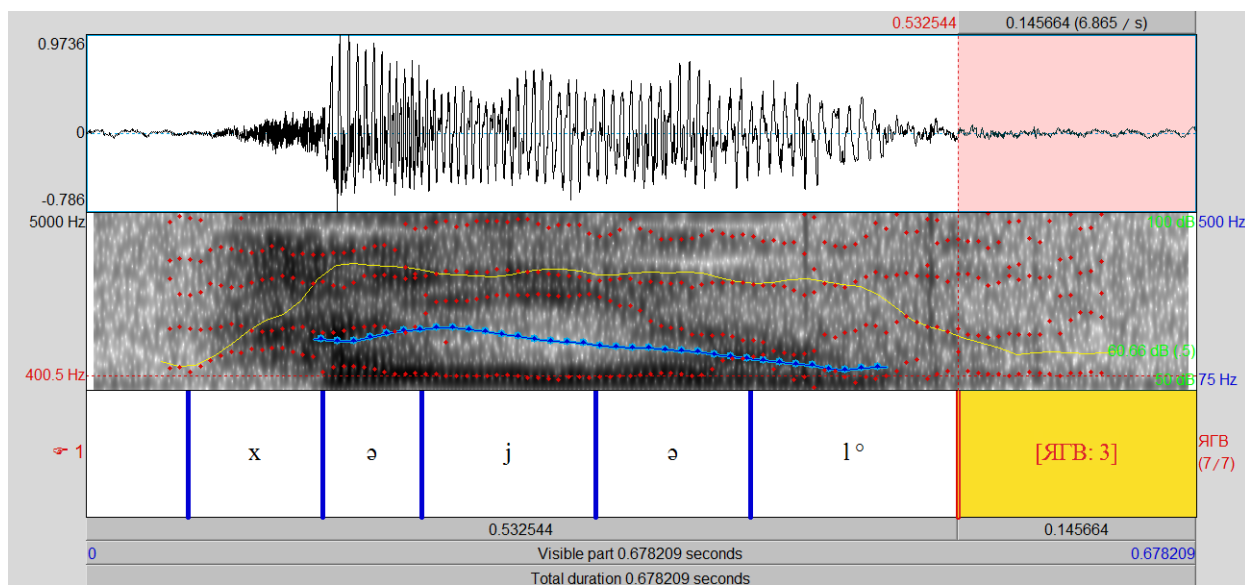
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl°] xəjəl° [ЯГВ: 1]

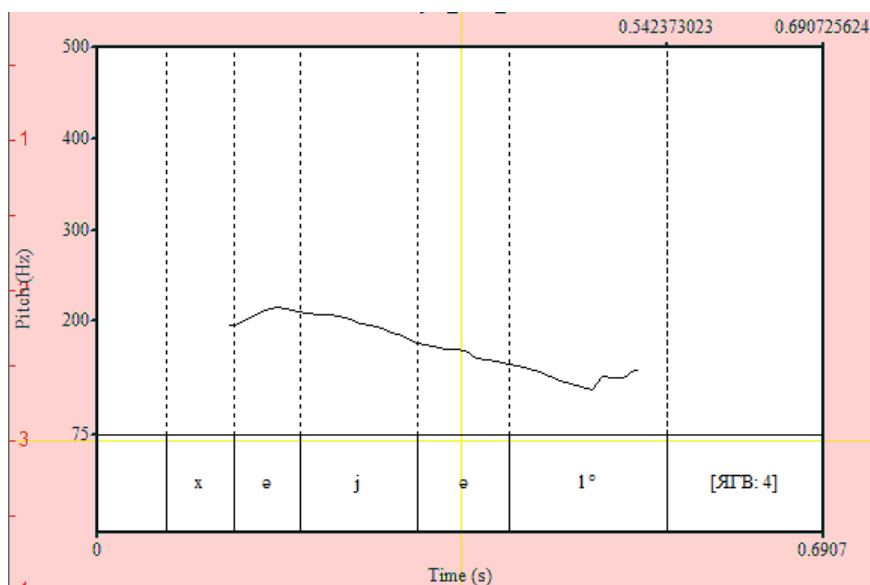
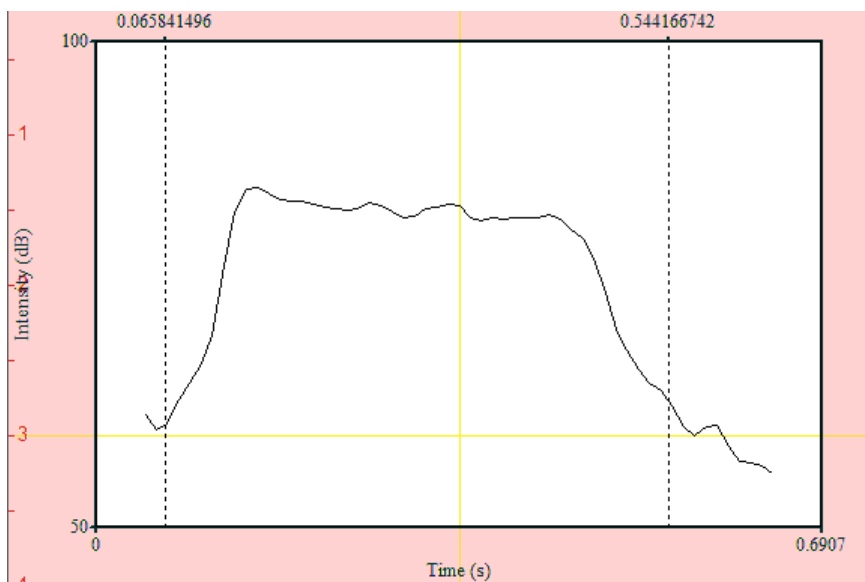
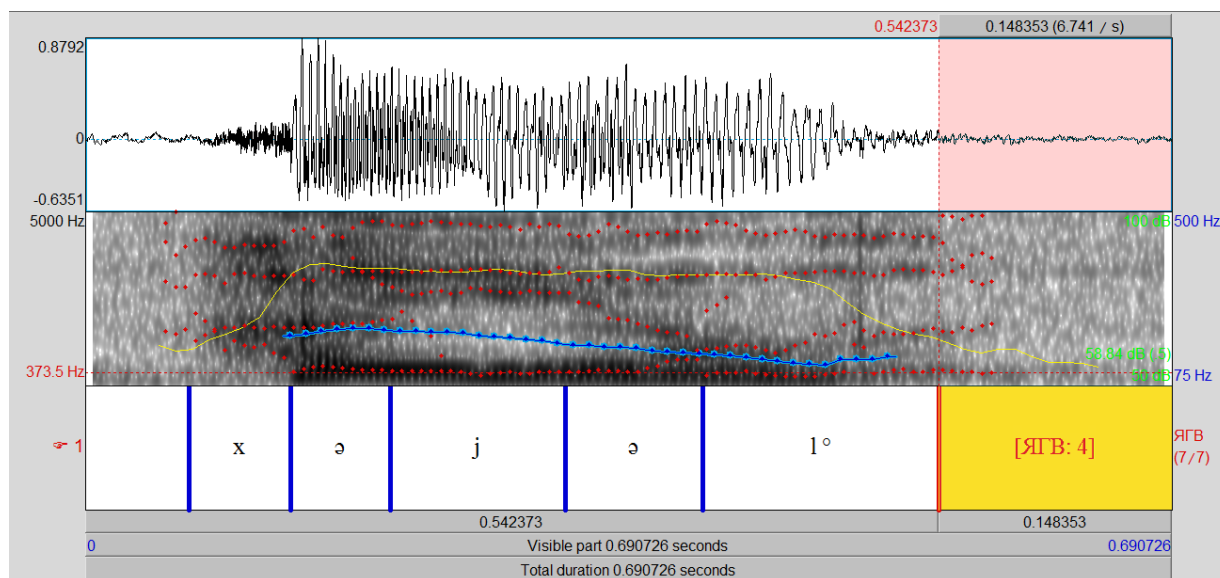
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl] xəjəl° [ЯГВ: 2]

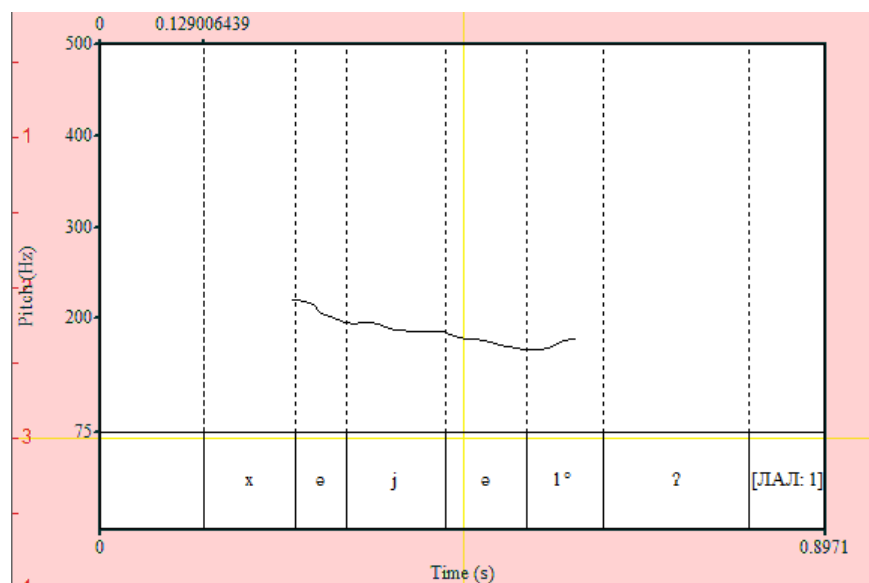
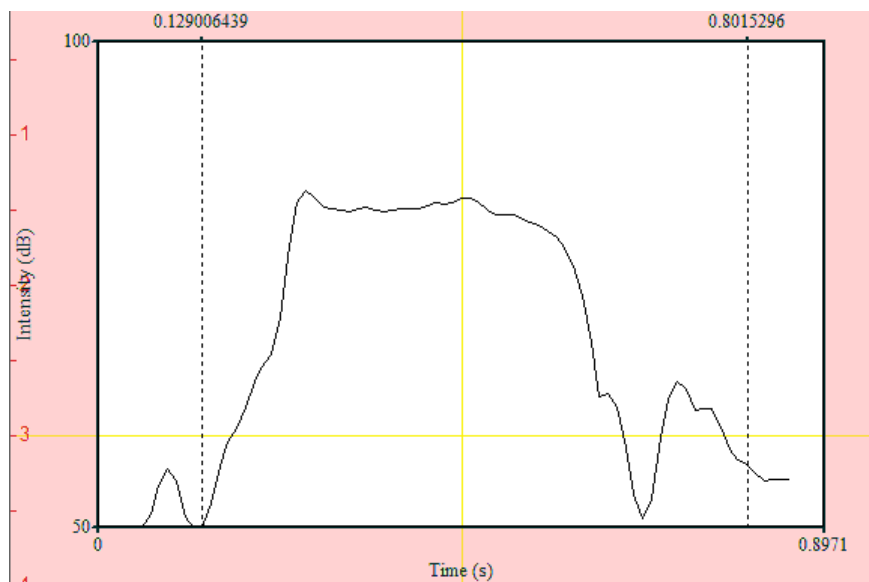
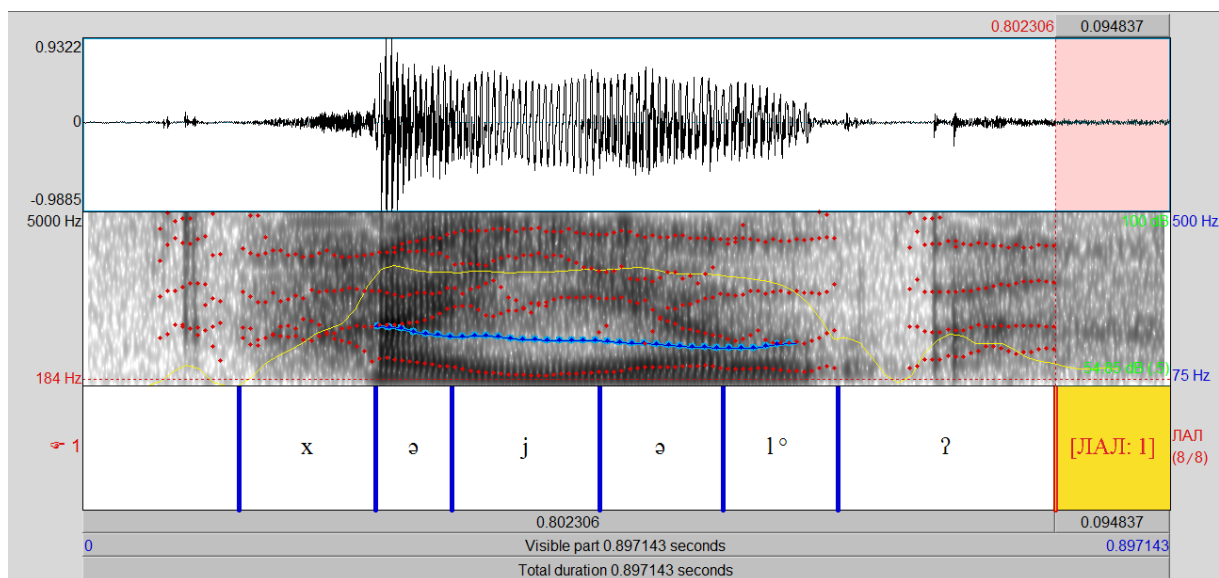
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl°] xəjəl° [ЯГВ: 3]

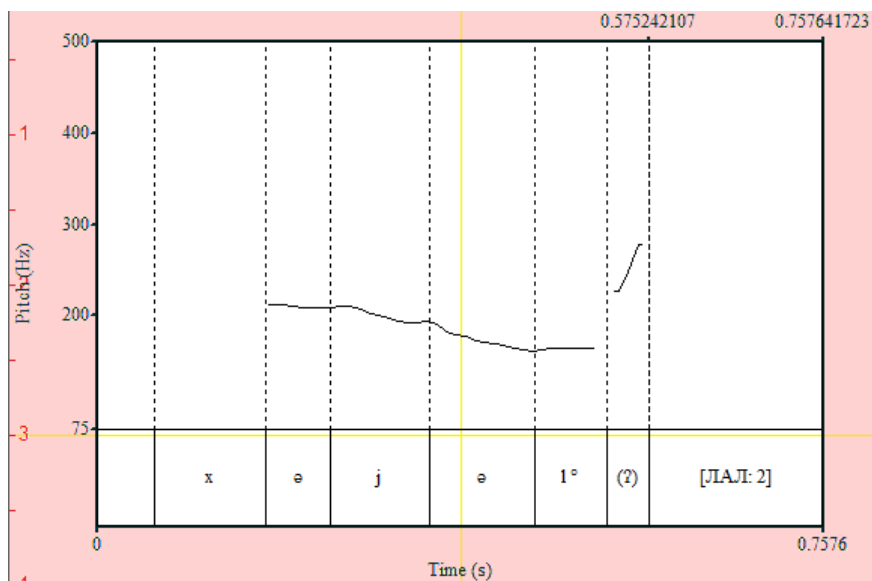
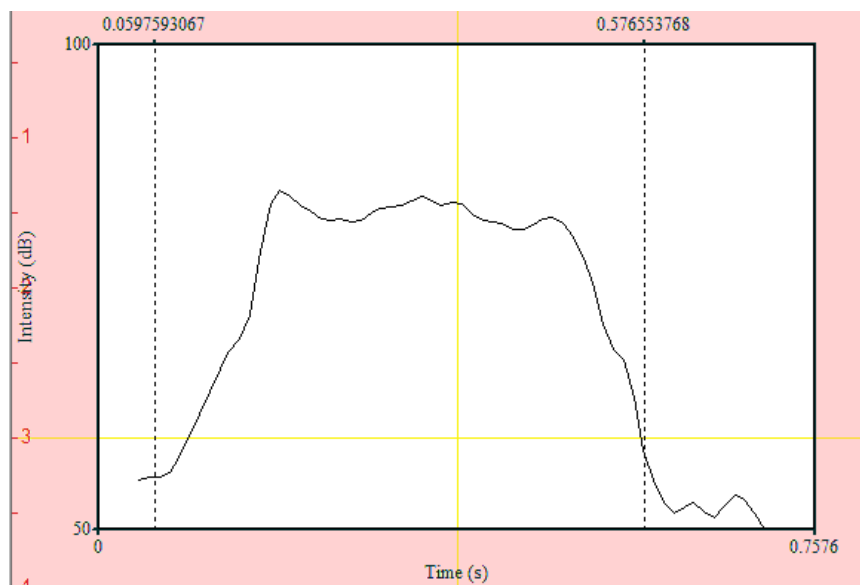
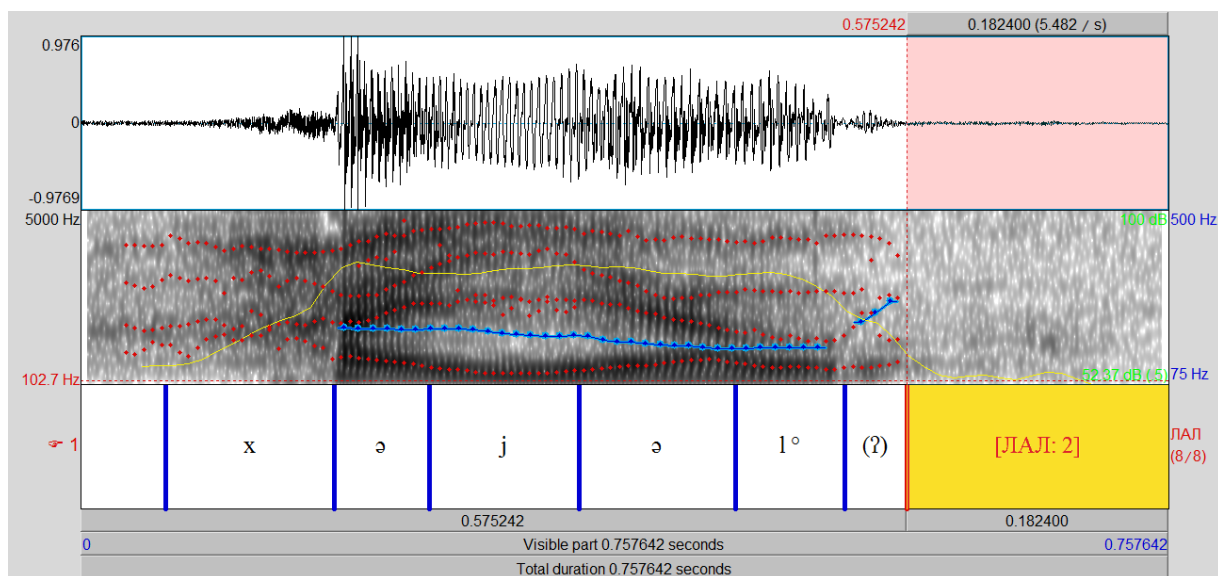
(24Г(1)) Т гыдан. [xəjəl] xəjəl° [ЯГВ: 4]

(24Г(2)) Т гыдан. [xəjəlʔ] xəjəlʔ [ЛАЛ: 1]

(24Г(2)) Т гыдан. [xəjəlʲ] xəjəlʲʔ [ЛЛЛ: 2]

Сокращения

Языки и диалекты

ненец. — ненецкий

Л — лесной ненецкий

Kis. — говор по р. Киселёвская (идиолект *kōl'l'əz βîɛn-ŋamššp*) [Lehtisalo 1956]

Kis₂ — говор по р. Киселёвская (идиолект *jennā³kkī ŋāχannī*) [Lehtisalo 1956]

Lj. — ляминский говор (идиолект *jīšsu n'ē₄tšū*) [Lehtisalo 1956]

Ni. — говор по реке *n'ṭ'ṭ'š'e''ej* [Lehtisalo 1956]

Nj. — нялинский говор [Lehtisalo 1956]

P (= P₁) — пуровский говор (идиолект *βaššəp ŋăɛiββašettp*) [Lehtisalo 1956]

P₂ — пуровский говор (идиолект *šî₄umūk ŋăɛiββašettp*) [Lehtisalo 1956]

S — говор по р. Сахалинская [Lehtisalo 1956]

Т — тундровый ненецкий

б.-з. — большеземельский диалект

I — ижемский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Ижма) [Lehtisalo 1956]

K — колвинский говор (идиолект носителя, жившего в населенном пункте Колва) [Lehtisalo 1956]

МВ — говор Усть-Цильмы (идиолект Катерины Выучейской) [Lehtisalo 1956]

Sj. — говор по реке *š'òidp* (Полярный Урал) [Lehtisalo 1956]

U — устьинский (пустозерский) говор [Lehtisalo 1956]

вост. — восточные диалекты

O (= O₁) — обдорский говор (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew) [Lehtisalo 1956]

ОР — говор нижней Оби (идиолект Матвея Ядне, Matwei Jadnje) [Lehtisalo 1956]

T₁ — говор района Тазовской губы (идиолект Ивана Хаби) [Lehtisalo 1956]

T₂ — говор района Тазовской губы (идиолект *n'ēmB'qdp šābī*) [Lehtisalo 1956]

T₃ — говор в устье р. Пур (идиолект Васи Тёра, Wasja Tjor) [Lehtisalo 1956]

T₄ — говор района Тазовской губы (идиолект *māšš'ērū βārā*) [Lehtisalo 1956]

T₅ — идиолект носителя из рода *βāñnòittā*, проживающего в Туруханском крае Енисейской губернии [Lehtisalo 1956]

T₇ — говор по р. Таз (идиолект *βāk t'qr*) [Lehtisalo 1956]

T₉ — тазовский говор, язык фольклорного текста, записанного в Тазовском районе от рассказчиков *parttā χūd'eì, tuiñni χūd'eì* и *ān mārīk* [Lehtisalo 1956]

гыдан. — гыданский диалект

тайм. — таймырский диалект

зап. — западные диалекты

М — мезенский говор (идиолект носительницы Katerina Marennisnja и ее сына *mikkulài βî₄u₄t'šèi*, записанный в городе Мезени у Белого моря) [Lehtisalo 1956]

N — говор с. Несь [Lehtisalo 1956]

Oks. — оксинский говор [Lehtisalo 1956]

Sjo. — сёмжинский говор [Lehtisalo 1956]

U-Ts. — идиолект Ofimja *šōB'q₄l'ūβ* [Lehtisalo 1956]

ПС — прасамодийский

ПСС — прасеверносамодийский

рус. — русский (= russ. [Lehtisalo 1956])

Информанты

ВЗТ — Вэнго Зоя Торневна (около 1975 г. р., род. в Гыданской тундре; зимой живет в с. Гыда, летом — на о. Оленьем)

ЛАЛ — Лапцуй (урожд. Салиндер) Анжелика Ляликовна (1968 г. р., род. в Гыданской тундре, близ Танамы; 10 классов; младший воспитатель в школе-интернате; в 1986—1992 гг. жила в тундре, с 1992 г. живет в с. Гыда)

СУГ — Салиндер (урожд. Яптунай) Ульяна Григорьевна (1968 г. р., родом из Гыданской тундры; 8 классов, среднее специальное образование; уборщица; до 2002 г. жила в тундре, с 2002 г. живет в с. Гыда)

ЯГВ — Яр (урожд. Лапцуй) Галина Вáнзовна (1958 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 классов, среднее специальное образование; уборщица; в 1978—2007 гг. жила в тундре, с 2007 г. живет в с. Гыда)

ЯНХ — Яптунай Николай Ханзотáвич (1955 г. р., род. в Гыданской тундре; 10 классов, незаконченное высшее образование; оленевод; постоянно живет в Гыданской тундре)

Общие

БГ — безударный гласный	ФС — фонетическое слово
букв. — буквально	числ. — имя числительное
Гц — герц	ЧОТ — частота основного тона
Д — длительность	ЧОТ1 — частота основного тона гласного первого слога
Д1 — длительность гласного первого слога	ЧОТ2 — частота основного тона гласного второго слога
Д2 — длительность гласного второго слога	
дБ — децибел	
зоол. — зоологическое	
И — интенсивность	ACC — аккузатив (винительный падеж)
И1 — интенсивность гласного первого слога	С — любой согласный
И2 — интенсивность гласного второго слога	der. — дериват
инф. — информант	F1 — первая форманта
колич. — количественное (числительное)	F2 — вторая форманта
мсек. — миллисекунда	когг. — korrelativ [Janhunen 1977]
перен. — переносное значение	PL — множественное число
призв. — призыв	SG — единственное число
произн. — произнесение	V — любой гласный
сек. — секунда	1С — первый слог
УГ — ударный гласный	2С — второй слог
урожд. — урожденный	# — абсолютный конец

Литература

- Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть II. Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012, 1 (6). С. 7—54. {Amelina M. K. Accent characteristics of nouns in Tundra Nenets. Part II. The Gydan dialect // Ural-Altaic Studies. 2012, 1 (6). P. 7—54.}
- Амелина 2016a — Амелина М. К. Ударение в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъёмов // Урало-алтайские исследования. 2016, 2 (21). С. 7—82. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altaic Studies. 2016, 2 (21). P. 7—82.}
- Амелина 2016б — Амелина М. К. Ударение в непроеизводных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъёма // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 7—83. {Amelina M. K. Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Yamal dialect of Tundra Nenets. Part II. Phonetic words with high vowels // Ural-Altaic Studies. 2016, 4 (23). P. 7—83.}
- Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Около 6500 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. СПб., 2002. {Barmich M. Ja., Vello I. A. Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary (Forest dialect): approximately 6500 words. A textbook for elementary school. 2nd ed. SPb., 2002.}
- Бондарко 1977 — Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. {Bondarko L. V. Acoustic build of the modern Russian language. M., 1977.}
- Кодзасов 1991 — Кодзасов С. В. Пространство просодических возможностей и акцентная эволюция // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 108—112. {Kodzasov S. V. The realm of prosodic possibilities and accent evolution // Slavic studies. Indo-European studies. Nostratic studies: On account of V. A. Dybo's sixtieth birthday. M., 1991. P. 108—112.}
- Кривнова 2004 — Кривнова О. Ф. Длительность как средство реализации словесного ударения в тексте (сравнительный анализ разных способов оценки выраженности ударения в слове) // Язык и речь: Проблемы и решения. М., 2004. С. 77—99. {Krivnova O. F. Duration as a tool for making a word stress in a text (Comparative analysis of different ways to estimate the intensity of stress in a word) // Language and speech: Problems and solutions. M., 2004. P. 77—99.}
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1990. {Thesaurus of linguistics / Ed. Jartseva V. N. M., 1990.}
- Попова 1978 — Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12). {Popova Ja. N. Nenets-Russian dictionary: Forest dialect. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978, 12).}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}

Терещенко 1966 — *Терещенко Н. М.* Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 376—395. {*Tereshchenko N. M.* The Nenets language // Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages. M., 1966. P. 376—395.}

Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. SPb., 2008.}

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977. (= Castrenianumin toimitteita, 17.)

Lehiste 1970 — *Lehiste I.* Suprasegmentals. Cambridge, 1970.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XIII.)

Salminen 1997 — *Salminen T.* Tundra Nenets inflection // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 227. Helsinki, 1997.

Salminen 1998 — *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki, 1998.

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье к исследованию привлекаются полевые данные автора, полученные в ходе работы с носителями гыданского диалекта тундрового ненецкого языка в с. Гыда Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа в сентябре 2011 г. Данная статья посвящена вопросам супraseгментной фонетики этого диалекта (говора с. Гыда и Гыданской тундры Тазовского района ЯНАО). В ней выявлены основные и второстепенные акустические корреляты ударения в непроезженных именах с однородным вокалическим составом, представленным гласными нижнего и среднего подъёмов, в гыданском диалекте. В статье проанализирована комбинаторика основных и второстепенных акустических коррелятов ударения в гыданском диалекте и представлен вывод, что ударение в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка является квантитативно-экспираторным с элементами тонального, т. е. акустическими коррелятами словесного акцента в гыданском диалекте являются большая длительность (темпоральная выделенность), большая интенсивность (экспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр. Наоборот, для маркирования ударного гласного второго слога на первый план выходит темпоральный параметр, а тональный и экспираторный параметры оказываются дополнительными.

SUMMARY

In the article the field data collected by the author during the work with native speakers of the Gydan dialect of Tundra Nenets in Gyda village (Tazovski municipal district, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) in September 2011. The article deals with the problems of suprasegmental phonetics of the Gydan dialect (the idiom of Gyda and the Gydan tundra of the Tazovski municipal district). The basic and secondary acoustic correlates of stress (word accent) in the underived nouns with homogeneous vocalic structure (with low and mid vowels) in the Gydan dialect are considered in the article. In the paper the combinatorics of the primary and secondary acoustic correlates of stress in the Gydan dialect is considered and the conclusion that the word accent in the Gydan dialect is expiratory and quantitative with tonal features is presented, i. e. the main acoustic correlates of stress are temporal, expiratory and tonal marking of a stressed vowel compared with the unstressed. While marking of a stressed vowel of the first syllable is mainly based on the expiratory emphasis, marking of a stressed vowel of the second syllable is mainly based on the temporal emphasis and tonal and expiratory marking is not obligatory.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, гыданский диалект, ударение, акустические корреляты ударения, гласные нижнего подъёма, гласные среднего подъёма

Keywords: Tundra Nenets, the Gydan dialect, stress, acoustic correlates of stress, low vowels, mid vowels

Амелина Мария Константиновна, Институт языкознания РАН (Москва); neamelina@gmail.com

Maria K. Amelina, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); neamelina@gmail.com